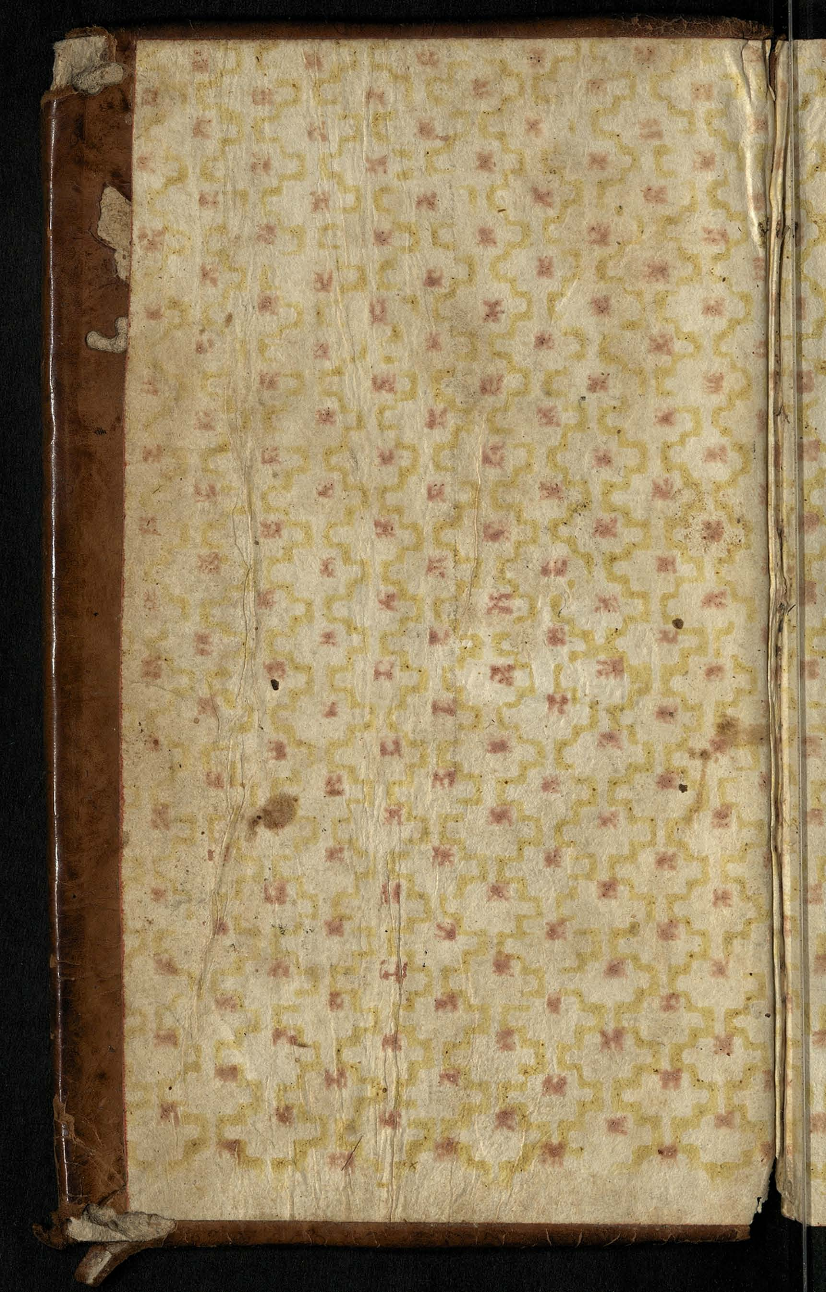
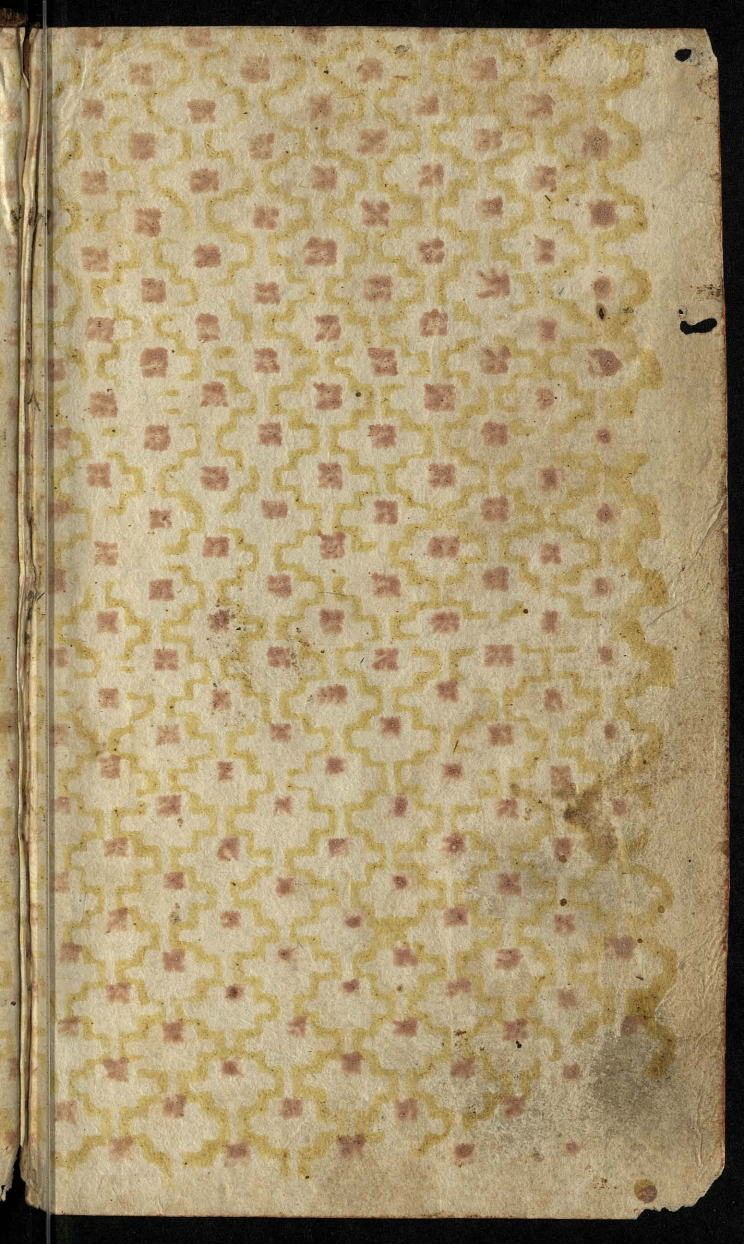

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
АБЕЛЬЯРДА
И
ЭЛОИЗЫ,

съ присовокупленіемъ описанія жизни сихъ нещастныхъ любовниковъ.

Перевелъ съ Французскаго

Александръ Дмитріевъ.

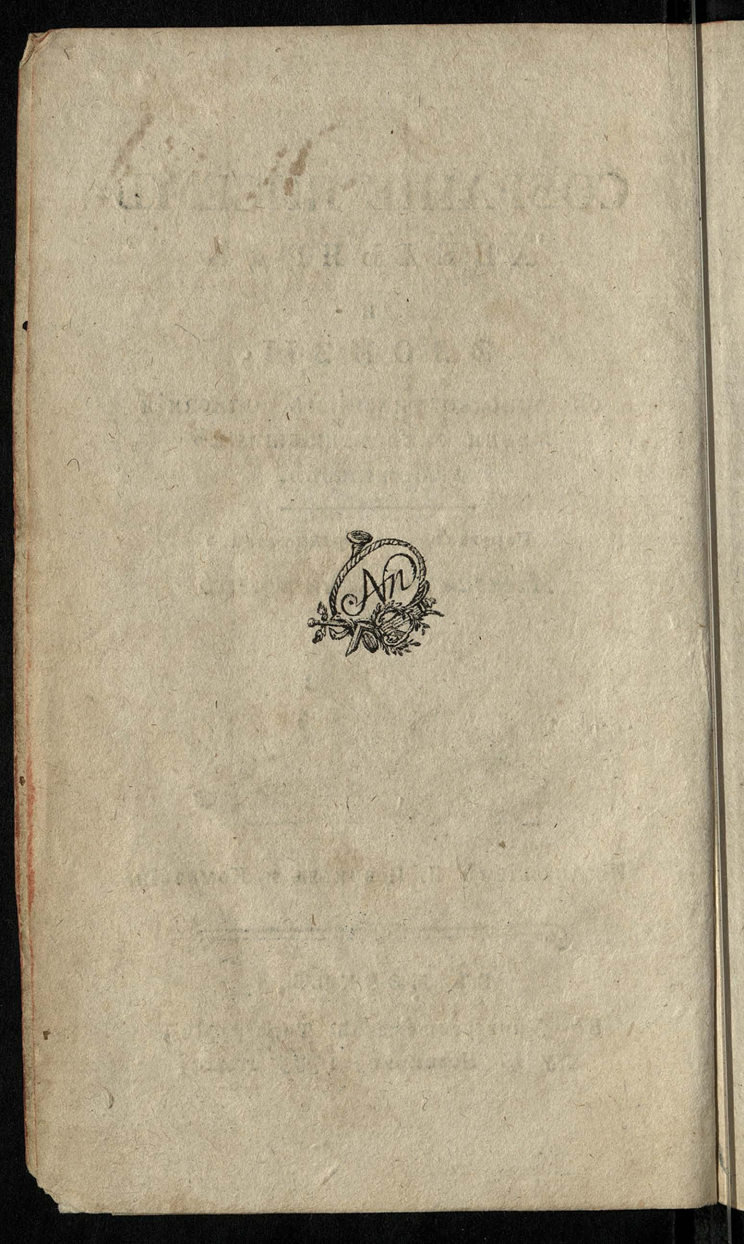

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ ПРИНОШЕНІЕ.

Прелестныя обладательницы сердецъ нашихъ! Я Вамъ посвящаю переводъ мой въ знакъ того почитанія, которое я къ Вамъ имѣю и кое всѣ мы имѣть къ Вамъ обязаны какъ къ такимъ существамъ, которымъ мы всемъ нашимъ благополучіемъ должествуемъ: безъ Васъ вся бы жизнь наша была исполнена безпрерывными скуками и горестьми, а Вы, пріятностію Вашею грубость нравовъ нашихъ умягчая, отъ оныхъ насъ избавляете и возводите насъ на верьхъ первѣйшаго блаженства, силою Ва-

шихъ прелестей влагая въ сердца наши любовь, сію нѣжную страсть, съ которою никакія удовольствія въ жизни сравниться не могутъ. Одни только жестокія сердца власти Вашей не повинуются; но они сего щастія и недостойны.

И такъ прошу Васъ удостоить книгу сію благосклоннаго Вашего пріятія. Оная переведена хотя и не весьма искуснымъ переводчикомъ, однакожъ истиннымъ почитателемъ Вашего пола.

А. Д.

ЖИЗНЬ АБЕЛЬЯРДА И ЭЛОИЗЫ.

Весьма немного таковыхъ, которымъ бы нещастія Абельярда и Элоизы не были извѣстны. Весь свѣтъ вѣдаетъ, что они толикожъ были славны глубокимъ ихъ знаніемъ въ восточныхъ языкахъ (Еврейскомъ и Греческомъ), колико и нещастливы въ любви своей, особливо Петръ Абельярдъ испыталъ на себѣ все то, что человѣческое мщеніе можетъ изобрѣсти наижесточайшаго чрезъ варварское дѣйствіе, надъ нимъ учиненное, которое ничего ему мужескаго, кромѣ названія, не оставило.

Сей нещастной родился въ 1079 году въ мѣстечкѣ, называемомъ Пале, близь Нантеса. Увѣряютъ, что отецъ его и мать, предчувствуя будущее его краснорѣчіе, назвали его Абельярдомъ по причинѣ сего собранія похвальныхъ знаній, изъ коихъ проистекалъ медъ, сладчайшій производимаго пчелами (и такъ по сему произведенію и должно называть его Абельярдомъ, а не Абелардомъ, или Абайлардомъ). Хотя отецъ его былъ благородной и съ похвалою упражнялся въ военномъ искусствѣ, но Абельярдъ со младыхъ лѣтъ своихъ предпочелъ науки военному духу. Все уступало остротѣ его разума: что для его сотоварищей казалося труднымъ упражненіемъ, то для него было простою забавою; стихотворцы, ораторы, языки Латинской, Греческой и Еврейской, также и Юриспруденція сдѣлались ему

до-

довольно извѣстными, наипачежъ прилѣжалъ онъ къ схоластической Философіи, которая въ то время была въ великомъ употребленіи; и чтобы совершенно оной предаться, онъ уступилъ своимъ братьямъ право своего первенства и наслѣдства, которое должно было ему достаться отъ его родственниковъ. Съ самаго сего времени Абельярдъ оставилъ Бретанію. Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые онъ проѣжжалъ, оставлялъ знаки остроты своего разума; никто не могъ такихъ, какъ онъ, дѣлать *глубокихъ* вопросовъ и оными привесть человѣка въ замѣшательство. Будучижъ недоволенъ симъ преимуществомъ, которое имѣлъ уже надъ другими въ превосходствѣ своихъ дарованій, и чтобъ удовольствовать благородное свое любопытство въ познаніи и склонность свою къ наукамъ, онъ пошелъ учиться въ Па-

Парижъ, куда слава тѣхъ, кои обучали, привлекала учениковъ изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Между учеными, отличившимися въ сей столицѣ, Вильгельмъ де Шампо, славный Богословъ, бывшій прежде Архидіякономъ Парижскимъ; потомъ Епископомъ въ Шалонѣ, что на Марнѣ, напослѣдокъ Ситосскимъ монахомъ, былъ тотъ, коего Абельярдъ избралъ въ свои учители. Слава новаго ученика вскорѣ затмила славу и уязвила гордость учителя. Сіе превосходство навлекло ему множество непріятелей. Вильгельмъ де Шампо между прочими, весьма завидуя успѣхамъ своего ученика, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые хотѣли помрачить честь его; но Абельярдъ всегда былъ побѣдителемъ; никто въ споръ съ нимъ войти не осмѣливался. Однакожъ чтобы не раздражить болѣе ревности своихъ сопротивниковъ, онъ оставилъ

вилъ Парижъ и пошелъ учить Философiи въ Мелунъ. Сей городъ въ тогдашнее время былъ довольно знатенъ. Дворъ, пребывающiй въ ономъ часть года, привлекалъ многихъ туда чужестранныхъ. Абельярдъ имѣлъ тогда не болѣе 22 лѣтъ отъ роду, какъ получилъ позволенiе учредить въ семъ городѣ новую Философическую каѳедру. Шампо, коего зависть еще не погасла, тщетно употреблялъ старанiя друзей своихъ, чтобъ воспрепятствовать ученику своему въ открытiи его школы. Абельярдъ получилъ надъ нимъ поверхность. Слава его столь сдѣлалась громкою, что въ короткое время онъ такое великое число имѣлъ слушателей, что Парижскiе классы начали казаться пустыми; ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о Абельярдѣ. Онъ не только что помрачилъ славу, которую прiобрѣлъ себѣ Шампо, но и сдѣлалъ

его у всѣхъ ненавистнымъ: ибо узнали, что подлая ревность возбудила его возстать противъ сего Философа. Чрезъ нѣсколько времени потомъ онъ отправился основать пребываніе свое въ Корбейль. Въ сіе-то мѣсто ученики де Шамповы приходили толпами спорить противъ учениковъ Абельярдовыхъ; но сіи послѣдніе всегда одерживали побѣду и пріобрѣтали своему учителю безконечную славу. Абельярдъ едва оною начáлъ наслаждаться, какъ впалъ въ опасную болѣзнь. Столь скорые успѣхи въ наукахъ здравіе и силы его ослабили: ибо желаніе сдѣлаться величайшимъ Философомъ своего вѣка заставляло забывать его принимать отдохновеніе и пищу, нужную къ сохраненію его жизни; наконецъ долженъ онъ былъ уступить жестокости болѣзни, коя со дня на день умножалась. Доктора принудили его,

есть-

естьли онъ хочетъ получить излеченіе, ѣхать пользоваться природнымъ воздухомъ. Сіе приказаніе ему было чувствительно; онъ отправился. Ученые огорчены были удаленіемъ сего славнаго Профессора. Желаніе Абельярдово скорѣе возвратиться въ Парижъ побуждало его о себѣ стараться: онъ поступалъ съ собою съ толикимъ раченіемъ, что чрезъ два года увидѣлъ себя въ состояніи явиться въ свѣтъ еще съ большею славою, нежели прежде.

По возвращеніи его въ Парижъ онъ нашелъ весьма великую перемѣну: Шампо постригся въ монахи, ученики его разсѣялись и науки въ изнеможеніи. Абельярдъ былъ тогда отъ рожденія 28 лѣтъ; онъ помирился съ прежнимъ своимъ учителемъ, который обучалъ Риторикѣ, и пошелъ къ нему въ науку. Но они не долго пробыли

безъ

безъ того, чтобъ снова не поссориться. Абельярдъ принудилъ его перемѣнить его мнѣніе и публично признать оное неправильнымъ. Онъ возпользовался нещастіемъ своего сопротивника и вскорѣ сдѣлался однимъ обучающимъ въ Парижѣ. Въ сіе-то время Абельярдъ видѣлъ себя почитаема оракуломъ въ Философіи; онъ былъ послѣдуемъ толпою слушателей, которые весьма недешево платили за честь, что обучались у искуснѣйшаго въ тогдашнее время во всемъ свѣтѣ учителя. Къ симъ благотвореніямъ фортуны еще былъ присоединенъ чинъ Каноника церкви Парижскія. Вѣроятно, что естьли бы остался онъ въ сей столицѣ, то бы со временемъ учинился оныя Епископомъ.

Монашеской чинъ въ сіе время былъ въ особливомъ почтеніи,

а наипаче во Франціи. Не рѣдко видали Принцовъ Епископами, также и женатыхъ людей, оставляющихъ свѣтъ для провожденія остальныхъ дней своихъ въ монастырѣ. Отецъ Абельярдовъ былъ изъ числа сихъ благочестивыхъ Христіянъ; онъ постригся также, какъ и его супруга. Сія нечаянная перемѣна въ фамиліи нашего Философа и повторяемыя письма отъ его матери, которая просила его пріѣхать къ ней, принудили его увидѣть паки свое отечество. Въ сіе его отсутствіе Шампо былъ сдѣланъ Епископомъ, что понудило Абельярда къ скорому возвращенію въ Парижъ. Но не нашедъ тамъ никого, ктобъ могъ распространить его славу, онъ принялъ намѣреніе итти слушать наставленій Ансельмовыхъ, Декана и Архидіякона Лаонскаго. Но какъ способность сего Богослова не соотвѣтствовала принятому

тому имъ къ нему почтенію, то рѣдко ходилъ къ его урокамъ; а когда бывалъ при оныхъ, то всегда *имѣлъ славу* заставлять молчать своего учителя. Ансельмъ, будучи огорченъ поступкомъ Абельярдовымъ, принудилъ его публично изъяснять первую главу *Іезекіиля*, что привлекло толико слушателей къ сему Философу, что въ скорое время число слушателей его сдѣлалось гораздо многочисленнѣе, нежели его учителя, который изъ презрительной ревности изгналъ его изъ Лаона.

Въ семъ печальномъ обстоятельствѣ Абельярдъ рѣшился возвратиться въ Парижъ; онъ тамъ показался въ достоинствѣ Богослова. Сдѣланное имъ публичное преподаваніе наставленій въ Священномъ Писаніи привлекало ему множество похвалъ, и доходъ

его

его знатно чрезъ то умножился; всякой вмѣнялъ себѣ за честь имѣть его своимъ другомъ: его достоинства, пріятныя и привлекательныя его поступки, все казалося споспѣшествовало къ его спокойствію и благополучію.

Уже четыре, или пять лѣтъ обучалъ онъ въ Парижѣ, какъ увѣдомился, что въ семъ городѣ находится чудо въ разумѣ, чему и въ предъидущихъ вѣкахъ не было примѣра; то была дѣвица отъ 17 до 18 лѣтъ столь высокаго разума, что не только въ природномъ своемъ языкѣ, но въ Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ была совершенно искусна. Мало было дѣвицъ, которыя бы въ красотѣ ее превосходили; не быложъ ни одной въ королевствѣ, а можетъ быть и на всемъ земномъ шарѣ, которая бы могла равняться съ нею въ разумѣ и учености.

Имя ея было Элоиза, или Луиза; извѣстное уже въ свѣтѣ по славѣ, ею пріобрѣтенной: вездѣ съ удивленіемъ о ней говорили. Она была племянница соборнаго Каноника, называемаго Фульбертомъ, который весьма ее любилъ и щиталъ за удовольствіе при себѣ ее воспитывать со всѣми попеченіями, какъ только вообразить можно: онъ былъ ей вмѣсто отца и матери, коихъ она въ самой еще нѣжной юности лишилася. Абельярдъ познакомился съ сею любви достойною дѣвицею. Онъ столь восхищенъ былъ обладаемыми Элоизою совершенствами, что изыскалъ ея имени превосходное произведеніе, будто бы оное происходитъ отъ Еврейскаго слова Элои, что значитъ божество; увѣряютъ однакожъ, что она была изъ фамиліи Монтморенси. Сіи двѣ особы, въ просвѣщеніи своего разума и чувствительности

сти души, толико превосходящія прочихъ своего вѣка, увидѣлись, другъ друга полюбили, между собою въ томъ открылись, поклялись *любиться* вѣчно и взяли предосторожности, чтобъ безъ препятствія страсти своей предаваться.

Элоиза, будучи страстнѣе, еще болѣе была чувствительна къ достоинствамъ Абельярдовымъ, нежели Абельярдъ къ ея. Должно признаться, что сей Философъ присоединялъ къ глубокому знанію, коимъ былъ преисполненъ, всѣ тѣлесныя преимущества: онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, имѣя около 39 лѣтъ; пригожъ, статенъ, имѣлъ пріятной видъ, прекрасной голосъ, говорилъ хорошо, а прельщалъ еще лучше. Элоиза сама признавалась въ одномъ изъ ея писемъ, что голосъ его и краснорѣчіе ее обворожили. Абель-

 ярдъ,

ярдъ, восхищаемой любовію, дѣлалъ подъ другими именами пѣсни въ похвалу своей любовницы, которыя пересылалъ къ ней тайно. Оныя во всемъ городѣ скоро дѣлались извѣстными. Они не могли свободно видаться, и сіе принужденіе принудило Абельярда употребить всю свою хитрость, чтобъ средства видѣться и разговаривать съ Элоизою сдѣлать легчайшими. Для сего онъ склонилъ Фульберта чрезъ своихъ пріятелей принять его къ себѣ въ домъ въ учители за весьма умѣренную плату. Фульбертъ, будучи столь же простъ, сколь и скупъ, принялъ предложеніе Абельярдово, чтобъ жить ему въ его домѣ и обучать его племянницу. Онъ простиралъ свое снисхожденіе толь далеко, что позволилъ учителю наказывать Элоизу, естьли будетъ непослушна его наставленіямъ. И такъ наши любовники могли сво-

бодно видѣться и говорить между собою не только днемъ, но и ночью. Сіе близкое сообщеніе вскорѣ сдѣлало опасную *фамилiярность*, а сія произвела столь искреннее сердецъ соединеніе, что въ скоромъ времени Элоиза столь сдѣлалась влюбленною, что никакихъ уроковъ своего учителя такъ не любила, какъ тѣхъ, что любовь въ уста ему влагала. Они изыскивали подъ видомъ ученія отдаленныя мѣста, и страсть надъ должностью всегда брала поверхность. Чрезъ многіе мѣсяцы сіи любовники жили спокойно въ объятіяхъ любви; но сіе тайное обхожденіе открылось и сдѣлалось явнымъ. Ученики Абельярдовы первые то примѣтили изъ нераченія ихъ учителя въ преподаваніи имъ уроковъ; сдѣлали на то пѣсни. Фульбертъ, который не воображалъ никогда о своей племянницѣ такихъ безпорядковъ и не

зналъ явнаго обхожденія сихъ двоихъ любовниковъ, увѣдомился объ ономъ чрезъ друзей своихъ и пѣсни, которыя всю тайну ему открыли. Тогда-то упрекалъ онъ себя въ простотѣ своей и ослѣпленіи, обвинялъ себя въ неблагоразуміи. Дружба его къ Элоизѣ еще удерживала его негодованіе; онъ призвалъ ее къ себѣ, говорилъ ей о соблазнительномъ слухѣ, который на щетъ ея носился. Элоиза притворилася, что ничего того не вѣдаетъ; хвалила напротивъ воздержаніе и разумъ своего учителя, и что естьли они ночи вмѣстѣ проводили, то не для инаго чего, какъ чтобы употребить ихъ для ученія; что отдаленныя мѣста, куда они часто хаживали, были избраны для того, чтобы въ оныхъ никто не мѣшалъ имъ упражняться въ наукахъ, и что сіи исполненные страстію стихи и пѣсни были

толь-

только игра Абельярдова разума для успокоенія отъ трудовъ, истребляющихъ его здоровье. Она окончила тѣмъ, что все, что ни говорили о семъ великомъ человѣкѣ, была явная клевета, выдуманная его непріятелями, которыхъ навлекло ему рѣдкое его достоинство. Фульбертъ не дался въ обманъ симъ притворнымъ рѣчамъ: онъ весьма разсердился на свою племянницу, и обременивъ Абельярда укоризнами и ругательствами, со стыдомъ выгналъ его изъ своего дома.

Сіе нещастіе Абельярду болѣе было тѣмъ чувствительно, что и на любовницу его оное простиралося. Равнымъ образомъ и Элоиза болѣе смущалася горестію своего любовника, нежели своею, и что она была причиною разрушенія его благополучія; они не могли болѣе видаться. Любовь сихъ

нещастныхъ сдѣлалась вездѣ извѣстною; но Абельярдъ для истребленія сего слуха всѣхъ увѣрялъ, что все сіе есть не что иное, какъ заблужденіе Каноника Фульберта, который, ревнуя къ своей племянницѣ, при малѣйшей вѣроятности принималъ досадительныя подозрѣнія. Сіи увѣренія произвели желаемое дѣйствіе, какого сіи любовники отъ сего ожидать могли. Абельярдъ успокоившись возобновилъ свои упражненія. Едва онъ началъ наслаждаться симъ спокойствіемъ, какъ получилъ тайно письмо отъ Элоизы, которая съ чрезмѣрнымъ восхищеніемъ радости увѣдомляла его, что она беременна. Абельярдъ ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ о средствахъ спасти честь своей любовницы, всего опасаясь отъ гнѣва Фульбертова. Въ слѣдствіе чего онъ увѣдомилъ Элоизу, что во время отсутствія ея дяди, ко-

который хотѣлъ на нѣсколько дней отлучиться въ деревню, онъ придетъ ночью увести ее, чтобъ переодѣться ей въ монашеское платье, и что онъ проводитъ ее въ семъ одѣяніи въ Бретань къ сестрѣ своей, которую сей нѣжной любовникъ о томъ уже предувѣдомилъ. Сіе распоряженіе имѣло весь успѣхъ, какого они желали. Фульбертъ, по возвращеніи своемъ не нашедъ дома своей племянницы, вошелъ въ такую ярость, что покушался итти заколоть Абельярда; но опасность подвергнуть себя равному наказанію, какое онъ пріуготовлялъ сему похитителю, его удержала. Онъ столь горячо любилъ сію дѣвицу, что печаль его о томъ, что не могъ ее болѣе видѣть, лишила его охоты къ пищѣ и спокойствія, такъ что вскорѣ онъ впалъ въ глубокую задумчивость.

Между тѣмъ временемъ Элоиза произвела на свѣтъ сына, который показался ей столь превосходной красоты, что назвала его Астролабомъ, что значитъ блестящая звѣзда. Сіе новое обстоятельство, принесшее толико радости тѣмъ, которые ему жизнь даровали, Фульбертову печаль до того умножало, что онъ почти лишился разума и предпріялъ отмстить причиненное ему Абельярдомъ безчестіе. Но сей, будучи предувѣдомленъ о семъ предпріятіи, велъ себя весьма осторожно: онъ не выходилъ изъ дому, не будучи вооруженъ и безъ провожанія множества учениковъ своихъ. Сія осторожность Фульбертово предпріятіе остановила, однакожъ ни мало не уменьшая его огорченія.

Абельярдъ, сжалився надъ безпокойствами сего толико огорченнаго дяди, отважился самъ итти

къ

къ нему. Онъ все то употребилъ, что разумъ и краснорѣчіе могутъ изобрѣсти для успокоенія страшнѣйшаго гнѣва и къ извиненію своего преступленія; онъ не преминулъ въ оправданіе себѣ представить сильной власти Элоизиныхъ прелестей, и что онъ намѣренъ для чести сей любви достойной особы сдѣлать ему всякое удовольствіе, какого онъ пожелаетъ. Фульбертъ казалося успокоился и сдѣлался снисходительнѣе. Абельярдъ, восхищенной радостію, предлагалъ ему, чтобъ Элоизу отдалъ за него въ супружество, съ такимъ только договоромъ, чтобъ бракъ сей содержать втайнѣ, дабы не повредить славѣ его, отъ коей все его благополучіе зависѣло. Каноникъ радъ былъ его предложенію, и въ присутствіи многихъ родственниковъ онъ обнялъ Абельярда и съ нимъ примирился; въ засвидѣтельствованіежъ

совершеннаго примиренія клялся ему вѣчною дружбою.

Давши такимъ образомъ свое слово, Абельярдъ поѣхалъ искать свою будущую супругу. Онъ надѣялся весьма ее обрадовать увѣдомленіемъ о предметѣ своего путешествія; но коль велико было его удивленіе! Элоиза опровергаетъ его намѣреніе; она употребляетъ весь свой разумъ къ прерванію сего предпріятаго бракосочетанія, представляетъ очамъ его безпокойства домоправленія, что оное Философу неприлично, и говоритъ ему, что она предпочитаетъ любовь узамъ Гименеевымъ, желая лучше быть его любовницею, нежели женою.

Абельярдъ, пронзенъ будучи сими нѣжными чувствованіями, не могъ не удивляться величности души и толь мужественному духу Элоизы; но какъ онъ далъ уже

уже слово ея дядѣ, то не могъ онаго нарушить. Элоиза вмѣсто того, чтобъ согласиться на увѣрительныя слова Абельярдовы, съ большимъ еще краснорѣчіемъ на оныя дѣлала возраженія, однакожъ со всѣмъ тѣмъ не могла ничего успѣть надъ сердцемъ своего любовника, и ни мало не умѣряя чрезвычайной своей горести, когда увидѣла себя принужденною ѣхать, и какъ будто проницая въ будущее, она вскричала: да благоволитъ небо, чтобъ сіе нещастное супружество не было для обоихъ насъ пагубнымъ, и чтобъ послѣдующія за онымъ горести не превзошли любви, предъ нимъ предшествующей.

Они пріѣхали къ Фульберту, которой принялъ ихъ весьма ласково. Назначенъ день къ торжествованію бракосочетанія; пришли въ церковь въ препровожденіи съ

обѣ-

обѣихъ сторонъ нѣкоторыми вѣрными друзьями, и получили отъ священника брачное благословеніе. Чтобъ лучше скрыть сіе бракосочетаніе, новобрачные при выходѣ изъ церкви разлучились; Элоиза стала жить у своего дяди, а Абельярдъ возвратился въ свое прежнее жилище и продолжалъ, такъ какъ и прежде, свои науки и публичное преподаваніе своего ученія. Все споспѣшествовало къ благополучію и намѣренію сихъ супруговъ. Не взирая на жестокость ихъ любви, они видались рѣдко; они повиновались пользѣ своей, и Абельярдъ не хотѣлъ уронить славы, отъ коей все ихъ благосостояніе зависѣло. Но не всегда блистательное щастіе дѣлаетъ жизнь благополучною. Абельярдъ и Элоиза посредѣ своихъ бѣдствій былибъ благополучны, естьлибъ сіи обстоятельства таковыми осталися. Фульбертъ щиталъ

шалъ честь своей племянницы несовершенно исправленною, естьли супружество не будетъ всѣмъ извѣстно: онъ приказалъ своимъ домашнимъ противъ обѣщанія своего разглашать объ ономъ, и самъ о томъ сказывалъ. И такъ въ короткое время о семъ во всемъ Парижѣ стало извѣстно. Элоиза отъ многихъ получала поздравленія; но предвидя, что такой слухъ причинитъ чувствительную обиду ея супругу, она приняла намѣреніе въ ономъ отрицаться, и весь свѣтъ увѣряла, что ничего того не бывало. Сія *обожаемая* женщина слова свои сопровождала такими знаками искренности, что болѣе не сомнѣвались, чтобъ Фульбертъ не былъ обманщикомъ, что привело его у всѣхъ въ посмѣяніе. Сей худой успѣхъ его еще болѣе раздражилъ противъ его племянницы; онъ дѣлалъ ей угрозы и оказывалъ гру-

бо-

бости, несвойственныя съ его характеромъ. Элоиза жаловалась своему супругу, который, не теряя времени, исторгнулъ ее изъ рукъ сего сумозброднаго дяди, и избралъ для нее убѣжищемъ игуменство Аржантьольское, въ которомъ она съ младенчества была воспитана и обучалась языкамъ. Она многихъ тамъ имѣла пріятельницъ, и монахини приняли ее къ себѣ съ превеликою радостію.

Фульбертъ ничего не зналъ о намѣреніи Абельярдовомъ до самаго того времени, какъ племянницы его не стало болѣе въ его домѣ. Время отъ времени Абельярдъ ѣздилъ видаться съ своею супругою, но съ осторожностію и такимъ образомъ, что никто не вѣдалъ о ихъ свиданіи ни въ Парижѣ, ниже въ Аржантьолѣ.

Фульбертъ, извѣстясь, что Элоиза находится въ игуменствѣ

Ар-

Аржантьольском въ монашеском одѣяніи, столь былъ раздраженъ, что почти лишился разума. Онъ воображалъ, что Абельярдъ хотѣлъ, чтобъ жена его приняла тамъ монашеское состояніе, дабы чрезъ то обязательство свое сдѣлать недѣйствительнымъ. Онъ представилъ родственникамъ своимъ и друзьямъ свое неудовольствіе, увеличилъ предъ ними вѣроломство своего племянника и посрамленіе, которое на всю фамилію относилося. Ему немногаго труда стоило склонить ихъ къ отмщенію. И такимъ образомъ они предпріяли отмстить ему собственными своими руками, и наказать тѣмъ самымъ, чрезъ что онъ ихъ обезчестилъ, радуясь, что отъ одного удара купно съ нимъ наказана будетъ и Элоиза.

Болѣе ничего не оставалося, какъ только исполнить сіе безче-

честное предпріятіе. Для произведенія сего въ дѣйство они подкупили одного изъ слугъ Абельярдовыхъ, которой обѣщалъ имъ предать своего господина во время ночи, которую они сами къ тому назначатъ. Пятеро убійцъ, всѣ родственники Фульбертовы, пришли во время полуночи въ Абельярдовъ домъ. Измѣнникъ слуга, съ которымъ они сговорились, провелъ ихъ до самой той горницы, въ которой спалъ его господинъ. Четверо сильнѣйшихъ изъ нихъ схватили Абельярда, погруженнаго въ самомъ крѣпкомъ снѣ, а пятой, взявъ бритву, свершилъ надъ нимъ крайнѣйшее безчеловѣчіе. Исполнивъ сіе ужасное злодѣйство, они оставили злощастнаго Абельярда, утопающаго въ собственной крови его, и сами скрылись. Шумъ, учиненной выходомъ сихъ злодѣевъ, соединясь съ крикомъ страждущаго, требую-

щаго

щаго себѣ помощи, привлекли къ нему сосѣдей, которые нашли его въ жалостнѣйшемъ состояніи; призвали лѣкаря. Правосудіе, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, туда приходитъ. Абельярдъ объявляетъ имъ, кто были производители сего ужаснаго преступленія; начинаютъ письменное производство суда, дѣлаютъ точнѣйшія справки и разсылаютъ по всѣмъ сторонамъ полицейскихъ служителей, чтобъ задержать преступниковъ.

Едва день только началъ показываться, какъ сія печальная новость, разсѣясь уже по всему городу, привлекла къ Абельярду безчисленное множество народа для пріятія участія въ его горести: по всѣмъ мѣстамъ только и слышны были плачь и стенанія. Весь Парижъ огорченъ былъ симъ нещастіемъ, сколь новостію сего злодѣйства, а болѣе еще отъ ве-

 лика-

ликаго почтенія къ сему ученому человѣку; наипачежъ дамы столь чувствительны были къ его злощастному приключенію, что объ ономъ проливали слезы.

Правосудіе, узнавъ о всемъ обстоятельно, опредѣлило Каноника Фульберта взять подъ стражу; произвели надъ нимъ судъ, и по суду опредѣлили лишить его чина, а имѣніе его описать на церковь. Изъ всѣхъ участниковъ сего злодѣйства, сколь ни старались ихъ сыскивать, нашли только двоихъ, изъ коихъ одинъ былъ измѣнникъ слуга; они оба осуждены были претерпѣть равное наказаніе и лишиться глазъ. Коль ни жестоко тогда казалось сіе наказаніе, однако оное гораздо было легче, нежели на какое бы въ нынѣшнее время за подобное преступленіе осудили, когда за легчайшія сего винности казнятъ смертію. Хотя зна-

знаки почитанія, получаемые отъ всѣхъ Абельярдомъ, въ сихъ печальныхъ его обстоятельствахъ и долженствовалибъ его утѣшить, но горесть его отъ того ни мало не уменьшилась: онъ сталъ самъ себѣ несносенъ, боялся показаться въ публику, чтобъ не быть предметомъ народнаго посмѣянія. Живость его разума и вся его ученость къ тому единственно служили, чтобъ горесть его умножить; законъ, пришедъ къ нему на помощь, его утѣшалъ, но воображеніе своего посрамленія надъ всемъ брало поверхность; онъ рѣшился сокрыть оное въ мрачности монастыря.

Толь благочестивое намѣреніе не могло быть исполнено безъ согласія на то его супруги. Элоиза тогда еще находилася въ самой сильной горести, въ которую погружена была полученнымъ из-

вѣстіемъ о нещастіи своего супруга, какъ Абельярдъ о своемъ предпріятіи ее увѣдомилъ. Онъ и ее увѣщавалъ послѣдовать своему примѣру, и также, какъ онъ, вѣчно проститься съ симъ обманчивымъ свѣтомъ. Душа, менѣе возвышенная Элоизиной, пала бы безъ сомнѣнія подъ бременемъ толикихъ злощастій. Ей не болѣе было 22 лѣтъ въ то время, какъ согласилася разлучиться съ супругомъ, коего болѣе жизни своей любила. Въ угожденіе же ему она щитала за должность себѣ послѣдовать его примѣру, посвятя себя въ монахини. И такимъ образомъ стала она *супругою безъ мужа, вдовою прежде смерти онаго, матерію безъ чада, монахинею безъ призыванія, огорченною безъ помощи и уединенною посредѣ свѣта, которой еще любила.* А какъ она не имѣла другихъ желаній, какъ послѣдовать волѣ своего супруга

(вещь

(вещь рѣдкая вѣ женщинахѣ, даже вѣ самыхѣ благочестивѣйшихѣ), то вѣ пріятіи Абельярдова предложенія ни единой минуты не колебалася. Сія нещастная почитала себя причиною всѣхѣ злощастій своего супруга, и воображала, что не можетѣ никогда довольнаго за оное принести покаянія. Находясь вѣ сихѣ печальныхѣ обстоятельствахѣ, они взаимно другѣ кѣ другу писали письма, которыя, будучи наполнены благородными мыслями и прелестными изображеніями, могли бы придать повѣсти нашей украшеніе, естьлибѣ дошли до нашего свѣдѣнія. Абельярдѣ коль скоро изцѣлился отѣ своей болѣзни, пошелѣ сокрыть свое посрамленіе вѣ монастырь С. Діонисія, вѣ которомѣ, вѣдая о его достоинствахѣ и славѣ, сѣ радостію его приняли. Прежде принесенія своихѣ обѣтовѣ онѣ склонилѣ Элоизу последовать своему примѣру. Отягчен-

ченный своимЪ нещастіемЪ и чувствуя слабость свою, онЪ сдѣлался ревнивымЪ и всѣхЪ мущинЪ считалЪ своими соперниками. Элоиза примѣтила его ревность, которая ее до слезЪ тронула; однакожЪ она преодолѣла свое неудовольствіе и произнесла торжественно свои обѣты сЪ такою непоколебимостію, которая полЪ ея превышала. Можно было видѣть и вЪ самой ея чрезвычайной горести признаки ея учености. Слова, ею тогда произнесенныя, были подражаніе слѣдующихЪ стиховЪ Лукановой Фарсаллы: O maxime conjux! и пр.

О мой любезной супругЪ,

На коего несправедливое небо гнѣвЪ свой (излило!
ВЪ какія ужасныя бѣдствія твоя супру- (га тебя ввергаетЪ!
Ты видишь себя угнѣтеннымЪ, един- (ственнаяжЪ тому причина я.

По-

Почто было Гимену соединять насъ сво-
(ими узами,
Естьли чрезъ то навсегда долженъ былъ
(ты быть нещастнымъ?
Но я хочу за тебя отмстить судьбѣ,
(тебя угнѣтающей.
Смотри, что я предпринимаю; прими
(меня за жертву.

Итакъ сія удивленія достойная женщина, Богу себя посвящая, съ своимъ сердцемъ купно и сердце своего любовника къ олтарю на жертву приносила.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сей церемоніи Абельярдъ самъ принялъ постриженіе. Должно признаться, что его жертва была непорочнѣе, отлученнѣе отъ страстей человѣческихъ и слѣдовательно достойнѣе предъ Богомъ, нежели Элоизина. Начальники его принудили принять на себя прежнюю его должность, то есть продолжать наставленія въ Богословіи; онъ на усильныя ихъ прозьбы

не могъ отговориться. Абельярдъ, увидя, что монахи не слѣдуютъ предписаннымъ имъ строгимъ правиламъ, почелъ за должность свою представить, что ихъ безпорядки другихъ въ соблазнъ приводятъ и что должны они вести жизнь, приличествующую ихъ состоянію. Сіи благія увѣщанія привели его у всѣхъ монаховъ въ ненависть, такъ что они предпріяли изгнать его изъ своей обители.

Едва только Абельярдъ получилъ санъ священническій, какъ начальникъ его повелѣлъ ему немедленно удалиться въ одинъ небольшой загородной домикъ, въ которомъ опредѣлилъ учредить ему свое училище, прибавя, что народное собраніе и великой пріѣздъ, бываемой въ монастырѣ С. Діонисія, можетъ препятствовать въ толь важныхъ упражненіяхъ, и что уединенное мѣсто гораздо при-

пристойнѣе къ преподаванію его ученія. Абельярдъ довольно видѣлъ сѣти, для него пріуготовляемыя, но онъ сдѣлалъ послушаніе. Сіе уединеніе болѣе принесло ему славы, нежели какъ братія его того желали. Лишь только стало извѣстно, что сей ученой мужъ преподавалъ Философію внѣ монастыря, то ужасное множество учениковъ со всѣхъ сторонъ начало къ нему стекаться. Современники сего Богослова возвышаютъ число его слушателей болѣе 3 тысячь; пріѣзжали къ нему обучаться изъ Италіи, Германіи, Англіи, Испаніи, Фландріи, Бретаніи и пр. Изъ сего-то училища вышло толикое число великихъ мужей, прославившихъ церковь. Мы упомянемъ здѣсь только Гви де Шателя, Кардинала, бывшаго послѣ Папою подъ именемъ Келестина II; славнаго Петра Ломбарда, Епископа Парижскаго; Го де Фруа, Епископа Авксер-

скаго; Беренгера, Епископа Поатїерскаго. С. Бернардъ, о которомъ извѣстно, что не всегда былъ его другомъ, признаетъ, что большая часть Кардиналовъ и Прелатовъ Римскія церкви были изъ учениковъ сего великаго человѣка. Правда, что сей искусной Богословъ употреблялъ прекрасной способъ къ обученію: онъ начиналъ сперва похвалою Философіи, то есть истинной премудрости, которая состоитъ въ томъ, чтобъ познавать самаго себя; охуждалъ невѣжество и ослѣпленіе тѣхъ, кои живутъ подобно безсловеснымъ скотамъ, не помышляя о своемъ просвѣщеніи; послѣ сего онъ преподавалъ основательныя наставленія въ Логикѣ, Физикѣ, Маѳематикѣ, наипачежъ въ Геометріи и Астрономіи, а напослѣдокъ въ нравоученіи, коему обучалъ чрезъ практику. Послѣ сихъ ученій онъ доводилъ своихъ учениковъ до Богосло-

словіи, и заставлялЪ ихЪ читать все то, что говорили о ней древніе Греки, или варвары (*), изключая тѣхЪ, кои обучали безбожію, и увѣщавалЪ ихЪ не приставать ни кЪ которому Философу, коликобЪ онЪ ни славенЪ былЪ, но кЪ единому Богу и его узаконеніямЪ. ПослѣжЪ всего толковалЪ имЪ Священное Писаніе, коего онЪ былЪ вЪ свое время искуснѣйшимЪ изтолкователемЪ.

Всѣ сіи похвальныя качества, присоединенныя кЪ его безкорыстію, привлекающія кЪ нему толикое множество учениковЪ (ибо сЪ того времени, какЪ онЪ сдѣлался монахомЪ, не сталЪ брать сЪ учениковЪ своихЪ никакой платы), не преминули возбудить на него ревность прочихЪ учителей, кото-

(*) ПодЪ именемЪ варваровЪ Греки разумѣли всѣ прочіе народы, выключая ЕгиптянЪ.

торые съ огорченіемъ взирали на опустошеніе своихъ училищъ и на упадокъ славы своей. Едва имена ихъ стали быть извѣстными между учеными съ того времени, какъ Абельярдъ обучать началъ, подобно маленькому кустарнику, растущему возлѣ великаго дуба, которой, распростирая свои вѣтви и листья, тѣнію своею его закрываетъ и едва позволяетъ быть видимымъ отъ мимоходящихъ.

Толикая слава его имени непремѣнно долженствовала возбудить противъ его новыхъ непріятелей. Между прочими Алберикъ и Лотулфъ, Профессоры Реймскіе, противъ его возстали; но Абельярдъ торжествовалъ надъ ихъ гоненіями. Въ сіе-то самое время онъ для неотступныхъ прозьбъ учениковъ своихъ сочинилъ разсужденіе о Богословіи, которое содержало въ себѣ сокращеніе сей Боже-

ствен-

ственной науки и которое отъ публики принято было со всеобщимъ удовольствіемъ. Слава сего сочиненія возобновила ярость враговъ его: они обнесли книгу сію предъ Епископомъ Реймскимъ, какъ еретическую. Сей Прелатъ для освидѣтельствованія оной собралъ въ 1121 году въ Соасонѣ соборъ. Абельярдъ былъ позванъ предъ сіе собраніе Папскимъ легатомъ. Таковая поступка сего Профессора весьма удивила, которой воображалъ уже, что при входѣ его въ Соасонъ побіенъ будетъ каменьями. Доносы его непріятелей нашлись ложными; книга его отдана для точнѣйшаго изслѣдованія двумъ величайшимъ его злодѣямъ, которые не могли ничего въ оной найти, чтобъ не было сходственно съ православіемъ. Между тѣмъ временемъ Абельярдъ проповѣдуетъ въ Соасонѣ съ превеликимъ успѣхомъ; достоинства его доставляютъ ему случай говорить съ

Албе-

Алберикомъ. Сей послѣднiй покрытъ стыдомъ, а онъ торжествуетъ. И такимъ образомъ можно было видѣть на немъ исполненiе сихъ словъ С. Iеронима: *Достоинства и добродѣтель никогда не обходятся безъ завистниковъ, которые на нихъ вооружаются, и громовыя стрѣлы всегда въ верхи высокихъ горъ ударяютъ.* Сiя мысль, которую сей святой мужъ почерпнулъ изъ Лукана, можетъ переведена быть подобнымъ сему образомъ:

Гордые верхи горъ, касающихся небесамъ,
Первые отъ стрѣлъ громовыхъ удары (прiемлютъ.
Древа верхи, коихъ зрѣнiе не достигаетъ,
Прежде другихъ въ пепелъ превра- (щаются.
Чѣмъ кто болѣе имѣетъ достоинствъ, (тѣмъ болѣе завистниковъ.

Не взирая на прiобрѣтенную имъ славу и старанiе друзей его, Абельярдъ не могъ воспрепятствовать,

вать, чтобъ книга его не была осуждена на сожженіе. Онъ принужденъ былъ въ полномъ собраніи самъ жечь оную къ великому всѣхъ при томъ находящихся удивленію; онъ проливалъ слезы о своей участи; онъ, которой не для чего другаго трудился, какъ онъ самъ говорилъ тогда, какъ для славы и чести церкви. Такое ли, говорилъ онъ, воздаяніе трудамъ моимъ и награжденіе, коего правота моего намѣренія была достойна? Монастырь его обратился ему въ темницу, гдѣ онъ однакожъ не былъ лишенъ утѣшенія: чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ получилъ свою свободу. По возвращеніи его въ обитель С. Діонисія монахи сего монастыря непріятнымъ окомъ на него смотрѣли: ибо онъ строго наблюдалъ ихъ поведеніе. Мнѣніе его на Діонисія Ареопагита возмущаетъ на него новое гоненіе: монахи сего игуменства

ства заключаютЪ его вЪ темницу, какЪ государственнаго преступника; но помощію нѣкоторыхЪ монаховЪ же, которые сЪ огорченіемЪ взирали на зависть своихЪ собратій противу Абельярда, онЪ изЪ темницы спасается бѣгствомЪ и удаляется вЪ область Графа Шампанскаго, отЪ котораго сЪ удовольствіемЪ былЪ принятЪ. По многихЪ письменныхЪ спорахЪ сЪ своими начальниками онЪ получаетЪ побѣду и позволеніе удалиться изЪ монастыря С. Діонисія. И такимЪ образомЪ сей ученой БогословЪ имѣлЪ вольность итти, куда пожелаетЪ, сЪ согласія на то Аббата Сюжера, его начальника.

АбельярдЪ основываетЪ свое пребываніе близь Шалона, что на СейнѢ; онЪ созидаетЪ тамЪ часовню, которую посвящаетЪ Святому Духу, и даетЪ оной названіе

нїе Паракле, то есть утѣшитель. Онъ обучаетъ тамъ противъ своей воли Богословїи и сочиняетъ новой трактатъ нравоученїя. Его обвиняютъ въ ереси за то, что церковь свою посвятилъ Святому Духу, а онъ дѣлаетъ себѣ оправданїе и непрїятелей своихъ приводитъ въ замѣшательство. Они во утѣшенїе себѣ прибѣгаютъ къ клеветѣ на него. Абельярдъ огорчается и съ великимъ трудомъ себя защищаетъ; однакожъ ему удалося, и его опредѣлили Игуменомъ въ монастырь С. Гилдаса. Лишь только принялъ онъ начальство сего игуменства, то, увидя, что монахи въ ономъ ведутъ себя развратно, хотѣлъ сдѣлать оному исправленїе. Абельярду тогда было около 47 лѣтъ; нещастїе слѣдовало за нимъ повсюду: монахи С. Гилдаса заставили претерпѣть новаго своего Игумена всевозможныя гоненїя. Воспоминанїе о лю-

 без-

безномъ его Параклѣ умножало печаль его; онъ столь былъ чувствителенъ къ огорченію учениковъ своихъ, когда онъ ихъ оставилъ, что сіе воспоминаніе еще горесть его увеличивало. Между тѣмъ, какъ всѣ сіи мысли въ умѣ его обращалися, Провидѣніе послало ему случай удовлетворить его благочестію и основать въ Параклѣ сообщество святыхъ монахинь, у которыхъ бы Элоиза была Игуменьею.

Сія дражайшая Абельярдова супруга, слѣдуя его примѣру, чрезъ рѣдкія свои достоинства сдѣлалась для сестеръ своихъ примѣромъ добраго поведенія. Сіе склонило Игуменью сдѣлать ее настоятельницею своей обители, хотя она имѣла не болѣе еще 28 лѣтъ. Элоиза исправляла должность свою съ великимъ раченіемъ; ученіе ея и природное красно-

рѣчіе

рѣчіе въ семъ званіи сдѣлали ее славною. Но наставленія ея стали безполезными: обитель ихъ Аржантьольская столь была повреждена, что монахи С. Діонисія подъ симъ предлогомъ ихъ оттуда изгнали и сами ихъ мѣсто заняли.

Абельярдъ, получа сіе печальное извѣстіе, писалъ къ Элоизѣ и приглашалъ ее въ Паракле, который предлагалъ ей со всѣми онаго принадлежностьми. Она приняла сіе предложеніе; за нею послѣдовали восемь, или десять Аржантьольскихъ монахинь, которыя наиболѣе были къ ней привязаны. Двѣ изъ нихъ были Абельярдовы племянницы. Абельярдъ щиталъ за должное быть самому для принятія Элоизы съ ея содругами, и ввести ихъ во владѣніе уступаемаго имъ имѣнія. 12, или 13 лѣтъ протекли съ того времени, какъ

они не видались. Я оставляю вообразить читателямъ то движеніе сердецъ ихъ, которое они во время сего свиданія ощущали, и проникнуть въ первые ихъ разговоры о толикихъ злощастіяхъ и чрезвычайныхъ приключеніяхъ. *Подареніе* было совершенное, и Абельярдъ не преминулъ взять всѣхъ нужныхъ предосторожностей, чтобъ сдѣлать сіе учрежденіе твердымъ и долговременнымъ. Элоиза избрана была единогласно начальницею сего сообщества. Абельярдъ, сдѣлавъ имъ увѣщаніе жить между собою согласно и рачительно наблюдать предписанныя имъ правила, возвратился въ свое игуменство С. Гилдаса.

Сіи новые обитатели Параклe претерпѣли чрезвычайно много въ первые годы ихъ тамъ пребыванія; однакожъ Элоиза находила себѣ утѣшеніе. Единая мысль, что

что тамъ жилъ Абельярдъ и тѣ зданія онъ возвысилъ, въ которыхъ преподавалъ ученыя наставленія въ Богословіи, подавала ей немалое утѣшеніе. Но сіи монахини для пропитанія своего должны были трудиться: ибо доходовъ и для двухъ не было довольно. Онѣ труды свои съ удовольствіемъ сносили, будучи ободряемы разумными и нѣжными увѣщаніями Элоизы; бѣдность ихъ со дня на день умножалася. Абельярдъ, узнавъ о семъ чрезъ своихъ пріятелей, предпріялъ подать имъ помощь: онъ подалъ имъ столько денегъ, сколько ему было возможно, и чрезъ нѣсколько времени доставилъ имъ довольную сумму посредствомъ знакомыхъ ему особъ, пріѣзжающихъ слушать ученыхъ наставленій, которыя преподавалъ онъ симъ монахинямъ. Милонъ, господинъ де Ножантъ, его дядя, Гало, господинъ Шампенуа и

Аделаида, его супруга, также Графиня Матильда, были главными благотворителями сея обители, которая чрезъ щедрость ихъ получила превеликой доходъ хлѣбомъ и деньгами, такъ что сей монастырь сдѣлался напослѣдокъ великолѣпнымъ.

Хотя всѣ сіи щедрыя подаянія привлекъ самъ Абельярдъ своими достоинствами, но онъ честь сію приписываетъ добродѣтели Элоизиной и ея монахинь. „Въ одинъ „годъ, говоритъ онъ, онѣ пріобрѣ„ли болѣе имѣнія и благъ времен„ныхъ, чегобъ я не могъ полу„чить и во 100 лѣтъ, естьлибъ „пребывалъ въ Параклѣ. Да сіе и „неудивительно, прибавляетъ онъ: „ибо Элоиза столь была всѣми „почитаема и любима, что Епи„скопы почитали ее какъ дочь „свою, Игумны какъ сестру, а „свѣтскіе какъ мать свою.„ Она обре-

обременена была посѣщеніями. Правда, что разговоры ея прельщали всѣхъ, кто ее слышалъ: она имѣла особливое дарованіе всякому угождать, съ кѣмъ бы она ни говорила, съ знатнымиль то особами, съ духовнымиль, съ свѣтскимиль, или съ людьми низкаго состоянія, и всегда съ такою пріятностію, что выходили отъ нее всегда, будучи обворожены ея словами. Абельярдъ не могъ умѣрять своей радости, видя святое житіе сихъ монахинь. Онъ такое возъимѣлъ къ симъ святымъ дѣвамъ почтеніе, что принялъ намѣреніе остатокъ дней своихъ посвятить къ ихъ услугамъ. Параклe было для сего нещастнаго какъ пристань для тѣхъ, кои долго были вѣтрами носимы по морю. Когда онъ смиреніе и невинность сихъ монахинь сравнивалъ съ непослушаніемъ и безпорядками своихъ монаховъ, то щиталъ пре-

великимѣ себѣ принужденіемѣ кѣ нимѣ возвратиться. Вѣ то время, какѣ онѣ вкушалѣ сіе толь вожделѣнное спокойствіе, враги его приписывали сіе его частое пребываніе вѣ Параклѣ страсти его кѣ Элоизѣ. Сей слухѣ, толико вредящій славѣ Абельярдовой, чувствительно его тронулѣ; онѣ примѣнялѣ себя кѣ Оригену и С. Іерониму и находилѣ ихѣ гораздо себя щастливѣе: ибо свободны были отѣ всякаго подозрѣнія, хотя оба сѣ свѣтскими женщинами обходилися и часто наединѣ сѣ оными бывали.

Однакожѣ Абельярдѣ для соблюденія славы своей и Элоизиной заключилѣ себя вѣ своемѣ игуменствѣ, гдѣ сочинилѣ разсужденіе о ересяхѣ. Онѣ опровергнулѣ мнѣніе тѣхѣ Каноников, которые писали противѣ монашескаго чина и Философіи. Вѣ то время, какѣ

сей

сей ученой трудился надъ толико трудною матеріею, претерпѣвалъ отъ чернецовъ своихъ жесточайшія гоненія. Сіи чудовищи, затвердѣвшія въ злѣ, видя, что не могутъ болѣе своевольно жить при такомъ начальникѣ, предпріяли отъ него освободиться, чего бы то ни стоило: они избрали къ сему отраву, какъ удобнѣйшее къ сокрытію ихъ преступленія; но или Абельярдъ въ нихъ уже сомнѣвался, либо открылъ ихъ зловредное покушеніе, и столь былъ остороженъ, что они не имѣли успѣха въ гнусномъ своемъ предпріятіи.

Въ сіе время, какъ Абельярдъ началъ помышлять о своемъ удаленіи, пришло къ нему извѣстіе, что Графъ Нантесской весьма боленъ и желаетъ его видѣть. Абельярдъ тотчасъ къ нему поѣхалъ, взявши съ собою одного молодаго монаха и слугу для услуживанія

обоимъ. Монахи, радуясь, что удобной случай имъ представляется, подкупили слугу и обѣщали ему еще большее награжденіе по его возвращеніи, естьли избавитъ ихъ отъ сего несноснаго для нихъ Игумена; они снабдили его всякими нужными потребами, дабы отправить его дорогою, когда найдетъ способное къ тому время. Слугѣ дорогою сего исполнить не удалося; по пріѣздѣжъ въ Нантесъ сей нещастной не преминулъ свершить своего злодѣянія. Абельярдъ, чрезъ долгое время не видавшись съ своими родственниками, былъ принятъ отъ брата своего Рудольфа съ тою радостію и дружбою, которую родство, соединенное съ рѣдкими достоинствами, дѣлающими ему честь, чувствовать его заставляло. Въ одинъ день, какъ онъ пришелъ отъ своего больнаго, у коего долго пробылъ, такъ усталъ, что не захотѣлъ ужинать. Моло

дой

дой монахъ, которой съ нимъ пріѣхалъ, дожидаясь его, почувствовалъ голодъ, ѣлъ на тотъ разъ много и весьма мало оставилъ изъ приготовленнаго для Абельярда. Едва только онъ вышелъ изъ за стола, какъ начало тянуть его жилы и по продолжавшемся чрезъ нѣсколько часовъ жестокомъ страданіи онъ окончилъ жизнь свою въ объятіяхъ своего Игумена. Всѣ увидѣли, что онъ отравленъ. Доктора, коихъ призвали, тоже подтвердили, и злодѣй, пораженной ужасомъ своего злодѣянія, бѣжалъ, и сіе его измѣну и злодѣйство монаховъ С. Гилдаса совершенно открыло.

Абельярдъ долго оплакивалъ сего монаха, обвинялъ себя въ его смерти и желалъ бы тратою собственныя своея жизни воскресить его. Всѣ гоненія, претерпѣнныя имъ отъ своихъ монаховъ, принудили

его

его удалиться изъ своего монастыря. Онъ принужденъ былъ употребить противу ихъ духовной судъ и проклятіе, чѣмъ еще болѣе ихъ противъ себя озлобилъ, такъ что они сдѣлали новое покушеніе на жизнь сего Игумена. Болѣзнь его, приключившаяся ему отъ паденія съ лошади, воспрепятствовала имъ намѣреніе свое произвесть въ дѣйство. Получа прежнее свое здоровье, Абельярдъ много разъ былъ въ опасности отъ монаховъ своихъ быть заколотымъ; но по щастію всегда отъ того избавлялся. Ночь для него, будучи столь же ужасна, какъ и день, не позволяла ему наслаждаться спокойствіемъ, которое она для всей природы доставляетъ: бѣдственное его состояніе тысячу ему размышленій представляло, одно тягостнѣйшее другаго.

Въ сіе-то самое время одинъ изъ его пріятелей, живущій по бли-

близости Паракле, отписалъ къ нему печальное письмо, въ которомъ изобразилъ ему всѣ свои горести и знатной убытокъ, имъ претерпѣнной. Онъ требовалъ отъ Абельярда себѣ утѣшенія. Отвѣтъ на оное сего ученаго Игумена составляетъ содержаніе сего прекраснаго письма, которое положено въ началѣ сего собранія писемъ и изъ коего мы почерпнули главнѣйшія обстоятельства его жизни. Сіе письмо нечаянно попалось къ Элоизѣ; она тотчасъ узнала почеркъ онаго, и сей видъ возобновилъ въ сердцѣ ея нѣжнѣйшія чувствія и сдѣлалъ сильнѣйшими еще, нежели были прежде. Повѣствованіе, учиненное въ ономъ Абельярдомъ о претерпѣнныхъ имъ нещастіяхъ, въ коихъ она толикое имѣла участіе, весьма чувствительно ее тронуло, и не могла она воздержаться, чтобы не писать къ нему. Сіе-то самое и произвело сіи славныя письма,

ко-

которыя намѣ отѣ нихѣ осталися и вѣ коихѣ столь хорошо изображена брань врожденныхѣ склонностей сѣ благодатiю.

До сего времени обитель Элоизина со дня на день распространялася вступленiемѣ вѣ оную немалаго числа дѣвицѣ знатнаго рода, и которыя приносили сѣ собою довольные доходы. Она получала отѣ Римскаго Папы многiя привилегiи. Вѣ одной изѣ сихѣ буллѣ, данной Папою Iннокентiемѣ II, она названа Игуменьею вѣ Параклѣ.

Вѣ такомѣ состоянiи находилося сiе игуменство. Какѣ письмо, о коемѣ мы выше сего упоминали, попалось вѣ руки Элоизы, то она сѣ жадностiю оное читала и возчувствовала, что страсть ея возобновлялася при чтенiи сокровенныхѣ обстоятельствѣ ихѣ любви. Сердце

ея

ея много лишилося своего спокойствія; наконецъ она испытала всѣ движенія, сопровождающія страсть, мало утушенную, или противу которой слабо защищаются, и не иначе могла уменьшить свои страданія, какъ изъясненіемъ оныхъ тому предмету, которой ихъ возчувствовать ее заставилъ. Сія матерія была содержаніемъ перваго ея къ нему письма, письма, исполненнаго разумомъ, наукою и краснорѣчіемъ. Благочестіе, великодушіе, сила супружней любви, попеременно въономъ блистаютъ, и все въ немъ изображено съ толикою пріятностію и нѣжностію, что читая оное, въ сомнѣніи находятся, чему болѣе должно удивляться, великодушнымъ ли движеніямъ ея сердца, или остротѣ ея разума. Она начинаетъ письмо свое такими словами:

Се къ своему обладателю, къ отцу своему, къ брату, къ спо-

своему супругу, раба его, дочь, сестра, супруга. И что бы заключить въ одно слово все то, что сіи названія имѣютъ въ себѣ покорнаго, почтительнаго и нѣжнаго, она симъ словомъ оное изображаетъ:

Се къ своему Абельярду Элоиза пишетъ. (*)

Въ отвѣтѣ своемъ Абельярдъ пишетъ къ Элоизѣ, что желаетъ, чтобы тѣло его по смерти пренесено было въ ихъ обитель и погребено во оной. Сіе письмо вмѣсто утѣшенія ввергнуло Элоизу въ жестокую печаль. Она за сіе дѣлаетъ ему выговоры, толико сильные и трогающіе, что едва можно удержаться отъ слезъ, оные читая.

Слава

(*) Смотри въ подлинникѣ Латинскихъ писемъ.

Слава столько чудесъ возвѣщала о Элоизѣ, что С. Бернардъ сдѣлалъ ей посѣщеніе. Похвала, слышанная имъ о сей разумной Игуменьѣ, привлекла его въ Параклеѣ; онъ глубокимъ ея знаніемъ приведенъ былъ въ удивленіе, наипаче какъ она доказала ему (въ разсматриваніи, которое они вообще дѣлали надъ Греческими и Еврейскими авторами, Священнымъ Писаніемъ и поученіями святыхъ отцевъ), что мнѣнія ея были справедливы. Онъ вышелъ отъ нее, будучи весьма доволенъ пріятностію, скромностію, ученостію и вѣрою, обрѣтенными имъ въ сей Игуменьѣ; также и всѣми ея монахинями въ подражаніи ей былъ доволенъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего Абельярдъ, чувствуя, что не можно ему провождать благополучной жизни между своими мона-

нахами и желая увидѣться съ Элоизою, которая часто его чрезъ письма къ себѣ призывала, впалъ въ искушенiе ѣхать нѣсколько мѣсяцовъ прожить въ Параклѣ. Провидѣнiю угодно было, чтобъ онъ нашелъ тамъ верьхъ своихъ злощастiй, которыхъ и не ожидалъ совсѣмъ: жестокое дѣло, кое имѣлъ сей ученой Богословъ за 20 лѣтъ предъ симъ на Соасонскомъ соборѣ, возобновилося: С. Тiерскiй Игуменъ противъ его возсталъ и обличалъ его въ ереси. Абельярдъ, будучи гонимъ, принужденъ былъ выѣхать изъ Санса, а дѣло его перенесено въ Римъ. Сочиненiя его были тамъ разсматриваны въ общемъ собранiи и осуждены. Абельярдъ трудится оправдать себя, посылаетъ исповѣданiе своей вѣры къ Элоизѣ и предлагаетъ оное всѣмъ правовѣрнымъ. Для оправданiя себя онъ щиталъ нужнымъ, чтобъ быть ему самому въ Римѣ; но

но Клунійскій (*) Игуменъ отговорилъ ему оное исполнить, а совѣтовалъ ему у себя остаться, обѣщая примирить его съ С. Бернардомъ, которой въ семъ нещастномъ дѣлѣ учинился ему величайшимъ врагомъ. Абельярдъ, которой ничего не желалъ болѣе примиренія, на основательныя представленія Клунійскаго Игумена соглашается, и посредствомъ Игумена Ситосскаго (**) онъ ихъ съ С Бернардомъ примиряетъ. Чѣмъ болѣе Абельярдъ испытывалъ нещастія, тѣмъ паче старался приносить покаяніе, такъ что съ самаго удаленія его въ Клуни онъ вмѣсто того, чтобъ самому размышлять о печальныхъ произшествіяхъ жизни своей, даже просилъ своихъ пріятелей не говорить

(*) Клуни городъ въ Бургонской провинціи и возлѣ онаго тогожъ названія монастырь.

(**) Сито городъ въ той же провинціи.

рить болѣе о его злощастіяхъ. *Петръ ле Венерабль*, его настоятель, говоритъ, что онъ не менѣе былъ преданъ въ волю Божію, какъ С. Мартинъ, ни менѣе имѣлъ кротости С. Германа. Папа, узнавъ изъ писемъ Клунійскаго Игумена о столь добродѣтельномъ Абельярдовомъ поведеніи, сожалѣлъ, что строго поступилъ съ нимъ; онъ возставилъ его въ прежнихъ его правахъ и преимуществахъ; но сіи новыя благодѣянія только что сдѣлали его еще смиреннѣе и придали новое пареніе его добродѣтели. Абельярдъ недолго наслаждался своимъ здоровьемъ: тѣло его отъ постовъ и воздержанія толь ослабѣло, что онъ съ ногъ до головы былъ покрытъ нѣкоторымъ родомъ вередовъ, такъ что ни въ какомъ положеніи онъ безъ чувствительнаго страданія пребыть не могъ. Его уговорили ѣхать пользоваться деревенскимъ

воздухомъ. Здоровье его начало было приходить въ лучшее состояніе, какъ постигла его болѣзнь, еще прежней опаснѣйшая; его пріобщили святыхъ таинъ, и чрезъ нѣсколько часовъ онъ испустилъ послѣднее издыханіе 21 Апрѣля, 1142 года, на 64 году отъ рожденія.

Переводъ надгробныхъ надписей, Абельярду сочиненныхъ Латинскими стихами Клунійскимъ Игуменомъ Петромъ ле Венераблемъ.

I.

Пусть хвалятся Греки семью своими мудрецами, пускай Сократу, Платону и Аристотелю похвалы отъ нихъ приносятся, единый Петръ Абельярдъ имѣетъ право всѣхъ оныхъ похвалъ себѣ требовать. Онъ въ жизни своей былъ Французскимъ Сократомъ, Италійскимъ Платономъ, а въ краснорѣчіи ему не было подобнаго: умѣлъ къ себѣ пре-

преклонять сердца всѣхъ своихъ слушателей; будучи тонокъ, остроуменъ и силенъ въ словѣ, заставилъ себѣ удивляться во всѣхъ концахъ свѣта, все предъ нимъ уступало. Но сего не довольно: сей герой ученыхъ, сей славный Аристотель, при концѣ своей жизни надъ самимъ собою одержалъ славную побѣду, и всю свою славу въ томъ полагалъ, чтобъ жить въ Клуни и нарицаться ученикомъ Христовымъ. Такова была его премудрость и таково было его избраніе; и такъ онъ умеръ перваго надесять Календовъ нашего мѣсяца Мая. Будемъ уповать, что наши молитвы присоединятъ его къ источнику всѣхъ благъ, коимъ истинные Христіянскіе Философы наслаждаются.

II.

Петръ, коего почитали вторымъ Омиромъ, присоединенъ нынѣ къ камню краеугольну, отъ коего никогда не можетъ отрѣшитися. Но хотя подъ симъ камнемъ сокрытъ пребываетъ, онъ превыше звѣздъ всегда блистаетъ, и видитъ истинну безъ всякаго покрова. Солнце Франціи, увы! уже затмилося;

ся; Петра не стало и все тьма покрыла. Онъ зналъ все, что смертной можетъ знать въ здѣшнемъ мірѣ, видѣлъ всѣхъ ученыхъ предъ собою уступающихъ, учитель во всѣхъ наукахъ, ни въ одной не ученикъ. О вы, священныя обиталища Философіи! училища! вашего Князя, увы! нѣтъ болѣе въ жизни! все уже свершилося; пріидите воззрѣть на сіе блистающее свѣтило, на славнаго Абельярда, сокрытаго во гробѣ. 20 Апрѣля жизнь сего славнаго человѣка прекратилась; толь славный во Франціи и Римѣ, единый онъ изъ смертныхъ могъ познать въ жизни своей все, что можетъ въ здѣшнемъ мірѣ быть извѣстнымъ.

Похвалы сіи не могутъ быть подозрительны; ибо произтекаютъ изъ пера, которое всегда столь было посвящено истиннѣ, что не возможно подозрѣвать его ни въ какомъ ласкательствѣ. Абельярдъ былъ человѣкъ просвѣщеннѣйшій своего времени: онъ былъ Грамматикъ, Ораторъ, Стихотворецъ,

рецъ, Музыкантъ, Философъ, Богословъ, Математикъ, Астрономъ, Юрисконсультъ, разумѣлъ пять, или шесть языковъ; духовную и свѣтскую исторію зналъ совершенно, а Схоластической Философіи онъ былъ основатель.

Абельярдъ былъ одинъ изъ тѣхъ превосходныхъ умовъ, которые все почерпаютъ изъ собственнаго своего источника, и на то раждаются въ свѣтъ, чтобъ быть другимъ наставниками, коимъ стоитъ только показаться въ свѣтъ, чтобы привлечь къ себѣ любовь и почтеніе публики; и естьли толь славный человѣкъ испыталъ нещастія, то можно сказать, что единственно его достоинства оныя на него навлекали.

Игуменъ Клунійскій, воздавъ послѣдній долгъ Абельярду, отписалъ къ Элоизѣ о тратѣ, ей учиненной. Какое впечатлѣніе сія вѣдомость учинила въ ея сердцѣ, того

того никакъ изобразить не возможно; она имѣла нужду прибѣгнуть къ помощи своего разума и къ терпѣнію, коимъ она отъ природы была одарена, дабы не пасть подъ бременемъ справедливой печали, ее угнѣтающей. Сія дражайшая супруга ничего такъ не страшилась, какъ пережить своего супруга. Младость ея, вещь толь драгоцѣнная для другихъ особъ ея пола, лишь только болѣе ее огорчала; она предвидѣла, что по уставу природы должна будетъ сохранять жизнь свою въ такое время, когда бы возжелала оной лишиться; она страшилась испытать страшныя мученія, въ которыя любовь ея къ Абельярду долженствуетъ ее ввергнуть; однакожъ не могла умѣрить своей горести, услыша о смерти достойнаго своего супруга: она лишилась чувствъ при чтеніи письма отъ сего почтеннаго Игумена, и чаяла,

 что

что душа ея, оставя тѣло, стремилась соединиться съ Абельярдовой. Она пришла однако въ чувство, и не испустивъ ни единой слезы, возвела очи къ небу. Печальные вздохи, изъ внутренности сердца ея исходящіе, болѣе изъясняли чрезмѣрную ея горесть, нежелибъ всѣ плачевныя ея рыданія. Наконецъ должно сказать, что никогда не было женщины, котораябъ столь горячо любила своего супруга, какъ Элоиза. Достоинства Абельярдовы и рѣдкія его качества толикую власть имѣли надъ ея душею, что не возможно ей было найти на землѣ другаго предмета, которой бы ей могъ замѣнить его. Элоизѣ было тогда 41 годъ и обладала еще всѣми пріятностьми юности; она не преминула возблагодарить отвѣтомъ Игумена Клунійскаго. И съ того времени начала имѣть переписку съ симъ С. Игумномъ на Латинскомъ

языкѣ, у коего она неотступно требовала себѣ тѣла Абельярдова. Она ему столь убѣдительно представляла, что того требуетъ справедливость, дабы по крайней мѣрѣ могла она получить своего супруга по смерти его, которымъ во время жизни его обладать ей воспрещалось, что сей почтенный Игуменъ не могъ ей отказать въ томъ. Онъ зналъ, что и самъ Абельярдъ всегда желалъ, чтобъ тѣло его погребено было въ Параклѣ и просилъ Элоизу, что гдѣбъ ему окончить жизнь ни случилось, но чтобъ тѣло его перенесено было въ Паракле. Сей С. Игуменъ просилъ Элоизу содержать сіе втайнѣ, обѣщая ей при первомъ удобномъ случаѣ волю ея исполнить. Онъ подъ видомъ нѣкоторыхъ нуждъ переѣхалъ въ Игуменство С. Маркелла, и тамъ во время одной ночи, какъ всѣ монахи покоилися сномъ, онъ велѣлъ тѣло

Абель-

Абельярдово вырыть, и съ симъ залогомъ тотчасъ отправился въ Паракле. Онъ туда пріѣхалъ 16 Ноября. Прибытіе его произвело въ Элоизѣ движенія, толико различныя, что изъяснить оныхъ не возможно. Сей драгоцѣнной залогъ, толь много желанный, утѣшеніе для ея монахинь, что будутъ имѣть у себя тѣло своего основателя, отца и начальника, все не преминовало произвесть въ Элоизѣ нѣкоторыхъ чувствованій удовольствія. Но съ другой стороны видѣть сего дражайшаго супруга безчувственнымъ во гробѣ и горестное воспоминовеніе о невозвратной онаго утратѣ, однимъ словомъ, смерть Абельярдова, представляющаяся очамъ ея, о коей уже не могла она болѣе сомнѣваться, коль великая причина къ горести! Но еще оная болѣе усилилась отъ плачевныхъ духовныхъ пѣсенъ, употребляемыхъ при погребеніи,

бенiи, съ каковыми тѣло покойнаго приняли, и преданiя землѣ онаго. Тѣло Абельярдово отнесли въ могилу, Элоизою для онаго прiуготовленную, которая расположена была такимъ образомъ, что часть оной находилась въ церквѣ, а другая на крылосѣ. Игуменъ Клунiйскiй, пронзенъ будучи достоинствами Элоизы, старался привлечь ее съ частiю ея обители перенесть свое жилище поближе къ Клуни. Но онъ поздно началъ свое предпрiятiе. Какъ скоро получила она то, чего съ толикою горячностiю желала, то казалось ей, что она окажетъ знакъ непочтенiя къ памяти своего любезнаго супруга, естьли оставитъ обитель, имъ основанную, также и то удовольствiе, которое она чувствовала, воображая, что она живетъ въ той самой кельѣ, въ коей жилъ онъ, и что не возможно ей сдѣлать ни единаго шага

безъ

безъ того, чтобъ не ступать по слѣдамъ дражайшаго своего Абельярда, коего тѣло предъ очами ея сохраняется, оставить Параклe ей воспрещало. Однакожъ она свела съ Клунійскимъ Игуменомъ весьма тѣсное дружество; утвержденное всѣми знаками, которые благочестіе и вѣра къ оному присоединить могутъ. Сей почтенной Игуменъ отъ нее возвратился, будучи исполненъ почтеніемъ къ сей обители, наипачежъ прельщенъ Элоизою, которой онъ не могъ довольной похвалы приписать. По возвращеніи его Элоиза не преминовала чрезъ письмо принести ему своей благодарности за всѣ преимущества, полученныя ею и ея монахинями отъ его посѣщенія.

Элоиза не иначе себя почитала, какъ огорченною вдовою безъ Абельярда: весь свѣтъ казался ей недостойнымъ ея къ оно-

му привязанности; единственное ея упражненіе было стенать и проливать слезы денно и нощно. Видѣли ее при гробѣ любезнаго ея супруга, такъ что надобно было употребить усиліе, чтобы ее отвлечь отъ онаго и принудить принять пищи, или сномъ успокоиться. Такимъ-то образомъ сія добродѣтельная женщина провождала тѣ 22 года, которые жила по смерти Абельярдовой. Во все оное время свѣтъ не видалъ болѣе Элоизы: пресѣклися сообщества, пресѣклись посѣщенія, ни съ кѣмъ уже не говорила, и въ самомъ монастырѣ едва можно ли было съ нею гдѣ встрѣтиться. Она пребывала или запершись въ своей кельѣ, или при гробѣ своего супруга. Безпрестанное проливаніе слезъ красоту ея помрачило: мрачная блѣдность покрыла натуральной цвѣтъ лица ея; очи ея всей живости своей лишилися и

все

все ея тѣло отъ горести ослабѣло. Она строгою своею и воздержною жизнію подавала примѣръ своей обители; учредила правила не только для монахинь, обитающихъ въ Параклѣ, но и для всѣхъ монастырей, находящихся подъ ея вѣдѣніемъ. Она получила разныя привиллегіи отъ святѣйшаго престола, и Папа Луцій II подтвердилъ всѣ данныя ей отъ его предшественниковъ въ буллѣ, изданной 17 Марта, 1145 года. Элоиза почтена названіемъ Игуменьи *Святыя Троицы*. Послѣ того она получила многія грамоты; а послѣдняя, полученная ею отъ святѣйшаго престола милость, есть грамота Александра III, того самаго Папы, который канонизовалъ С. Бернарда. Оная надписана въ Парижѣ 6 Апрѣля, 1163 года, въ 21 годъ, спустя послѣ смерти Абельярдовой.

Сія искусная начальница, употребя все предосторожности, чтобъ утвердить общество свое во благонравіи, ни о чемъ болѣе не помышляла, какъ внушать своимъ монахинямъ имѣть непорочныя и возвышенныя чувствованія. Молитвы, наставленія, примѣры, учрежденія, увѣщанія, все сіе въ ея поведеніи заключалося и всѣ ея въ ономъ предпріятія съ успѣхомъ происходили; кротость ея всѣхъ сердца къ себѣ привлекала, уничтожала всѣ затрудненія и превозмогала всѣ препятствія; краснорѣчіежъ ея увѣряло всѣхъ въ томъ, въ чемъ она утвердить кого хотѣла. Жестокая лихорадка и другія немощи давали ей знать, что конецъ жизни ея приближается. Она тѣмъ ни мало не смутилася; сердце ея отъ здѣшней жизни было отторгнуто, и къ сему последнему путешествію пріуготовлялася съ героическою твердостію,

которая ее никогда не оставляла. Она утѣшала своихъ монахинь, которыя чувствовали, коль великую трату, лишась ее, претерпятъ; она увѣщавала ихъ и ободряла по полученіи въ последній разъ святыхъ таинъ; она дала имъ свое благословеніе, завѣщавая имъ, чтобъ погребли ее вмѣстѣ съ основателемъ ихъ обители; она окончала жизнь свою въ воскресенье 17 Мая, 1164 года, также какъ и Абельярдъ въ климатерическомъ годѣ жизни своей, имѣя отъ рожденія 63 года. Элоиза, приказывая положить тѣло свое въ гробницу Абельярдову, чрезъ то хотѣла дать знать потомству, что любовь ея толикожъ была чиста, коль и законна; и хотя суевѣрные критики думали, что сіе не другое что значило, какъ остатокъ того пламени, коимъ она въ младости своей къ Абельярду пылала, однакожъ сіе весьма было справедливо, чтобъ

смерть

смерть не раздѣляла тѣхъ, кои во время жизни своей одно сердце и одну душу имѣли.

Всѣ, сколько ни было въ провинціи благородныхъ, духовенства, военныхъ и статскихъ, всѣ погребеніе ея своимъ присутствіемъ удостоили и тѣло ея до самой могилы сопровождали своими слезами. Благочестіе ихъ было награждено видѣніемъ чуда, коему подобнаго въ исторіяхъ мало находится: какъ открыли Абельярдову гробницу и начали въ оную спускать Элоизино тѣло, то сей вѣрный супругъ, цѣлые 22 года ее ожидающій, простеръ руки свои для ея прiятія, и прижавъ ее къ груди своей, оставилъ всему потомству чувствительной и неподражаемой примѣръ вѣрности супружнія любви даже и по смерти, и далъ знать, что совершенная любовь сильнѣе самой смерти; понеже въ нихъ смерть

 не

не могла оной погасити. Сіе произшествіе покажется невѣроятнымъ, но оное подтверждаемо авторами, достойными вѣроятія (*). С. Григорій Тирскій повѣствуетъ намъ подобную исторію объ одномъ Дижонскомъ Сенаторѣ, именуемомъ Гиларій, которой, препроводивъ жизнь съ супругою своею въ совершенномъ согласіи, подъялъ руки свои для ея объятія, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти полагали тѣло ея въ одну съ нимъ гробницу. Такое же приключеніе еще случилось во время Тертулліяново, которой сію исторію весьма подробно описываетъ въ книгѣ своей о душѣ. Естьли мы будемъ вѣрить симъ славнымъ авторамъ, то обстоятельство Элоизина погребенія не будетъ намъ болѣе казаться невѣроятнымъ.

Не

(* Смотри Chron. Turon. Quercet. in not. ad epist. Abeil. страница 4195.

Не взирая на всѣ перемѣны, сдѣланныя въ послѣдствіе толиких вѣковъ надъ гробницею сихъ злощастныхъ супруговъ, всегда къ столь священному и рѣдкому союзу сохраняли почтеніе; никто не дерзнулъ разлучить ихъ, которыхъ природа столь удивительными узами соединила. Въ честь Элоизы на гробницѣ ея изсѣчены были четыре Латинскіе стиха, которые можно видѣть въ семъ переводѣ:

Здѣсь погребена ученая Игуменья, Элоиза ей было имя, сего молитвеннаго мѣста учредительница и начальница. Духъ утѣшитель пребывалъ во ономъ; она купно съ нимъ въ Сіонѣ почіетъ въ мирѣ и радостію исполненна. Да заслуги ея и молитвы возмогутъ насъ отъ земли къ небесамъ возвышати!

Сія надпись весьма малозначуща для особы толь рѣдкихъ достоинствъ; слѣдующая эпитафія,

 со-

сочиненная по времени, кажется сей славной женщинѣ болѣе прилична:

Сей гробъ Элоизинъ прахъ въ (себѣ сокрываетъ,
Драгоцѣнной монументъ для всѣхъ (нѣжныхъ любовниковъ.
Супруга безъ мужа и вдова прежде (смерти онаго.
Элоиза въ дватцать лѣтъ сію нещастну участь претерпѣла.
Красота ея, разумъ и глубокія науки,
Заставили ей удивляться во всѣхъ (четырехъ концахъ свѣта.
Смерть, все разрушающая, ее паки (съединила
Съ любезнымъ ея Абельярдомъ, предметомъ ея желаній.

Можно сказать въ похвалу Элоизы, что съ самаго того времени, какъ она оставила свѣтъ, даже до послѣдняго часа ея жизни она

она была почитаема и хвалима отъ всѣхъ писателей, коихъ число есть безконечно, которые въ сочиненіяхъ своихъ объ ней упоминаютъ, и нѣтъ ни одного, которой бы что либо говорилъ объ ней худаго. Странная вещь для такой особы, какъ Элоиза, которая на ѳеатрѣ сей жизни небеззнатную роль играла!

Конецъ жизни Абельярда и Элоизы.

Весьма въ рѣдкихъ книгахъ упоминается о письмѣ, писанномъ Абельярдомъ къ его другу, которое нечаянно попалось въ руки Элоизы; но какъ оное подало причину къ перепискѣ Абельярду съ Элоизою и произвело всѣ сіи письма, кои въ сей книгѣ содержатся, то за нужное почтено приложить и оное въ началѣ тѣхъ писемъ.

А какъ сіе письмо содержитъ въ себѣ описаніе жизни Абельярда и Элоизы, то, дабы не повторять того, что уже о сихъ нещастныхъ супругахъ сказано, читатель часто будетъ отсылаться къ оному.

ПИСЬМО

Отъ Абельярда къ его другу.

Послѣ печальнаго повѣствованія, полученнаго мною отъ васъ о претерпѣнныхъ вами нещастіяхъ,

вы

вы имѣете нужду въ утѣшеніи, я то вѣдаю; но одного ли только себя, Филинтъ, щитаете вы жалости достойнымъ въ мірѣ? Увы! кому вы то сказываете, какъ истинный другъ, пріемля участіе въ справедливыхъ вашихъ печаляхъ? Чего я уже не сказалъ для осушенія слезъ вашихъ? Я изчерпалъ всю мою Философію, дабы изцѣлить тѣ раны, которыми злощастіе васъ поразило; но всѣ мои старанія были безплодны, почто же вамъ всегда заниматься вашими бѣдствіями? Разумной человѣкъ долженъ укрѣплять себя и не унывать подъ бременемъ злощастій. А естьли еще осталось средство къ вашему утѣшенію, то нахожу оное въ той дружбѣ, которую я къ вамъ ощущаю. Познайте всѣ мои нещастія, тогда ваши бѣдствія покажутся вамъ менѣе чувствительными, когда сравните ихъ съ

тѣми, кои претерпѣлъ нѣжнѣйшій и нещастнѣйшій изъ человѣковъ. Должно мнѣ быть такимъ другомъ, каковы вы, чтобъ заставить меня разсказать тѣ приключенія, которыя не могутъ никогда представиться моему воображенію, не поразя сердца моего смертельною скорбію. Пусть длинная цѣпь моихъ злоключеній успокоитъ смущеніе души вашей и моей возвратитъ то пріятное спокойствіе, котораго она прежде найти не можетъ, какъ по разрушеніи тлѣннаго состава, ее въ себѣ заключающаго, о уничтоженіи котораго я Творца моего молю повсядневно.

Здѣсь Абельярдъ повѣствуетъ о любви своей и своихъ нещастіяхъ. Мы отсылаемъ читателей къ описанію жизни сихъ славныхъ любовниковъ, предъидущей письму сему; а здѣсь внесемъ только тѣ описанія, которыя покажутся

ся намъ заслуживающими большаго вниманія. Абельярдъ, восторжествуя надъ своими врагами, такимъ образомъ письмо свое продолжаетъ:

Бури утишилися, я увидѣлъ себя въ пристанищѣ, всѣ стрѣлы враговъ моихъ стали слабы и притупленны. Блаженъ бы я былъ, естьлибъ могъ пользоваться плодами моей побѣды! Ахъ! когда духъ доволенъ, колико трудно тогда защищать сердце свое отъ яда любви! Вы теперь познаете, Филинтъ, всѣ мои слабости. Я думаю, что всѣ люди должны платить дань, принадлежащую любви. Хотя я былъ Философъ, но сей тираннъ душъ нашихъ восторжествовалъ надъ всею моею премудростію; стрѣлы оной были сильнѣе всѣхъ моихъ разсужденій. Сіе *божество* не замедлило принудить меня слѣдовать той склонности, къ которой привлечь меня хотѣ-

ло.

ло. Небо посредѣ удовольствій, питающихъ мое сердце, обременило меня гнѣвомъ своимъ. Я сталъ примѣромъ его мщенія, жертвою, тѣмъ болѣе нещастнѣйшею, что лишенъ былъ всѣхъ способовъ къ своему удовольствію; оно оставило меня добычею всѣхъ моихъ преступныхъ желаній. Я приступаю теперь, любезной другъ, къ вѣрному описанію моей страсти; вы можете разсудить, достоинъ ли я былъ толикаго наказанія.

Я всегда имѣлъ въ омерзѣніи сихъ смѣха достойныхъ прелестницъ, которыхъ безъ посрамленія себя любить не можно. Я былъ честолюбивъ въ выборѣ сердца моего, желалъ находить препятствія, чтобы превозмогать ихъ, дабы съ большею славою быть побѣдителемъ. Въ то время была въ Парижѣ младая особа.... Ахъ, Филинтъ! любовь утѣшалась ее сотворяя; Элоиза было ея имя.

Абельярдъ продолжаетъ говорить о любви своей, о успѣхѣ своемъ у Фульберта, о печаляхъ, претерпѣнныхъ имъ отъ сего духовнаго, огорченнаго поведенiемъ своей племянницы, и о примиренiи его съ нею. Продолжаетъ до времени свиданiя своего съ Элоизою въ Бретанiи, куда ѣздилъ онъ для увѣдомленiя ее о мирныхъ договорахъ, учиненныхъ имъ съ ея дядею. Элоиза, недовольная даннымъ отъ Абельярда словомъ, чтобъ имъ соединиться бракомъ, не могла воздержаться, чтобъ къ отвращенiю его отъ сего намѣренiя не представить ему - -

Что супружество есть бѣдственныя узы для Философа, что старанiя о семействѣ не согласуются съ тишиною и упражненiемъ, котораго ученiе премудрости требуетъ. Она представила мнѣ (продолжаетъ Абельярдъ) все, что писали о сей матерiи Ѳеофрастъ, Цицеронъ, а особливо несчастной Сократъ, которой съ удовольствiемъ оставлялъ жизнь

сiю

сію единственно для той причины, что смерть разлучала его съ Ксанфипою. Не сладостнѣе ли для меня, прибавила она, считать себя твоею любовницею, чѣмъ супругою? Любовь не сильнѣе ли можетъ удержать сердца наши въ согласіи, нежели узелъ Гименеевъ? Утѣхи, которыя мы рѣдко и съ трудомъ вкушаемъ, намъ всегда будутъ казаться пріятными; напротивъ позволенныя вещи теряютъ вкусъ свой. Но какъ всѣ сіи убѣжденія не могли меня поколебать, Элоиза просила сестру мою ввергнуть меня въ другія смущенія. Луцилла (такъ оная называлась), отведя меня на сторону, что вы думаете, она сказала мнѣ, что вы предпринимаете? Возможно ли, чтобъ Абельярдъ принялъ намѣреніе быть супругомъ Элоизы? Признаюся, что она кажется вѣчной склонности достойною: красота, младость, ученость, все въ ней нахо-

находится. Вы ею обожаемы, я всему этому вѣрю; но не нахожу за полезное вамъ льстить. Красота сія не что иное, какъ цвѣтъ, которой отъ первой приключившейся болѣзни можетъ лишиться своего блистанія. Когда сіи прелести, которыми вы объяты, истребятся, вы тогда раскаетесь, но поздно, что наложили на себя цѣпь, которую одна только смерть разрѣшить можетъ. Я желаю видѣть васъ доведеннаго, какъ прочіе супруги, желать вдовства, какъ единаго удовольствія; или вы думаете, что науки сдѣлаютъ Элоизу вамъ милѣе? Я знаю, что она не изъ числа тѣхъ тщеславныхъ, чтобъ отягощала васъ притворными словами, мѣшалась судить о книгахъ и дѣлала опредѣленія такія. Когда въ жару своего разговора, тогда супругъ, друзья, служители, всѣ должны бѣжать изъ дому. Вы скажете тогда, что тысяча

сяча цимбаловъ и тысяча трубъ производятъ смѣшанной шумъ. Элоиза сего порока не имѣетъ; однакожъ всегда досадно не смѣть въ присутствіи супруги употребить несвойственнаго слова, но отъ любовницы все сносятъ съ удовольствіемъ. Вы скажете, что въ сердцѣ Элоизиномъ вы увѣрены, я оному вѣрю; вы имѣли въ томъ довольные опыты, но не опасаетесь ли, чтобъ Гименей не былъ гробомъ любви? Или Элоиза будетъ тотъ фениксъ, котораго нигдѣ найти не могутъ? будетъ ли она отмѣнна отъ прочихъ женщинъ? Подите, подите, — Философское чело небезопаснѣе прочихъ человѣковъ. — Сестра моя разгорячилась и представляла мнѣ тысячу подобныхъ убѣжденій. Я вдругъ рѣчь ея прервалъ и довольствовался сказать ей только то, что она не знаетъ Элоизы. Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней мы

вмѣстѣ отправились изъ Бретаніи, и лишь только прибыли въ Парижъ, какъ супружество наше заключилось, и пр.

Абельярдъ говоритъ напослѣдокъ о худомъ поступкѣ Фульберта противъ Элоизы, описываетъ ея нещастія, описаніе его о игуменствѣ С. Гильдаса, откуда онъ пишетъ. Сіе письмо достойно быть здѣсь помѣщеннымъ.

Я живу въ странѣ варварской, которой языкъ мнѣ незнакомъ; обхожденіе имѣю съ народомъ дикимъ, гулянія мои составляютъ неприступные брега волнующагося моря; мои монахи по одной только роскоши извѣстны; они не имѣютъ другихъ правилъ, какъ только тѣ, чтобъ никакимъ не слѣдовать. Желалъ бы я, Филинтъ, чтобъ вы увидѣли мое убѣжище; вѣрно вы не почтете оное игуменствомъ: двери тамъ убраны

одними только лапами оленей, медвѣдей, кабановъ и въ ужасъ приводящими кожами ночныя птицы и пр. Всякой день испытываю на себѣ новыя опасности, каждую минуту воображаю видѣть висящій мечь надъ моею головою. Чтожъ скажу вамъ наконецъ? я вижу себя одного, преданнаго всѣмъ моимъ горестямъ; сожалѣю о моемъ Параклѣ, которой я оставилъ, желая опять въ ономъ водвориться. — Ахъ, мой другъ! любовь, которою сердце мое безпрестанно къ Элоизѣ таетъ, не она ли сего желать меня заставляетъ? Я не могъ еще надъ оною восторжествовать въ моемъ уединеніи. — Испускаю вздохи, проливаю кровавыя слезы. — Имя Элоизы излетаетъ изъ устъ моихъ: произнося оное, сердце мое радостію исполняется. — Жалуюсь на жестокость неба. . . но можетъ быть я заслужилъ толикія жесто-

стокости. Такъ, должно сему вѣрить: ибо оныя меня постигли. Естьли свѣтъ васъ ненавидитъ, Филинтъ, то видите, сколь и меня онъ ненавидитъ. Пойдемъ, будемъ сами себѣ сопротивляться, употребимъ себѣ въ пользу наши нещастія, предадимъ себя совершенно во власть Бога, которой тѣхъ только огорчаетъ, кого онъ любитъ. Увы! я дѣлаю вамъ наставленія. Щастливъ бы я былъ, естьли бы самъ могъ оными пользоваться. -- Прощай!

Сіе письмо на Латинскомъ языкѣ имѣетъ титулъ: Historia calamitatum Abelardi. Оное заключаетъ въ себѣ такія мысли, которыя весьма будутъ чувствительны для нѣжнаго слуху; для того оныя мѣста и оставлены непереведенными, а особливо гдѣ разсказываетъ Абельярдъ, какъ онъ подъ видомъ обученія Элоизы склонялъ ее въ любовь къ себѣ. Primum domo unâ coniungimur, post modum animo, ſub occasione igitur dis-

disciplinae amori penitus vacabamus, & ſecretos receſſus, quos amor optabat, ſtudium lectionis offerebat. Apertis itaque libris plura de amore, quam de lectione verba ſe ingerebant; plura erant oſcula, quam ſententiae; ſaepius ad ſinus, quam ad libros deducebantur manus. . . . Quoque minus ſuſpicionis haberemus, verbera quandoque dabat amor, non furor, gratia, non ira. . . . Quid denique? nullus a cupidis intermiſſus eſt gradus amoris, & ſi quid inſolitum amor excogitare potuit, eſt additum. Элоиза для отвращенія своего любовника отъ бракосочетанія съ собою такъ изъясняется: Pro periculo & pro dedecore Abelardi Heloiſſa dehortabat me a nuptiis: nuptiae non conveniunt cum Philoſophia: quae enim conventio ſcholarium ad pediſſequas, ſcriptoriorum ad cunabula, librorum ad colos, calamorum ad fuſos? . . . Есть много такихъ мѣстъ, коихъ не можно точно перевесть такъ, какъ оное, гдѣ говоритъ Элоиза: Te magis offendere, quam Deum, vereor; tibi placere amplius, quam ipſi, appeto. Также и сіи слова ни на какомъ языкѣ не могутъ имѣть такого достоинства, какъ на

Ла-

Латинскомъ: Domino ſuo, immo patri, conjugi ſuo, immo fratri, ancilla ſua, immo filia, ipſius uxor, immo ſoror, Abelardo Heloiſſa.

Можно сказать, что въ письмахъ Элоизы гораздо болѣе остроты и краснорѣчія, нежели въ Абельярдовыхъ.

Увѣдомленіе.

Нижеслѣдующее письмо есть сочиненія господина Попе; въ ономъ нѣжныя выраженія и живѣйшія чувствованія страстнаго сердца изображены въ совершенствѣ; въ немъ можно видѣть, съ какимъ жаромъ, съ какими сильными доказательствами Аглинской авторъ заставляетъ говорить чувствительную Элоизу. Тутъ представляется огорченная любовница, жена, лишенная того, что все ея утѣшеніе составляло, которая для единой уже тѣни своего любезнаго суще-

 ству-

ствуетъ, къ которому она безпрестанною страстiю пылаетъ, но еще съ сильнѣйшимъ жаромъ, которая описываетъ свои несносныя мученiя, къ изцѣленiю коихъ нѣтъ ни малыя надежды, и что чрезмѣрная любовь и обременяющая ее горесть въ семъ смущенномъ состоянiи заставляютъ ее позабывать Бога, коему она служить обязалася, свою обитель, весь свѣтъ и самое себя.

ПИСЬМО

Любовное отъ Элоизы къ Абельярду.

Абельярдъ и Элоиза, разлученные и посвятившiе себя единственно Богу, пребывали въ разныхъ монастыряхъ. Чрезъ нѣсколько времени по ихъ разлученiи письмо, писанное Абельярдомъ къ его другу, нечаянно попалось къ Элоизѣ. Сiе писанiе всю ея нѣжность возбудило и

подало матерію къ произведенію сихъ славныхъ писемъ, въ коихъ брань природы съ благодатію толь живо изображается. Слѣдующее письмо отчасти взято изъ оныхъ, а частію сочинено подражательно.

Въ семъ спокойномъ уединеніи, въ жилищѣ, гдѣ размышленіе взоры къ небесамъ обращать заставляетъ, въ семъ мѣстѣ, гдѣ глубокое царствуетъ безмолвіе, и въ которомъ спокойная душа познаетъ ничтожество сна жизни сея, какія движенія спокойствіе души моей возмущаютъ? почто мысли мои заблуждаютъ за преграду сего священнаго убѣжища? почто сердце мое начинаетъ паки чувствовать пламя, чрезъ толь долгое время преданное забвенію! О любовь! или еще я тебя не преодолѣла?

Конечно такъ, письмо сіе отъ него, и еще разъ должна

Элоиза имя Абельярдово приложить ко устамъ своимъ. Имя дражайшее и купно бѣдственное! не хочу уже болѣе произносить тебя, не проходи ты чрезъ сіи уста, которыя законъ посвятилъ безмолвію, пребудь навсегда въ сердцѣ моемъ заключеннымъ. Или мысль, исполненная Абельярдомъ, съ мыслію о Божествѣ соединенна?

Остановись дерзновенная рука! еще есть тому время. — О Боже! зри мое противоборствіе, Элоиза тебя умоляетъ. — Удали отъ нее имя, толико драгоцѣнное. — Ахъ! естьлижъ оное уже начертано, то подъ слезами моими оно да истребится. — Что я дѣлаю и что читаю? — Перо мое само собою нечаянно начертало: Абельярдъ! я тебя люблю. Тщетно нещастная Элоиза къ слезамъ и молитвѣ прибѣгаетъ; сердце ея безпрестанно повелѣваетъ, а рука повелѣнія его исполняетъ.

Ты

Ты ужасаешься и страшишься, чтобъ дерзновеніе мое не вооружило противъ меня десницу Бога мстителя! Не знаю, накажетъ ли онъ слабость мою; но то вѣдаю, что чувства мои толико страстію упоены, что для остановленія пера моего громы его будутъ тщетны. — Любовь, да проститъ онъ мнѣ! любовь сюда влечетъ мою руку.

О стѣны, коихъ мрачная ограда добровольныя мученія въ себѣ заключаетъ, и въ коихъ раздаются вздохи, извлекаемые покаяніемъ! камни, истертые отъ набожныхъ колѣней! пещеры, колючимъ терніемъ обросшіе! олтари, въ которыхъ блѣдновидныя дѣвы бдятъ безпрестанно! марморы, изображающіе лики тѣхъ святыхъ, которые сами себя побѣждать умѣли! вашъ видъ и долгое мое безмолвствіе, подобно вамъ, нечув-

ствительною меня не претворили. Тщетно небо меня къ себѣ призываетъ: въ то самое время, когда я теплыя молитвы проливаю, возмутительная природа половину сердца моего занимаетъ; мои молитвы, посты и слезы мои не могутъ не только погасить, но ниже уменьшить пламени, меня пожирающаго.

Коль скоро трепещущею рукою открыла я письмо твое, дражайшій мой Абельярдъ, имя твое, тотчасъ встрѣтясь моимъ взорамъ, возбудило во мнѣ чувствіе всѣхъ моихъ нещастій; имя, всегда прискорбное; имя, всегда дражайшее, и котораго не могу произнести безъ пролитія слезъ и тяжелыхъ воздыханій. Всякой разъ возтрепещу, коль скоро свое увижу, будучи увѣрена, что какое либо нещастіе вскорѣ за нимъ послѣдуетъ. Орошенные слезами

глаза

глаза мои отъ первой до послѣдней строки письмо твое пробѣжали, и ничего до самаго конца не усматривали, какъ длинную цѣпь злощастiй. – То вижу себя сожигаему нѣжнѣйшею любовiю, то въ самомъ цвѣтѣ юности обремененною жесточайшею печалiю и наконецъ погибшею въ мрачномъ уединенiи монастыря, въ которомъ строгiй законъ сильнѣйшее пламя погасить долженствуетъ. Здѣсь благороднѣйшiя страсти, любовь и слава, должны имѣть свое окончанiе.

Однакожъ пиши ко мнѣ, любезной Абельярдъ; опиши мнѣ все то, что сердце твое еще чувствуетъ, пусть скорби мои я соединю съ твоими и за вздохи твои воздамъ моими. Сего утѣшенiя ничто меня лишить не можетъ, ни щастiе, ни враги наши. Не уже ли мой Абельярдъ въ жестокости и ихъ превзойдетъ?

Слезы

Слезы мои мнѣ принадлежатъ, я не буду щадить ихъ, воздамъ тѣ любви, которыябъ въ молитвѣ пролить долженствовала. Сіи печальныя очи ничего лучше сего учинить не могутъ. . . . Читать и проливать слезы будетъ ихъ вѣчнымъ упражненіемъ. Скорби твои раздѣли со мною, сдѣлай мнѣ сіе печальное утѣшеніе, иль паче возвергни на меня всѣ твои злощастія.

Первое изобрѣтеніе писемъ небо вложило въ мысль человѣкамъ для вспомоществованія нещастнымъ для какого либо изгнаннаго любовника, или заключенной любовницы. Чрезъ нихъ говорятъ и изъясняютъ то, что любовь въ себѣ имѣетъ нѣжнѣйшаго; посредствомъ ихъ желанія юнаго сердца безъ опасности сообщаются, и душа взорамъ любимаго предмета совершенно открывается.

Раз-

Разлука теряетъ власть свою, и презирая разстояніе мѣстъ, въ Индіи испущенной вздохъ до полюса достигаетъ.

Ты вѣдаешь, съ какою невинностію я сперва встрѣчала любовь твою, которая подъ притворнымъ видомъ дружества сокрывалася. Воображеніе мое образъ твой мнѣ Ангельскимъ представляло, глаза твои блистали нѣжнѣйшимъ пламенемъ, подобнымъ лучамъ небеснымъ. Уповая безъ опасенія тебѣ удивляться, я безъ раскаянія тебя любила. Когда ты воспѣвалъ похвалы Господу, небеса казалося звукамъ гласа твоего съ примѣчаніемъ внимали; а когда возвѣщалъ ты Божественныя истинны, онѣ казалося, проходя чрезъ уста твои, новыя красоты на себя принимали.

Какія правила могли лишиться вѣроятія, когда ты преподавалъ

валъ ихъ! Тебѣ весьма легко было приучить меня вѣрить, что любить не есть преступленіе. Скоро предалась я прельщенію чувствъ моихъ, и не желала ужъ болѣе видѣть въ томъ Ангела, кого какъ смертнаго любила. Уже чрезъ мрачное удаленіе взирала я на блаженство духовъ небесныхъ и престала завидовать имъ во участи небесной, которой для тебя я лишалася.

Колико разъ, увы! я сама себѣ говаривала, когда родственники мои принуждали меня избрать себѣ супруга! Я всѣ тѣ законы щитаю тиранскими, которые не любовь учреждала. Любовь, подобно воздушному жителю, свободна; узря узы Гименеевы, простираетъ легкія крылья свои и мгновенно въ воздухъ подъемлется. Пусть богатства и чести совершаютъ желанія тѣхъ, кои бремя

су-

супружества добровольно на себя налагаютъ; пусть имена ихъ будутъ въ почтеніи и священная слава о нихъ раздастся, я на то согласна. Всѣ сіи мечтательныя благополучія предъ истинною страстію въ ничтожество обращаются. Богатство, слава, чести, что вы такое есть въ сравненіи съ любовію? Сіе ревнивое божество, видя себя презираемымъ, влагаетъ въ смертныхъ такія безпокойныя страсти, которыя пламя его посрамляютъ, желая въ немъ искать другаго блаженства, нежели какое оно въ себѣ заключаетъ.

Когдабъ я видѣла поверженнымъ къ ногамъ моимъ обладателя свѣта; хотябъ не только престолъ, но всю вселенную предлагалъ онъ мнѣ, я бы дары его презрѣла и не вожелалабъ быть супругою Кесаря, довольно почитая

тая себя щастливою, что могу быть любовницею того, кого я люблю; а естьли еще есть название сего сладостнѣе и пріятнѣе, то для тебя пріиму на себя оное. Какое блаженство, когда двѣ души, одна съ другою соединенныя, свободно любятся и другимъ законамъ, кромѣ естественнаго, не повинуются! Одинъ предметъ тогда цѣлое сердце занимаетъ, обладаютъ и по чредѣ сами власти повинуются. Одинакія мысли двоихъ истинныхъ любовниковъ, прежде нежели уста ихъ отверзаются, встрѣчаются между собою, взоры ихъ равныя желанія другъ другу сообщаютъ. Сіе-то есть совершенное блаженство и таковымъ было нѣкогда Абельярдово и мое.

Увы! колико судьбина наша премѣнилася! какіе вдругъ ужасы впечатлѣваются въ мое воображеніе!

ніе! Что вижу я? любезной мой обнаженъ, окованъ и покрытый кровію мечтается очамъ моимъ!... Гдѣ была Элоиза въ сію ужасную минуту? Ея крики, ея сопротивленія, могли бы воспрепятствовать толь жестокимъ повелѣніямъ. Варвары! остановитесь, удержите кровожаждущую вашу руку, всю вашу ярость на одну меня обратите, или по крайней мѣрѣ, какъ оба мы равно виновны, то и наказаніе на обоихъ раздѣлите!.. Болѣзнь его меня отягощаетъ и въ смущеніе приводитъ. Изъ жалости, изъ благопристойности, престаньте!... Усугубленныя мои рыданія и пламенной стыдъ окончать мнѣ воспрещаютъ.

Возможешь ли ты забыть тотъ печальный и торжественный день, въ которой, подобно какъ двѣ жертвы, ожидающія смертоноснаго

удара, мы къ олтарю приступали? Колико слезъ въ сіи прискорбныя минуты пролилося изъ очей нашихъ! Въ цвѣтѣ юности я вѣщала вѣчное прощаніе съ міромъ, къ хладнымъ устамъ прикладывала священное покрывало, олтари трепетали, свѣтильники блѣдной свѣтъ испускали, небо едва увѣрялось въ пріобрѣтаемой имъ побѣдѣ, и Ангели со удивленіемъ внимали произносимые мною обѣты; однакожъ приближалася я къ сему ужасному святилищу. Не на крестъ, а на единаго тебя очи мои тогда были устремлены, не ревность къ закону, ни божественная благодать къ сему чину меня призывали, но нещастная любовь, и единственно для того влекла сама себя въ погибель, что теряла моего любовника.

Пріиди же чрезъ взоры твои и разговоры подать мнѣ помощь въ

мо-

моихъ горестяхъ; тебѣ оставлено оныхъ употребленіе, да печальная голова моя еще успокоится на груди твоей, пусть помалу буду вкушать сладкую отраву, которую почерпнула изъ очей твоихъ, пускай соберу ядъ сей на устахъ твоихъ, а остаткомъ оставь утѣшаться моему воображенію.

Но нѣтъ! да истребятся навсегда сіи преступныя помышленія, а пріиди лучше наставить меня исправлять мою должность и вѣщать мнѣ о продолжительнѣйшемъ блаженствѣ, открой очи мои, опиши мнѣ все блистаніе славы небесныя и сдѣлай, чтобъ душа моя ради Бога моего тебя оставила. Естьлижъ прозьбы мои тебя не трогаютъ, то подумай по крайней мѣрѣ, что вѣрныя мои подруги стараній твоихъ суть достойны. Се есть паства твоя! се насажденіе рукъ твоихъ! онѣ

 оста-

оставили міръ сей въ нѣжной юности, и въ сіе тихое пристанище ты былъ имъ предводителемъ (*), которое тобою ограждено священными стѣнами, тобою сія пустыня стала украшена и въ дикихъ сихъ мѣстахъ рай отверзся: тамъ не взираетъ съ плачемъ сирой на богатства отца своего, украшающія олтарь, или обогащающія помостъ во храмѣ, не видно тамъ великолѣпныхъ картинъ, ни изваяній драгоцѣнныхъ металловъ, посвященныхъ умирающими грѣшниками, дань слѣпаго желанія пріобрѣсть небо, потерянное безъ сомнѣнія для пріобрѣтенія оныхъ. Своды сего святаго зданія толикожъ просты, какъ и благочестіе, въ немъ обитающее, и сія простота болѣе славу Создателеву возвѣщаетъ.

Естьлибъ ты прибылъ въ сіе уединенное убѣжище, въ коемъ мы при-

(*) Оная обитель была основана Абельярдомъ.

принуждены провождать дни свои; естьлибЪ ты пришелЪ подЪ сіи верьхи, увѣнчанные пирамидами, то хотя бы оныхЪ почтенные своды были окружены вѣчною нощію, не имѣя непрозрачныхЪ стеколЪ, нѣсколько слабыхЪ лучей чрезЪ себя впускающихЪ, очи твои сію бы мрачную тьму разогнали и сіяніе славы вокругЪ бы тебя блистало. Но нынѣ никакой утѣщительной предметЪ здѣсь не представляется, все погружено вЪ глубокое смущеніе, ничего болѣе не слышно, какЪ горестныя стенанія и ничего, кромѣ плача, не видно.

Пріиди же, о отецЪ мой! мой супругЪ! мой братЪ! мой другЪ! пускай твоя раба, твоя сестра, твоя дочь, для сихЪ нѣжныхЪ именЪ возможетЪ еще обратить на себя твое сожалѣніе. Ничто, кромѣ сего, кЪ душеспасительнымЪ

 раз-

размышленіямъ меня обратить не можетъ, ниже утвердить безпокойныхъ моихъ желаній. Я уже болѣе не трогаюсь симъ простымъ и восхищающимъ удовольствіемъ, которое зрѣлище природы намъ представляетъ: сіи возвышенныя ели, усажденныя на скатахъ горъ, и которыхъ невнятной вѣтръ мрачные листы колеблетъ, сіи извитые ручейки, что съ верьху горъ упадаютъ, сіи воды, которыми производимый шумъ въ глубокихъ пещерахъ раздается, сіи озера, на поверхности которыхъ сѣверный вѣтръ колебаніе производитъ, всѣ сіи предметы, бывшіе нѣкогда для меня толь прелестными, никакого утѣшенія нынѣ мнѣ не дѣлаютъ, ниже печали мои уменьшаютъ. Въ сихъ лѣсахъ, пещерахъ и сводахъ, которые единые только гробы прикрываютъ, одна мрачная меланхолія обитаетъ и разсыпаетъ вокругъ себя безмолвіе, подобное смерт-

смертному, которыя присутствіе дѣлаетъ печальными всѣ красоты, кои прежде толикую пріятность на себѣ имѣли; блистаніе цвѣтовъ помрачаетъ и зелень луговъ дѣлаетъ темновидною, а шумъ, отъ стремленія водъ происходящій, творитъ ужаснымъ. Все здѣсь нѣкій тайный ужасъ наводитъ. А я, я должна пребыть здѣсь вѣчно! Печальный и бѣдственной монументъ любовницына послушанія! смерть, единая смерть можетъ прервать тѣ узы, которымя я прикована. Я здѣсь оставлю всѣ мои слабости и возчувствую пламени моего угашеніе: хладной прахъ мой здѣсь же будетъ сохраняться во ожиданіи того времени, въ которое съ онымъ твоему смѣшаться будетъ позволено.

Ахъ нещастная! тебя обрученною Богу почитаютъ, а ты ничто иное, какъ невольница любви

ви и смертнаго человѣка! О небо! удостой меня твоей помощи. Но отъ чего сія молитва происходитъ? отъ движеніяль благочестія, или отъ отчаянія она проистекаетъ? Какъ! въ самомъ семъ мѣстѣ, убѣжищѣ непорочности, можетъ ли любовь найти себѣ жертвенникъ, на коемъ бы преступной огнь ея воспламенялся? Я должна приносить покаяніе, но могу ли то дѣлать, что должность мнѣ творить повелѣваетъ? Оплакиваю любовника и не трепещу о моемъ преступленіи, чувствую вину свою, порицаю ее, и проклиная оную, еще люблю; раскаяваюсь въ тѣхъ забавахъ, которымъ предавалася, и опять ищу ихъ; то обращаю къ небу мои очи, оплакиваю мое преступленіе, то думаю о тебѣ и отвергаю непорочность, которой желать я чаяла.

Могуль забыть тебя и слабость мою возненавидѣть? Основаніе

ваніе оной всегда во мнѣ пребываетъ; лишь только хочу истребить ее, то чувствую, что люблю оной изобрѣтателя. Какъ отдѣлить отъ преступленія предметъ, которой обожаю? Любовь и раскаяніе всегда между собою мѣшаются.

Какое предпріятіе для сердца, толь нѣжнаго, толь пронзеннаго и толикожъ, какъ мое, погибшаго! какъ побѣдить страсть, толико сильную? Прежде нежели душа моя можетъ возвратить свое спокойствіе, какія противоборствія любви и должности должна претерпѣть она! сколько разъ должно ей приходить въ раскаяніе, возобновлять слабость свою, жалѣть своего любовника, отвергать его, все учинить, кромѣ забвенія онаго. Но нѣтъ! все то уже сдѣлано, мнѣ нечего опасаться, все уже свершилося; приди же, отецъ мой! приди научить меня превозмо-

могать природу, отрещись любви моей, жизни, меня и. . . самаго тебя; исполни сердце мое Богомъ; единъ онъ твое мѣсто въ ономъ можешъ занять.

Ахъ! тысячекратно блаженна участь дѣвы, ему себя посвятившей! Она забыла міръ, которымъ сама также забыта, и вкушаетъ сладости безмятежнаго спокойствія. Кроткое оной всего отверженіе дѣлаетъ, что всѣ ея желанія исполняются: работа, отдохновеніе, дѣлятъ и наполняютъ ея время, сладкой сонъ оставляетъ ей свободу бдѣть и молиться, желанія ея всегда умѣренны и пристрастія ея всегда одинаковы, слезы ея суть ей утѣхи и молитвы ея небеса проницаютъ, божественная благодать блестящими своими лучами безпрестанно оную окружаетъ, бдящіе вокругъ ея во время сна Ангели прі-

пріятныя и непорочныя мечты ей представляютъ, для нее женихъ брачный перстень приготовляетъ, дѣвы, облеченныя въ бѣлыя одежды, гимны въ честь ея воспѣваютъ, Едемскія розы, никогда неувядающія, цвѣтутъ для ея украшенія, и крылія Серафимовъ избраннѣйшія благовонія на нее испускаютъ, наконецъ она кончаетъ жизнь при звукѣ арфъ небесныхъ и испускаетъ духъ, взирая на блаженство, ее ожидающее.

Другіе сны и весьма отмѣнныя восхищенія мою блудящую душу колеблютъ. Когда по окончаніи каждаго печальнаго дня воображеніе мое представляетъ мнѣ тебя въ томъ видѣ, каковымъ я тебя знавала, совѣсть моя тогда умолкаетъ и оставляетъ дѣйствовать природу, сердце мое совсѣмъ къ тебѣ стремится; я проклинаю, однакожъ и люблю воспоминаніе

той ночи, въ которую первыя мои благосклонности. . . . Я слышу голосъ твой, вижу тебя и простертыя мои руки мечтающійся образъ твой объемлютъ; чтобы удержать его, пробуждаюсь и сіе лестное мечтаніе пропадаетъ. Привидѣніе толикожъ, какъ ты, жестоко; оно меня убѣгаетъ, призываю его, но имъ не внемлема; простираю мои руки, и едину убѣгающую тѣнь осязаю; затворяю глаза, чтобы опять симъ восхищающимъ сномъ насладиться. Возвратитеся сладкія мечтанія, обманчивые виды!. . . Увы! тщетно ты опять мнѣ представляешься: ужъ вижу обоихъ насъ въ безплодныхъ степяхъ блудящими и оплакивающими взаимныя наши нещастія.

Вдругъ мечтаешься ты мнѣ восходящимъ на башню, отъ времени половиноразрушенную, вокругъ

кругъ которой печальный плющъ віется, или на горы, которыхъ каменистыя скалы надъ моремъ повисли; оттуда, кажется мнѣ, какъ съ высоты небесъ, ты мнѣ вѣщаешь; но внезапу тучи наступаютъ, волны съ шумомъ ударяются и свирѣпые вѣтры ужасный ревъ производятъ, я содрогаюсь отъ ужаса и вдругъ сонъ мой прерывается. Тогда вижу себя по прежнему посреди печальныхъ предметовъ, которые всегда меня окружаютъ, и жертвою тѣхъ терзаній, которыя повсюду за мною слѣдуютъ.

Судьба умягчила къ тебѣ свою жестокость нѣкоторою смѣсью добротъ своихъ; она только опредѣлила испытать тебѣ горести, пресѣкаемыя удовольствіемъ. Жизнь твоя есть спокойная тишина: ни едина страсть сердца твоего не смущаетъ, уподобляясь

ны-

нынѣ морю, коего бурные аквилоны смущать еще не смѣютъ. Твое состоянiе толикожъ спокойно, какъ сонъ праведнаго мужа, коему грѣхи его прощены и котораго спасенiе сомнѣнiю не подвержено.

Прiиди же, дражайшiй Абельярдъ! чего тебѣ опасаться? Свѣтильникъ, любовiю воспаленный, не для мертвыхъ сiянiе свое испускаетъ. Власть любви для тебя не страшна болѣе, единъ законъ тебя возбуждаетъ и хладное безпристрастiе сердцемъ твоимъ обладаетъ; однакожъ Элоиза еще тебя любитъ. О пламя продолжительное, пламя безнадежное! ты подобно надгробнымъ лампадамъ, которыя хладнымъ урнамъ безполезный жаръ сообщаютъ и для того единственно блистаютъ, чтобъ освѣщать умершихъ.

Какія новыя явленія еще мнѣ представляются! повсюду, куда ни обращу глаза мои, повсюду, куда ни направлю стопы мои, вездѣ сіи дражайшіе и опасные виды за мною слѣдуютъ; гробницы ли я слезами орошаю, подножіяль жертвенниковъ моляся объемлю, они всегда въ очахъ моихъ мечтаются и въ смущеніе душу мою ввергаютъ. Твой образъ всегда между небомъ и мною въ сердцѣ моемъ посредствуетъ: когда внимаю воспѣваемые гимны, чаю слышать голосъ твой; каждое слово въ моихъ молитвахъ слезу у меня извлекаетъ. Въ то время, какъ облаки куреній въ воздухѣ поднимаются, и какъ звукъ органовъ согласными своими звонами слухъ наполняетъ, единая мысль, на разумъ мой тебя приводящая, опять меня къ тебѣ возвращаетъ и всѣ сіи пышности въ очахъ моихъ затмѣваетъ;

свя-

священники, свѣщи, храмъ, все предо мною изчезаетъ, и въ самую ту минуту, какъ тьмою свѣтильниковъ олтари освѣщенны и какъ сами Ангели, ихъ окружающіе, глубокимъ почтеніемъ объяты, я въ морѣ сильнѣйшихъ страстей утопаю.

Но въ то время, какъ простершися предъ престоломъ Божіимъ, льщуся пролить слезы покаянія и съ горячимъ уничиженіемъ сего Бога на помощь къ себѣ призываю, и какъ торжествующая благодать уже готова исполнить душу мою, приди, естьли ты отважишься, колико ты ни прелестнымъ кажешься очамъ моимъ, приди уставамъ неба воспротивиться, похить у него сердце мое, приди съ прельстительными твоими взорами истребить изъ очей моихъ виды благъ небесныхъ, отвратить отъ меня благодать и покаяніе

мое

мое учинить безплоднымЪ, удали меня отЪ пути небеснаго, приди и изЪ рукЪ самаго Бога меня изторгни.

Что я вѣщаю, нещастная? нѣтЪ, убѣгай меня, убѣгай; пусть непроходимыя горы возрастутЪ между нами и пространныя моря раздѣлятЪ меня сЪ тобою; не возвращайся болѣе, не пиши ко мнѣ и не воспоминай о мнѣ, а наипаче, прошу тебя, не раздѣляй со мною ни единаго мученія, для тебя которыя претерпѣваю. Разрѣшаю тебя, АбельярдЪ, отЪ клятвЪ твоихЪ, и хочу забыть тебя; принудь же себя и ты возненавидѣть все то, что хотя нѣкое сношеніе со мною имѣетЪ . . . . Прелестные взоры, которые еще весьма я чувствую! сладкія вообраҗенія, которыми я толико любила утѣшаться! я вѣчно сЪ вами прощаюся. А ты, божественная

ная благодать, небесная добродѣтель, спокойное забвеніе беззаконнаго міра сего, надежда, всегда обновляющаяся, дщерь небесная, мать всѣхъ утѣхъ, вѣра, преддверіемъ безсмертія наслаждаться позволяющая! пріиди, все сердце мое собою исполни, и подобно тихому и любезному гостю, пребывай во ономъ, пріими и погрузи меня въ вѣчное успокоеніе, печальная Элоиза, предъ гробницею простертая, желаетъ тебя и ожидаетъ! Что слышу я? дыханіе ли вѣтровъ сей шумъ окрестъ меня производитъ? или ея гласъ вокругъ стѣнъ сихъ раздается и меня воззываетъ? Я чаяла уже болѣе единаго раза оной слышать.

Въ едину ночь, какъ я стрегла лампады, вокругъ гробовъ во храмѣ горящія, въ ту минуту, какъ оныя уже почти угасали, послышалося мнѣ, что будто изъ

еди-

единой гробницы происходилъ гласъ: „ Гряди печальная сестра, „ мнѣ вѣщающій, гряди, мѣсто тебѣ здѣсь уготовано, пребывай въ „ немъ вѣчно; я была нѣкогда, также какъ и ты, жертвою любви: я трепетала, проливала слезы, и подобножъ тебѣ молилася, и „ въ семъ только продолжительномъ „ снѣ обрѣла свое спокойствіе. Здѣсь „ нещастныя престаютъ произносить жалобы и любовники слезъ „ болѣе не проливаютъ; самое суевѣріе теряетъ здѣсь всѣ страхи „ свои: ибо Богъ долготерпѣливѣе „ человѣковъ, прощаетъ намъ всѣ „ наши слабости. „

Иду, иду, да Ангели благоуханное жилище, небесные пальмы и цвѣты, вѣчно неувядаемые, для меня изготовятъ. Иду туда, гдѣ грѣшники могутъ возвратить свое спокойствіе и гдѣ праведные единый только очищенный позна-

ютъ пламень. Дражайшій Абельярдъ! воздай мнѣ послѣдній долгъ, услади мнѣ прехожденіе изъ здѣшняго свѣта въ селенія небесныя, воззри на трепещущія уста мои, затвори уже неподвижныя мои очи и пріими со излетающею моею душею послѣднее мое издыханіе. . . Нѣтъ, нѣтъ. . . . пусть увижу тебя, облеченнаго въ священныя одежды, въ трепещущей рукѣ свѣщу держащаго. Представь очамъ моимъ святый крестъ, къ небесамъ подъятый, научи меня и самъ въ то же время у меня умирать научися. Разсмотри тогда сію Элоизу, которая тобой была толико любима; тогда взирать на нее не будетъ уже преступленіемъ. Виждь розы лица моего увядающими и послѣдній лучь жизни въ очахъ моихъ угасающимъ, возьми мою руку, сожимай оную до тѣхъ поръ, какъ лишаяся всѣхъ чувствъ, я дыхать и любить Абельярда моего престану.

О смерть! колико ты красноречива! едина ты можешь увѣрить, что страсть, малое количество праха предметомъ своимъ имѣющая, есть страсть безумная.

Придетъ время, въ которое сіи прелести, толикую власть надо мною имѣющія, будутъ разрушены. Тогда труды, претерпѣваемые въ прехожденіи отъ жизни къ смерти, будутъ для тебя священнымъ восторгомъ. Да блестящія тучи Ангеловъ съ небесъ снидутъ и окружатъ тебя, да лучи славы съ разверстыхъ небесъ низпадутъ на тебя и блаженныя души, срѣтая тебя, объимутъ съ нѣжностію, подобною моей.

О естьлибъ единый гробъ соединилъ наши два имя, и любовь моя, такъ какъ слава твоя, могла пребыть безсмертною! Тогда, естьли въ послѣдующіе вѣки случится

ся двоимъ путешествующимъ любовникамъ по случаю посѣтить сіи стѣны и источники часовни, они уклонятъ главы свои, приближа одну къ другой для прочтенія надписи на нашей гробницѣ, и взаимно вкушая слезы, текущія изъ очей ихъ, тронувшися живѣйшимъ состраданіемъ скажутъ: „ Да не „ будемъ любиться, и мы толи„ кожъ нещастливы, какъ они! „

Какъ не быть имъ тронутымъ! и тотъ, которой въ самое пышное торжество страшнаго жертвоприношенія обратитъ взоръ свой на гробъ, хладный прахъ нашъ въ себѣ сокрывающій, почувствуетъ въ сердцѣ своемъ движеніе: мысль его на минуту отъ неба отвратится, очи его наполнятся слезами и скорбь его будетъ ему извинительна.

Естьли судьба когда опредѣлитъ возчувствовать какому стихотворцу мученія, моимъ подобныя, и будетъ оной осужденъ цѣлые годы оплакивать отсутствіе любезнаго предмета и приводить себѣ на память тѣ прелести, которыя еще увидѣть уже лишенъ надежды, и коль любовь его столь же будетъ сильна и долговременна, какъ моя, то пусть опишетъ онъ нещастную и нѣжную нашу исторію. Тотъ, которой будетъ чувствительнѣе къ нашимъ нещастіямъ, достойнѣе и воспѣть ихъ возможетъ.

Элоиза.

ПИСЬМО

Отъ Абельярда къ Элоизѣ,

Сочиненное г. Колардо и служащее отвѣтомъ на предъидущее письмо.

СОДЕРЖАНІЕ.

Абельярдъ, будучи Игуменомъ въ монастырѣ С. Гильдаса, для подания собою примѣра своимъ монахамъ упражнялся единственно въ чтеніи священнаго писанія и совершенно посвятилъ себя служенію Божію. Онъ не ожидалъ, чтобъ утѣшительное письмо, писанное имъ къ одному его пріятелю, въ коемъ онъ изобразилъ повѣствованіе о своихъ нещастіяхъ, могло дойти до рукъ Элоизы, а еще менѣе имѣлъ надежды отъ сей нѣжной супруги получить письмо, исполненное живѣйшею страстію, которую она къ супругу своему внутренно сохраняла, коего изъ памяти своей истребить была не въ состояніи.

Въ семъ отвѣтѣ не наставникъ и не начальникъ говоритъ Элоизѣ, но люби-

бимой и еще любящій Абельярдъ, которой отверзаетъ сердце свое, и для утѣшенія той, которая его обожаетъ, изображаетъ ей свои мученія, и коль великія употребляетъ противъ себя усилія, чтобы забыть ее.

Въ великихъ людяхъ часто можно видѣть изображеніе и страстей величайшихъ. Въ сильномъ изступленіи любви природа наиболѣе жалости достойна. Таковымъ-то должно себѣ представить Абельярдово состояніе въ то время, какъ онъ письмо сіе пишетъ, въ коемъ увѣряетъ онъ Элоизу, что люди добродѣтельными дѣлаются не вдругъ, а постепенно; что человѣкъ, упоенный страстію, не можетъ вдругъ перемѣнить своего сердца; что любовникъ, которой предмета, его плѣнившаго, убѣгаетъ, не всегда можетъ преодолѣть страсть свою; что учиненіе обѣтовъ не дѣлаетъ человѣка совершеннѣе, и что противу любви вся ученость и всѣ совѣты разума безплодны. Можно сказать, что изображенія его не имѣютъ такой силы и живности, какъ Элоизины.

Абеляръ къ Элоизѣ.

О дражайшая и весьма чувствительная Элоиза! должно ли, чтобъ то угодно было Провидѣнію, чтобъ общія наши бѣдствія, изображенныя моею рукою для утѣшенія друга, погруженнаго въ нещастіе, могли дойти внутрь твоего уединенія? Но что я говорю? Мнѣ ли роптать на сіе премудрое Провидѣніе, когда оному обязанъ я за сіе нѣжностію исполненное писаніе, которое непрестанно слезами моими орошаю? Долженъ ли я описать тебѣ, коль живѣйшее движеніе я возчувствовалъ, когда увидѣлъ сіи прелестныя изображенія, которыя толико кратъ наиприятнѣйшія удовольствія для меня составляли? Признаюся тебѣ, что не могъ я прочесть ни единаго изображенія мыслей твоихъ, не принеся онаго къ устамъ моимъ, еще горящимъ

тѣми

тѣми же самыми желаніями, тѣмъ же самымъ пламенемъ, каковыми въ тайныхъ нашихъ свиданіяхъ сердце мое истлѣвало. Мнѣ казалося, что осыпая поцѣлуями письмо твое, я цѣловалъ той руку, которая оное начертала. Воспоминаніе прошедшихъ нашихъ удовольствій всегда меня о злой моей участи проливать слезы заставляетъ. Весьмабъ я щастливъ былъ, естьлибъ слезы сіи не отъ порочной слабости происходили! Воображая твои прелести, ничего не внимаю, кромѣ нѣжности, которую, не смотря на бѣдственное мое состояніе, я всегда къ тебѣ имѣю. Но увы! сей нѣжности, которую къ тебѣ еще съ удовольствіемъ сохраняю, какъ супругъ твой, дражайшая Элоиза, не долженъ ли я къ тебѣ имѣть оной? Обѣты, учиненные мною отрещися міра, не могли прервать узъ, насъ соединяющихъ; хотя оные были сокры-

крыты отъ очей смертныхъ, но Богу не могли не быть извѣстны. Перемѣня мое состоянiе, чего лишился я? Половины существа моего, супруги, нѣжно любимой. Правда. . . но когда разсуждаю то, что тѣло сiе, кажущееся самими Грацiями сотворенным, со временемъ въ прахъ превратится, тогда я самъ себѣ вѣщаю: Абельярдъ, Абельярдъ! нѣтъ ничего въ мiрѣ постояннаго: сiи забавы, толико всегда превозносимыя, рано, или поздно совершаютъ погибель человѣка, онымъ предавшагося; а естьли чрезъ нихъ чаетъ онъ наслаждаться тѣмъ, что называется веселiемъ, то будетъ нещастливъ въ вѣчности. . . . Любовь, которую къ Творцу мы имѣть обязаны, должна брать поверхность надъ любовiю, кою мы къ творенiю его чувствуемъ. Любя его и ему себя посвящая, мы вѣчное блаженство получить надѣемся.

ся. Но какоеж блаженство могут нам доставить женщины? Минутное удовольствіе, за которым раскаяніе весьма не рѣдко послѣдует. Сіи-то размышленія, или, паче сказать, истинны меня утѣшают, с ними-то, Элоиза, приступал я к подножію святаго престола клясться Богу совершенным наблюденіем его законов. И так сіе сердечное мущины с женщиною согласіе, толь по наружности прелестное, взорам моим кажется ничто иное, как путь, к поврежденію ведущій. Естьли одно только чувственное удовольствіе есть онаго предметом, должен ли я тебѣ в том признаться, что единое только желаніе удовольствоват страсть мою склонило меня вступить в супружество с тобою? . . . . Может быть, что за сіе-то самое преступленіе Бог и осудил меня на жестокое наказаніе, под бременем

немЂ коего теперь стенаю и котораго позорЂ я по гробЂ мой на себѣ носить буду. Почто не могу я изгнать изЂ мыслей моихЂ сего печальнаго произшествія, которое на вѣки меня разлучило сЂ тѣмЂ, что для меня всего было дороже на свѣтѣ! . . . . . НѣтЂ, нѣтЂ, Элоиза; повѣрь, что сія разлука не имѣетЂ власти надЂ нашими сердцами: они всегда пребудутЂ совокупленными; а естьли такЂ благоволитЂ небо, то они и по смерти нашей таковымижЂ быть не престанутЂ.

Склонность моя согласовалась бы сЂ твоею, нѣжнѣйшая моя Элоиза, чтобЂ имѣть намЂ переписку между собою; но сіе откровенное мыслей нашихЂ другЂ другу сообщеніе не будетЂ ли для моего и твоего спокойствія опаснымЂ? . . . . Весьма мало потребно вѣтру воспалить огнь,

подѣ пепломѣ еще тлящійся. . . . а наше пламя не довольно еще погасло, чтобѣ можно было отважиться малѣйшему вѣтру себя подвергнуть. Кормщикѣ, опасающійся бури, вѣ первомѣ пристанищѣ остановляется; будучижѣ толико разѣ подвержены короблекрушенію, почто самопроизвольно еще вѣ оное вдаваться? Достигнувѣ спокойной пристани, будемѣ яснымѣ окомѣ взирать на дерзновенныхѣ смертныхѣ, вѣ сіе волнующееся море вдающихся; а какѣ мы торжественными обѣтами посвятили себя жить вѣ строгомѣ уединеніи, то единое раскаяніе во грѣхахѣ нашихѣ должно занимать всѣ наши мысли. И такѣ затворимѣ слухѣ нашѣ отѣ вниманія духа искусителя, которой желаетѣ возмутить наше спокойствіе.... будемѣ любить другѣ друга, но только любовію чистою и непорочною, такѣ какѣ обязались мы, обле-

лекаясь въ священную одежду, нами носимую. . . . Абельярдъ отрицается Элоизы и Элоиза должна отрещися Абельярда. . . . а естьли возможно, то и забудемъ другъ друга. . . . Сіе я не для того пишу къ тебѣ, чтобъ письма твои въ восторгъ духъ мой приводили, но что еще не довольно нахожу себя твердымъ и рѣшительнымъ въ движеніи сердца моего, дабы могъ судить, что желаніе писать къ тебѣ не есть ли дѣйствіе любви, нѣкогда насъ соединявшей.

Я все то дѣлаю, что зависитъ отъ меня слѣдовать опредѣленіямъ сего Провидѣнія; но всѣ тѣ знанія, въ коихъ упражняюся, не могли даровать мнѣ понятія познать ихъ совершенно. Размышленія, чинимыя мною о смущеніяхъ души моей, ввергаютъ меня въ сомнѣніе и замѣшательство,

ко-

которыя о настоящемъ моемъ состоянiи ужасаться меня заставляютъ. Естьли когда желанiе размышлять и любовь къ уединенiю заводятъ меня отъ моихъ монаховъ въ отдаленнѣйшiя и ужаснѣйшiя мѣста нашей обители, то воображенiе мое представляетъ мнѣ Элоизу главою дѣвъ, Господу посвященныхъ. Она съ природною ей кротостiю ими повелѣваетъ, увѣщаваетъ ихъ къ горячему благочестiю словами, прiятными и исполненными тѣмъ искусствомъ, коимъ природа толико щедро ее одарила, утверждаетъ ихъ чувствительнѣйшими примѣрами; наконецъ зрю Ангеловъ, сходящихъ съ неба прiяти сiю дражайшую Iисуса Христа обручницу для вмѣщенiя ее въ число избраннѣйшихъ его агницъ; но силою движенiя, коего преодолѣть мнѣ не возможно съ того времени, какъ вступилъ я въ сiю обитель, всѣ

сіи утесистые камни, неприступныя горы, сіе пространство моря, кое, такъ сказать, зрѣніе отягощаетъ, сіи пустыни, сіи брега, волнами ударяемые, наконецъ все то, что здѣсь единый ужасъ влагать бы долженствовало, въ очахъ моихъ помрачается, а повсюду мнѣ мечтается дражайшая моя Элоиза.

Молчаніежъ, до сего времени мною сохраняемое, не припиши моему къ тебѣ безпристрастію. Мнѣ забыть тебя не возможно: ибо учинить оное состоитъ не въ нашей волѣ, особливо въ разсужденіи того предмета, которой любовь толь глубоко въ сердце наше впечатлѣла. Правда, что въ началѣ вступленія моего сюда воспоминаніемъ о тебѣ я болѣе былъ терзаемъ и благодать во мнѣ не брала еще поверхности надъ смущенною моею душею; но

какъ вижу теперь, что она чувствительнымъ образомъ начинаетъ колебать ихъ, то воображаю себѣ и щитаю, что нашелъ вѣрное средство оную успокоить.

Изгладимъ изъ нашего воспоминанія тѣ времена, какъ любовь, пріявъ на себя видъ нѣжнѣйшаго дружества, въ первый разъ тебя въ объятія мои вручила; забудемъ тѣ пріятныя забавы, которыми мы спокойно наслаждалися, когда Гименей, казалося, учинилъ восторги наши законными и вѣчными: ибо наконецъ не льзя тебѣ не вѣдать, какимъ невоздержностямъ страсть моя меня предавала, и поносное то рабство, въ кое она меня ввергнула. Я до такой чрезвычайности оною былъ объятъ, что ни почтеніе къ Богу и дни, ему посвященные, ни нѣкоторыя должности честности, между людьми сберегаемыя и са-

мыми тѣми, кои единымъ именемъ Христіянами нарицаются, и единымъ словомъ сказать, никакіе, ни божественные, ни человѣческіе законы, не могли удержать стремленія, меня влекущаго. Въ самую страстную седмицу я искалъ удовольствія моимъ пристрастіямъ. Торжественнѣйшія празднованія, въ самыхъ нечестивыхъ нѣкій родъ подобострастія влагающія и принуждающія ихъ на нѣкое время прервать свои преступленія, не могли положить границъ моимъ воспламененнымъ желаніямъ. Когда ты изъ набожности волѣ моей сопротивлялась и старалась увѣщаніями своими ввести меня въ себя, я отъ сего еще неистовѣе становился, и не щадя власти моей надъ тобою, ни угрозъ, противъ воли твоей принуждалъ тебя страсть мою удовольствовать Любовь, которою я пылалъ къ тебѣ, толь была сильна

на и толико лучь разума моего помрачала, что не зналъ того, что для меня было пристойнѣе, или для тебя выгоднѣе. Мои выгоды и моего спасенія, твои, совокупленныя съ пользою самаго Бога, ничѣмъ предо мною казалися, и чрезъ ослѣпленіе, коего довольно изобразить не можно, я ежедневно предпочиталъ имъ сіи скотскія удовольствія, которыхъ не краснѣяся наименовать не возможно. И такъ се дѣйствіе Божескаго правосудія, такъ какъ и особеннаго его къ намъ милосердія, что употребилъ измѣну дяди твоего для лишенія меня той части тѣла моего, на которой сластолюбіе престолъ свой основало, и жестокую власть, тѣмъ позорнымъ желаніямъ меня покаряющую, оттолѣ, какъ съ своего престола, свергнуло! Оно прочими моими членами совершенно повелѣвало, и принуждало ихъ несправедливымъ законамъ тиранства своего послѣдовать.

Норазсмотримъ далѣе, дражайшая моя Элоиза; начнемъ отъ источника нашихъ злощастій, мы увидимъ, что нѣтъ ничего истиннѣе и справедливѣе, какъ Божескія судьбы надо мною, и слѣдовательно ничто удобнѣе сего не можетъ тебя утѣшить и уменьшить печаль твою. Такъ, онъ правильно меня наказуетъ, и тѣмъ наипаче мщеніе его правосудно, что прошедшія наши преступленія священнымъ таинствомъ были покрыты въ то самое время, какъ мы безпорядкамъ предавалися; а чтобъ лучше тебя въ томъ увѣрить, вспомни, нѣжная моя Элоиза, какъ мы вели себя въ обстоятельствахъ, толико священныхъ, какъ бракъ Христіянскій, и колико погрѣшеній мы въ ономъ учинили! Не уже ли ты забыла то, какъ во время пребыванія твоего въ Игуменствѣ Аржантьольскомъ я единожды весьма тайно туда приходилъ съ

намъ·

намѣреніемъ страстію нашею усладиться, не имѣя ни малаго уваженія къ святости мѣста, въ коемъ мы находились? Единое уже сіе примѣрнаго наказанія достойно, ни во что же ли поставляешь всѣ безпорядки, предъидущіе нашему соединенію? Позоръ, содѣянной мною твоему дядѣ, употребя во зло его ко мнѣ довѣренность и наруша въ его домѣ права гостепріимства, малымъ ли погрѣшеніемъ тебѣ кажется? И такъ не должно ли признаться, что мщеніе его на мнѣ было справедливо? Или ты думаешь, что минутная боль довольна наказать меня за толикія преступленія? Помнишь ли еще, что ты сдѣлала, когда я хотѣлъ тебя похитить изъ дому дяди твоего и отправить въ мое отечество, чтобъ скрыть отъ него твое тогдашнее состояніе и избавить отъ огорченій, коихъ бы ты не миновала, естьлибъ еще у него

 оста-

осталась? Дабы лучше быть сокрытой, не надѣвалаль ты тогда монашеской одежды? И такъ Богъ оказалъ правосудіе, вовлекши тебя противъ твоей воли въ то состояніе, коего одѣяніе ты осквернила, дабы нынѣ, съ подобострастіемъ оное нося, загладила посмѣяніе, учиненное тобою сему облаченію монашескаго чина.

Небо безъ сомнѣнія благоволило на случившееся со мною приключеніе для истребленія сильной моей къ тебѣ страсти. Прельстительныя твои пріятности всеминутно представлялись моему воображенію, и хотя я былъ соединенъ съ тобою неразрѣшимыми узами супружества, я обожалъ тебя, ты была единственнымъ божествомъ моимъ, предметомъ всѣхъ моихъ обѣтовъ. Наконецъ, чтобъ помышлять о единой тебѣ, небо мною было забыто. . . . Что я вѣщаю,

нища-

нещастный! такія ли движенія сей благодати, которую ты уже владычицею сердца твоего почитаешь? Ты хочешь прервать узы, прикрѣпляющія тебя къ развратностямъ міра сего, и описываешь ужасные безпорядки, кои къ безднѣ тебя приближали, и самыя изъ нихъ чувствительныя и привлекательныя мѣста себѣ на память возобновляешь.

Ахъ! прости мнѣ сіе заблужденіе, дражайшая Элоиза, и будемъ совокупно молить Господа удалить отъ насъ сіи ужасныя и страшныя изображенія; истреби изъ памяти твоей тѣ соблазнительныя наставленія, которыя, будучи твоимъ учителемъ, я преподавалъ тебѣ, признай ихъ ложными, роскошью и развратностію они были вѣщаемы, самъ адъ влагалъ въ меня сіе прельстительное краснорѣчіе, котороеб обоихъ насъ по-

губило, естьлибъ небо не поспѣшило къ нашей помощи. Я внушалъ тебѣ порокъ, облеченный въ украшеніи добродѣтели, впускалъ въ душу твою ядъ, тѣмъ болѣе опасной, что оной сокрытъ былъ подъ сладкимъ и пріятнымъ медомъ. Я самъ понемногу глоталъ сію пагубную отраву и училъ тебя, какъ ты о томъ упоминаешь. Что любить не есть преступленіе, я тебя въ томъ увѣрилъ и самъ въ ономъ былъ увѣренъ; но въ какомъ заблужденіи мы утопали! Правда, что любовь наша не была вѣтренною и непостоянною, а чрезъ узы супружества учинившись законною, не стала слабѣе, но еще болѣе утвердилась и сдѣлалась сильнѣе. Ты была обожаемая любовница тобой любимаго супруга; не безъ основанія ты щитала жестокими всѣ законы, которые не любовь вѣщала, и по справедливости предпочитала искренно любимаго тобою тому, ко-

которой возмогъ бы наградить тебя богатствами и блистательнѣйшею знатностью. Таково было наше тогдашнее состоянiе, и въ каковомъ могли бы провести всю жизнь нашу. Можетъ ли что быть въ свѣтѣ блаженнѣе и завиднѣе сей участи? Но какъ время премѣнилося! неразрѣшимые обѣты съ остаткомъ человѣковъ навсегда насъ разлучаютъ. О горестное воспоминанiе! Сiе блаженное время протекло, какъ молнiя, и никогда не возвратится. Колико сiе изображенiе прискорбно и тягостно! и сiе иногда въ коликое отчаянiе меня погружаетъ!

Но колико путь, ведущiй къ добродѣтели, тѣсенъ и тернiемъ исполненъ! колико трудно съ онаго не совратиться! колико непревозмогаемыхъ трудностей и почти непобѣдимыхъ обстоятель-

тельствѣ на ономъ встрѣчается! Я предпринимаю по сей узкой стезѣ вести тебя, и при началѣ пути моего самъ со оной совращаюсь. Всѣ мои увѣщанія ни къ чему болѣе не служатъ, какъ къ возобновленію на мысль прошедшихъ нашихъ погрѣшностей и воспаленію въ сердцѣ моемъ пламени, еще мало утушеннаго и тлящагося подъ пепломъ строгія жизни. Я подобенъ опасно болящему, хотящему изцѣлить и подать помощь другому, менѣе его страждущему; или слѣпцу, другаго слѣпца водить предпріемлющему. Боже Всемогущій! единъ ты превращать сердца удобенъ; употреби власть сію извлечь изъ души грѣшника стрѣлу, его прободающую; сотвори, да отлучу изъ памяти моей все то, что тебя изъ оныя можетъ удалить. Сія премѣна есть во власти твоей, Господи; я къ единому тебѣ прибѣгаю!

Ты

Ты увѣряешь меня, что призываніе твое было единый подлогъ, или паче слѣдствіе слѣпаго повиновенія обожаемому любовнику, нежели дѣйствіе божественнаго вдохновенія. Познай же лучше, дражайшая моя Элоиза, хотя обращеніе твое не искреннѣе было моего, однакожъ то вѣрно, что оное не отъинуды происходитъ, какъ свыше и изъ сего чистаго изтекаетъ источника, изъ коего мысли и дѣйствія, пріятныя Всемогущему, происходятъ. Благость его намъ несомнѣнною порукою, что онъ дѣло свое до конца его сопровождать будетъ. Но переходъ изъ единой крайности въ другую, то есть отъ порока къ добродѣтели, которыя суть въ толикомъ отдаленіи, между собою есть столь обширенъ и продолжителенъ, что немалое потребно время въ прехожденіи онаго; преждежъ, нежели до меты своей

своей достигнешь, надлежитъ преходить чрезъ опыты, жесточайшие и удручающие труды. И такъ всегда имѣй надежду; все тебѣ имѣть оную позволяетъ: ибо наконецъ чего ты не пожертвовала? красоту, младость, воспитание, дары фортуны; однимъ словомъ, все то, что можетъ составить и увѣнчать желанія человѣческія. Ты могла бы провесть здѣсь въ мірѣ жизнь тихую и спокойную и при концѣ дней *твоихъ* достигнуть, хотя по многихъ опытахъ, въ жилище праведныхъ, въ которое достигнешь нынѣ хотя съ большимъ вѣроятіемъ, но не безъ трудности, провождая жизнь строгую и покаяннѣйшую изъ всѣхъ монашескихъ обителей. И такъ толь самопроизвольное безкорыстіе и пренебреженіе толикихъ выгодъ не можетъ быть внушено кѣмъ инымъ, какъ Всемогущимъ Существомъ, бдящимъ о нашемъ

спа-

спасенiи. Скромность твоя и застѣнчивость показываютъ тебѣ призыванiе твое лживымъ; но будь безъ опасенiя: сего быть не можетъ, и слѣдствiе тебѣ докажетъ, что самъ Господь призывалъ тебя. Моли его, да дѣло свое приведетъ къ окончанiю.

Чтожъ принадлежитъ до меня, чѣмъ я пожертвовалъ? что я оставилъ? какiя мои заслуги? Жестокое толпище кровожаждущихъ злодѣевъ утолили на мнѣ ярость свою и лишили меня всего, что въ тогдашнее время единственное щастiе мое составлять казалося. Они оставляютъ меня безъ памяти въ объятiяхъ смерти и обремененнаго болѣзненнѣйшими страданiями. Бѣшенство ихъ утолилося; они были удовольствованы. Изшедъ изъ сего рода забвенiй и омытый моею кровiю, увидѣлъ я въ себѣ

тѣло

тѣло изувѣченное и едва достойное нарицаться человѣкомъ. Въ ужасномъ отчаяніи, въ кое мое состояніе меня ввергнуло, я хотѣлъ пресѣчь жизнь мою, которую варварство ихъ для того единственно пощадило, чтобъ долѣе могъ сохранять воспоминовеніе ихъ жестокости, но силъ во мнѣ къ тому не доставало. Сіе повѣствованіе ужасъ тебѣ наводитъ, я довольно то чувствую; однакожъ оно истинно, колико ни кажется быть невѣроятнымъ. И се еще легкое изображеніе ужасной картины сего страшнаго позорища!

Какуюжъ я принесъ Господу жертву? Овцу прокаженную, отриновенную изъ стада, предметъ презрительный, коего единый видъ омерзѣніе навесть удобенъ, ладію, сражаемую и разрушенную бурею и всѣхъ снастей своихъ лишенную; однимъ словомъ, ничего,

чтобъ

чтобъ было достойнымъ возложено быть на жертвенникъ Бога, толико милосердаго, и что бы не могло раздражить его. Уединенiе, учинившись единымъ моимъ прибѣжищемъ, стало единственною частiю, которую я избрать могъ. Чтобъ дѣлалъ я въ свѣтѣ? какимъ бы образомъ могъ я жизнь въ ономъ провождать? Презрѣнный отъ всей вселенной, я бы щитался предметомъ безполезнымъ и омерзительнымъ, не былобъ для меня болѣе ни почтенiя, ни снисхожденiя, ни удовольствiя. Въ таковое-то состоянiе я приведенъ былъ! Какое бы можно мнѣ было найти средство избавиться отъ сего презрѣнiя? Удалиться отъ свѣта: ибо губители мои варварство свое до того распространили, что оставили мнѣ жизнь, коя стала мнѣ омерзительною и несносною. Единое противъ сего оставалось средство:

уединеніе и удаленіе отъ всѣхъ предметовъ, кои стали мнѣ въ тягость, или несносными; и такъ я былъ принужденъ учинить обѣты. Какаяжъ разнота между моими обѣтами и твоими? и не долженъ ли я опасаться, чтобъ Богъ меня не оставилъ и не почелъ обращенія моего не толь искреннимъ, какъ я того желаю? Блаженъ бы еще я былъ, естьлибъ острый и убійственный мечь моихъ тиранновъ удобенъ былъ лишить меня всѣхъ чувствій и извлечь изъ души моей образъ, которой всегда ей любезенъ!

Мы можемъ прошеніями утрудить небо, но не возможно намъ обмануть его: Господь, проницающій сокровеннѣйшую глубину сердецъ нашихъ, зритъ причину моего обращенія. Червь угрызатель, меня снѣдающій, есть чудовище, по-

посланное отъ сего страшнаго Бога мучитъ меня безпрестанно; единый онъ можетъ меня освободить отъ онаго. Но естьли правосудіе его безконечно, то и милосердіе его также неограниченно, почему я на него и полагаю мою надежду, будучи вспомоществуемъ твоими теплыми молитвами.

Ты призываешь меня провесть нѣсколько времени съ тобою, дабы научить тебя исполнять твою должность, просвѣтить очи твои, изобразить тебѣ блистаніе славы небесныя и наконецъ сдѣлать то, чтобъ ради Бога своего ты меня оставила, исполнить сіе, вѣщаешь ты, во власти моей находится. Весьма изрядно; но съ довольнымъ ли разсужденіемъ ты то воображаешь, любезная Элоиза, чтобъ могъ я въ теперешнемъ твоемъ состояніи къ тебѣ приближиться?

Великій Боже! нерѣшимъ, колеблемъ, исполненъ твоимъ изображеніемъ, и наконецъ внѣ себя, не было либъ сіе подвергать себя величайшимъ опасностямъ и хотѣть самопроизвольно потерять малѣйшій плодъ, которой могъ собрать съ трудовъ моихъ? Сіе было бы возобновить пламень, отъ утушенія котораго совершенно польза моя зависитъ, или излить масло на пылающія дрова. Какъ могу я научить тебя исполнять твою должность, когда собственной моей исправлять не въ состояніи? Возможно ли мнѣ, ослѣпленному моею страстію, предпріять просвѣтить очи и возвратить зрѣніе кому, лучше меня зрящему? Для описанія же тебѣ блистанія славы небесныя, ты имѣешь объ оной понятіе, по крайней мѣрѣ толикожъ истинное, какъ и я, и наставленія мои отъ приближенія моего къ тебѣ не бу-

будутъ ли средствомъ возжечь наше утушенное пламя? Оставить же меня ради Бога твоего, есть его дѣло, въ единаго его то власти находится и единъ онъ сердца наши превратить можетъ. Разсмотри сама, въ какую бы ужасную бездну я себя низринулъ, естьлибъ по нещастію низшелъ на то, чего ты отъ меня требуешь! Ахъ! да убѣгаемъ лучше, вѣщаетъ Апостолъ, се единое средство освободиться отъ врага, толико опаснаго, какъ ты! Не подумай, чтобъ изъ ненависти, или безпристрастія опаснымъ для себя врагомъ я нарекъ тебя, но что нравящаяся опасность бываетъ неизбѣжимою, когда близко къ оной приближаемся, и слѣдственно побѣгъ есть единое средство не впасть въ оную. Однакожъ слабая то для меня помощь: ибо хотя я въ разлученіи и отдаленіи съ тобою, но образъ твой со

мною неразлученЪ и повсюду за мною последуетЪ. ВЪ какоебЪ мѣсто я ни удалился, вездѣ ты взорамЪ моимЪ представляешься; чтожЪ бы было тогда, естьлибЪ мы по желанію твоему соединилися?

Элоиза, Элоиза! единое воображеніе сего соединенія возобновляетЪ вЪ сердцѣ моемЪ преступный пламень, коимЪ нѣкогда я пылалЪ кЪ тебѣ. Естьли то правда, что разлука есть вѣрнѣйшій способЪ противЪ любовныхЪ мученій, то должно мнѣ всегда убѣгать тебя и истребить сіи пріятныя воображенія, которыя образЪ твой безпрестанно представляютЪ сердцу моему, изъязвленному побѣдоносными стрѣлами твоихЪ прелестей. ВЪ самыя сіи минуты размышленія, вЪ кои о единомЪ Богѣ помышлять желаю, имя Элоизы на устахЪ моихЪ оста-

остановляется; и хотя должность моя мнѣ забыть тебя повелѣваетъ, однакожъ въ самую ту минуту, какъ торжественную чаю приносить молитву, воображеніе моихъ удовольствій мыслямъ моимъ, объятымъ твоими прелестьми, представляется. Или никогда не буду наслаждаться тѣмъ спокойствіемъ, что души непорочныя вкушаютъ? Когда во храмѣ приношу моленіе непорочной Дѣвѣ и требую ея помощи, взирая на матерь Бога моего, мечтаю видѣть въ божественныхъ ея чертахъ черты дражайшей моей Элоизы... клянуся ей вѣчною любовію... Познавъ теперь о смущеніяхъ, причиняемыхъ мнѣ воображеніемъ твоихъ пріятностей, разсуди, какое дѣйствіе произведетъ во мнѣ твое присутствіе! И такъ благоразуміе воспрещаетъ мнѣ тебя увидѣть. . . . Я долженъ въономъ показать примѣръ тебѣ. . . . Бу-

дучи слабою еще отраслью и слабый вѣтрѣ сломить меня удобенѣ. . . . Прощай. . . . Я прогнѣвлю Творца моего, естьли еще о творенiи его помышлять буду.

Не полагайся же на меня, доколѣ я не буду увѣренѣ быть твердымѣ вѣ упованiи моего спасенiя, и какѣ ставѣ свободенѣ отѣ всей страсти, буду вѣ состоянiи взирать на тебя сѣ симѣ Христiянскимѣ спокойствiемѣ: едино, которое удобно возвратить тишину души, толико возмущенной, каковою моя до сего времени пребываетѣ.

Чтобѣ болѣе меня убѣдить, ты просишь меня отѣ имени всего твоего общества. Сiе дѣйствительно было бы сильнѣйшею причиною меня кѣ тому принудить. Се паства моя! се насажденiе рукѣ моихѣ! и наконецѣ онѣ суть ча-

да

да молитвѣ моихъ! Какъ ты весьма изрядно то изъясняешь! Но какъ попеченіе о нихъ ввѣрено тебѣ, то могутъ ли онѣ имѣть лучшаго путеводителя? что я лучше тебя могу для нихъ учинить? Хорошіе примѣры, чувствительныя и привлекательныя увѣщанія, ревностное исполненіе истиннаго Христіянскаго милосердія, пріятность въ общежитіи, ни въ чемъ изъ сего онѣ въ тебѣ не могутъ имѣть недостатка: къ чемужъ бы послужило мое присутствіе въ семъ спокойномъ жилищѣ, простота котораго возвѣщаетъ почтительную привязанность ко благамъ небеснымъ, гдѣ мрачное безмолвіе внушаетъ покаяніе и совершенное отверженіе отъ суетъ міра сего; гдѣ наконецъ царствуетъ спокойствіе, согласіе и всеобщая тишина, утвержденная благочестіемъ непорочныхъ дѣвъ, которыя весьма блаженны, что посвятили себя

бя Господу. Я принесъ бы туда душу, колеблемую и возмущенную возчувствіемъ прошедшихъ нашихъ безпорядковъ; я вседневно предметъ оныхъ, еще мною любимой, предъ очами моими имѣть буду. Колико сіе состояніе малоудобно содержать сіе Христіянское спокойствіе, составляющее утѣхи сей прелестной пустыни! Подъ предводительствомъ основателя, коего душа толико неспокойна, не преминули бы воспослѣдовать между сими святыми дѣвами ужасныя неустройства, какъ-то: небреженіе въ исполненіи общественныхъ должностей, охладѣніе къ молитвамъ, нерадѣніе о покаяніи, наконецъ все бы оказало и возчувствовало безпорядокъ начальниковъ, и чрезъ худые мои примѣры я опровергнулъ бы раждающійся порядокъ, коего основателемъ себя почитаю. Я говорю начальниковъ: ибо доволь-

но

но воображаю, что какъ твое обращеніе еще несовершеннѣе моего, то видъ мой не преминулъ бы произвесть въ тебѣ того, чего я для себя опасаюся, то есть разстроенія мыслей, въ чемъ уже ничто помочь намъ будетъ не въ состояніи. Сіе приключеніе для тебя еще нѣкоторымъ образомъ опаснѣе, нежели для меня: ты не лишена употребленія ни единаго изъ чувствъ твоихъ. И такъ суди по сему, какую бы власть они надъ тобою воспріяли при возрѣніи на того, кто нѣкогда возмущалъ ихъ страстію, кою удовольствовать ты еще въ состояніи. Съ моей же стороны хотя мое нещастіе лишило меня средства общія наши желанія удовлетворить, но не взирая на то, осталось во мнѣ чувствіе, коего неистовство враговъ моихъ не возмогло у меня отъять. И такъ, находясь въ семъ положеніи, могуль я пребыть

быть спокоенъ? Нѣтъ, исполненъ тщетными надеждами, я сталъ бы подобенъ разума лишенному; единый видъ порока будетъ во мнѣ соблазнительнѣе, нежели въ тебѣ дѣйствіе онаго. И такъ я менѣе тебя сожалѣнія достоинъ: ибо только нещастное чувствіе, меня возмущающее, успокоить долженствую; а ты имѣешь сражаться съ чувствами твоими и воспоминаніемъ, весьма прельстительнымъ. Чтобъ истребить его изъ твоей памяти, единое отсутствіе и молитва могутъ изцѣлить сіи болѣзни.

Престань же, прошу тебя, требовать отъ меня того, чего ты зришь всю опасность, естьлибъ мы и со всепотребнѣйшимъ поступали въ семъ случаѣ благоразуміемъ. Прервемъ нашу переписку, какъ ты въ письмѣ своемъ сама о томъ меня упрашиваешь; и хотя

нъ

въ семъ намѣреніи ты еще кажешься нерѣшимою, однакожъ оное для обоихъ насъ будетъ безопаснѣйшимъ, и сіе долженствуетъ до возстановленія въ насъ порядка продолжаться, то есть до того времени, какъ мы возчувствуемъ въ себѣ довольно твердости сопротивляться всѣмъ искушеніямъ, коимъ будемъ подвержены. Сіе дѣло, какъ я уже говорилъ о томъ, есть дѣло Бога высочайшаго; будемъ всего ожидать отъ его милосердія.

Изъ глубины сердца моего увѣщаваю тебя съ терпѣніемъ надѣяться изцѣленія: кажется Господь намъ оное обѣщаваетъ, судя по тому, что онъ уже надъ тобою содѣйствовалъ: онъ ввелъ тебя въ обитель, наказалъ тебя мѣстомъ, самымъ чувствительнѣйшимъ, каково есть лишеніе любовника, и заставляетъ еще тебя со страстію твоею сражаться. Се

суть

суть орудія, которыя влагаетъ онъ въ руки своихъ избранныхъ для вспомоществованія имъ одержать совершенную побѣду. Дѣйствія его милосердія бываютъ иногда весьма медлительны, но отъ того не менѣе вѣрны. Претерпимъ ради Іисуса Христа; онъ терпѣлъ за насъ, ты имѣешь къ сему средство, принося страданія свои сему Божественному Спасителю. Что же принадлежитъ до меня, естьли я и претерпѣлъ чувствительнѣйшее посрамленіе и страдательнѣйшія болѣзни, но сіе было для тебя и по причинѣ моей къ тебѣ любви. Сіи страданія, кои нѣсколько чувства мои утишили, не учинили душу мою спокойнѣе, и предъ Богомъ другихъ заслугъ не имѣютъ, какъ только что страдалъ за его твореніе. Суди по оному о моей боязни, и сколько должно мнѣ полагаться и уповать на мои молитвы, соединенныя съ твоими и твоей обители!

Не

Не будемъ же полагаться на единоминутное спокойствіе сего нижняго свѣта, а будемъ щитать за вѣрное, что послѣдній день жизни нашей будетъ первымъ нашего спокойствія: ибо одна только смерть можетъ содѣлать конецъ нещастіямъ, насъ обременяющимъ, и которая, разрѣша насъ отъ сего бреннаго тѣла, дастъ славою святыхъ наслаждаться, которую Господь обѣщаетъ тѣмъ, кои во время жизни своей претерпѣвали.

Когда Превѣчный, держащій дни наши въ рукахъ своихъ и число оныхъ разпредѣляющій, прерветъ нить сея нещастныя жизни, что по всѣмъ признакамъ прежде совершенія твоего теченія воспослѣдуетъ, я прошу тебя взять тѣло мое, въ какомъ бы мѣстѣ я ни умеръ, и пренести его въ твою обитель для погребенія онаго подлѣ

дл҃ѣ тебя. Чрезъ сіе средство мы соединимся, не претерпѣвъ никакой траты и не подвергая себя никакимъ опасностямъ: ибо тогда страхъ, надежда, воспоминаніе, раскаяніе, все изчезнетъ подобно дыму, изчезающему въ воздухѣ и по произволенію вѣтровъ развѣваемому; не останется ни единаго слѣда прошедшихъ нашихъ безпорядковъ. Ты сама воззрѣніемъ на трупъ мой возпользуешься, войдя въ себя и увѣрясь, колико посмѣянія достойно предпочитать для безпорядочной любви горсть праха, тлѣнное тѣло и снѣдь червей Богу всемогущему и вѣчному, которой единъ можетъ увѣнчать наши желанія и дать намъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.

Абельярдъ.

ПОДЛИННЫЯ ПИСЬМА ЭЛОИЗЫ и АБЕЛЬЯРДА.

I.

ПИСЬМО

отъ

ЭЛОИЗЫ къ АБЕЛЬЯРДУ.

На сихъ дняхъ принесли мнѣ по случаю письмо, писанное отъ тебя къ одному изъ твоихъ пріятелей. Познавъ наономъ черты руки твоей, я оное открыла, ласкаясь имѣть право надъ всемъ тѣмъ, что тебѣ принадлежитъ; но мое любопытство многихъ слезъ мнѣ стоило, увидя въ семъ письмѣ длинное повѣствованіе нашихъ злощастій. Сіи изображенія жестоко меня возмутили. Кажется мнѣ, что не нужнобъ было для утѣшенія твоего друга въ какомъ либо легкомъ огорченіи разсказывать ему искренно всѣ наши нещастія. Ка-

киxъ я не дѣлала размышленій! Время по нѣскольку истребляло воспоминовеніе нашихъ бѣдствій, но читая ихъ описанныя твоею рукою, я до глубины сердца моего ихъ возчувствовала столь же живо, какъ и прежде; я снова представила себѣ всѣ тѣ мученія, кои ради меня ты претерпѣлъ, колико разумъ твой навлекъ тебѣ враговъ и завистниковъ, сію вѣчную темницу, которою угрожали тебѣ за такія вещи, кои ты самъ отвергалъ, наконецъ память моя не оставила представить мнѣ ни единаго изъ нашихъ нещастій: не забыла я гоненія и тѣхъ двухъ человѣковъ, возставшихъ противъ тебя на Реймскомъ соборѣ, и причтеніе тебѣ въ соблазнъ названіе *утѣшителя*, коимъ ты нарекъ домъ свой; не льзя мнѣ также забыть гоненія, претерпѣннаго тобою отъ сихъ монаховъ, которыхъ ты теперь именемъ братьевъ

тьевъ нарицать удостоиваешь. Описаніе твое всѣхъ сихъ злощастій столь живо и естественно изображено, что читая оное, я чаяла мой духъ прервать отъ горести, и съ удовольствіемъ бы отправила къ тебѣ обратно письмо твое, изглажденное моими слезами, естьлибъ нѣсколько позднѣе пришли отъ меня его потребовать. Оно оставило меня въ великомъ движеніи, и признаюся тебѣ, что возбудило во мнѣ всю мою чувствительность противъ нашихъ злодѣевъ. Понеже все истребляющее ихъ ненависть противъ тебя не притупило, и добродѣтель твоя все еще гонима, то я предпріяла на всѣхъ языкахъ обнародовать наши злоключенія, дабы пристыдить несправедливый вѣкъ, не познавшій твоихъ достоинствъ. Не пощажу ничего, когда тебя ничто не щадитъ, и привлеку къ тебѣ толикое сострадание, что не бу-

 дутъ

дутъ безъ слезъ произносить имя дражайшаго моего Абельярда.

Чтожъ принадлежитъ до меня, чувствующей единыя только твои бѣдствія, не говорю тебѣ ничего о моемъ состояніи, въ кое приведена моею къ тебѣ любовію. Одна, огорченна, безъ утѣшенія: ибо кромѣ тебя ничто подать мнѣ онаго не можетъ, и не получаю отъ тебя никакого извѣстія: не откажи по крайней мѣрѣ сего мнѣ утѣшенія, я о томъ прошу тебя, и сдѣлай мнѣ вѣрное повѣствованіе о всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, коликобъ оныя ни были огорчительны.

Естьли то справедливо, что съ другимъ раздѣляемыя горести кажутся сноснѣе, то ты свои менѣе будешь чувствовать, когда мнѣ оныя опишешь. Не говори въ извиненіе себѣ, что хочешь пощадить слезъ моихъ, молчаніе твое

твое извлекло у меня ихъ не менѣежъ, какъ и повѣствованіе о твоихъ злощастіяхъ; а естьли ты не пишешь ко мнѣ для того, что ожидаешь пріятныхъ вещей къ моему увѣдомленію, то опасаюсь я, чтобъ сіе ожиданіе весьма долго не продлилось. Щастіе и добродѣтель весьма рѣдко бываютъ совокупны. Естьлибъ ты менѣе былъ разуменъ, то гораздо бы былъ щастливѣе. Обрадуй меня полученіемъ писемъ твоихъ, не ожидая чуда фортуны: сіе есть единственное удовольствіе, которое, будучи съ тобою въ разлукѣ, я могу возчувствовать. И такою-то радостію Сенека, коего заставлялъ ты читать меня, колико онъ ни Философъ былъ, проницался, когда получалъ письмо отъ Луциллы. Во ожиданіи отъ тебя подобнаго себѣ удовольствія, я вкушаю оное частымъ взираніемъ на твое изображеніе; я небреглабъ о немъ, когдабъ

когдаб тебя увидѣла: отсутствіе твое его мнѣ лучшимъ представляетъ. Но когда изображеніе толико меня увеселяетъ, то въ какой бы восторгъ письма твои меня привели, письма, которыя говорятъ, возжигаютъ и питаютъ пламень нашихъ страстей. Толь безвинное удовольствіе намъ позволено, не будемъ же лишать себя небреженіемъ нашимъ единой выгоды, намъ оставшейся. Я въ письмахъ твоихъ читать буду, что ты мой супругъ; въ моихъ буду говорить съ тобою, какъ твоя супруга, и не взирая на твои злощастія, ты всегда будешь для меня всемъ тѣмъ, чѣмъ быть возжелаешь. Писаніе изобрѣтено для вспомоществованія подобно мнѣ заключеннымъ. Твои письма я всегда имѣть буду предъ моими очами, и безпрестанно ихъ буду осыпать моими поцѣлуями; но не хочу, чтобъ оныя хотя малаго тру-

труда тебѣ стоили: пиши ихъ ко мнѣ безъ всякаго украшенія, съ небреженіемъ, чтобъ сердце твое чрезъ нихъ, а не разумъ изъяснялся. Я не могу жить болѣе, естьли не услышу отъ тебя, что ты еще меня любишь. Сіе нарѣчіе толико тебѣ должно быть свойственно, что не чаю того, чтобъ ты иначе могъ изъясняться. Сама справедливость тебѣ повелѣваетъ чрезъ нѣкіе новые знаки любви затворить тѣ раны, которыя разтравилъ ты въ душѣ моей повѣствованіемъ другу твоему о нашихъ нещастіяхъ. Сіе не для того пишу къ тебѣ, чтобъ укорять тебя невинною хитростію, употребленною тобою къ утѣшенію огорченнаго, сравнивая его бѣдствія съ другими сильнѣйшими: милосердіе остро на выдумки, и я тебя хвалю за оное; но ты намъ долженъ еще нѣчто болѣе, нежели другу сему.

Насъ нарицаютъ твоими сестрами, мы себя называемъ дщерьми твоими, и естьлибъ въ природѣ были имена, еще сихъ нѣжнѣйшія, мы бы ихъ принять не отреклися, дабы показать тебѣ, что мы предъ тобою, а тебѣ привесть на память, чѣмъ ты намъ долженствуешь. Когдажъ бы мы стали толь неблагодарны, чтобъ забыли то, чѣмъ должны тебѣ, то бы храмъ сей, жертвенники, сія обитель, довольнобъ намъ о томъ напоминали. Ты освятилъ мѣсто сіе чрезъ единыя похищенія и убивства, прежде сего извѣстныя; ты превратилъ въ домъ молитвъ вертепъ разбойничій; обитель сія не обязана своимъ содержаніемъ народному подаянію, воздаянія кающихся грѣшниковъ насъ не обогатили, а все имѣемое нами отъ тебя единаго получили, тебѣ сіе юное насажденіе всемъ, что оно имѣетъ, долженствуетъ.

Хотя благодать, насъ призвавшая, кажется здѣсь огражденною стѣнами и молитвами; хотя решетки, насъ заключающія, приближеніе къ оной воспрещаютъ, но сокъ плода, снѣденнаго Адамомъ, вкрадывающійся нечувствительно въ сердца, не преминетъ въ насъ оныя развратить, естьли ты не подашь намъ скорыя помощи.

Я вѣдаю, что ты не въ праздности время провождаешь, но не ради насъ ты трудишься: ты разсыпаешь предъ свиніями сокровища Евангельскія, а нерадишь о агницахъ, которыябъ на высоту горъ за тобою послѣдовать не отреклися.

Но вижу я, что не можно мнѣ говорить съ тобою собственно отъ моего имени, однакожъ должна ли я употребить къ приведенію тебя въ жалость другія поль-

пользы и другія слезы кромѣ моихъ? Августины, Тертулліяны, Іеронимы, писали къ Павлинамъ, Евдоксіямъ, Меналіямъ. Когда ты сіи имена читаешь, тогда мое не приходитъ ли тебѣ на память? Не долженъ ли ты утверждать меня со С. Іеронимомъ, проповѣдовать мнѣ истинну съ Тертулліяномъ, вѣщать о благодати со Августиномъ? Знаніе твое не должно для меня быть добромъ *безплоднымъ*, наипачежъ пишучи ко мнѣ, ты будешь писать къ твоей супругѣ. Священное таинство обхожденіе наше учинило несоблазнительнымъ; ты безъ всякой опасности можешь видѣться со мною; когдабъ и обѣты наши не были препятствіемъ въ нашихъ удовольствіяхъ, илибъ мы оные позабыли, то употребленная противъ тебя жестокость дяди моего съ стороны нѣжности нашей насъ дѣлаетъ безопасными.

И такъ не убѣгай меня, внемли мои воздыханія, будь оныхъ свидѣтелемъ: ибо по тебѣ они излетаютъ. Я здѣсь по необходимости себя заключила, а ты заставь меня пребывать здѣсь для единой добродѣтели.

Увы! естьли ты вспомнишь ...... (но забываютъ ли то, какъ были любимы) какъ провождала я дни, тебя ожидая, съ какимъ удовольствіемъ отъ всѣхъ скрывалася, чтобъ писать къ тебѣ! коликихъ безпокойствъ мнѣ стоила каждая цидулка, пока ты еще оной не получишь! сколько осторожности и хитростей употреблено, чтобъ съ тобою увидѣться!

Сіе описаніе тебя въ ужасъ приводитъ, ты опасаешься услышать онаго послѣдствіе, но меня оно утѣшаетъ, я ни мало не сты-

стыжуся имЪ; и какЪ чрезмѣрность моей кЪ тебѣ любви предѣловЪ не имѣетЪ, такЪ не хочу ограничить удовольствія, чувствуемаго мною, когда вѣщаю обЪ оной. Я себя возненавидѣла, чтобЪ болѣе тебѣ доказать любовь мою; заключила здѣсь себя на погибель, чтобЪ тебѣ доставить жизнь спокойную.

ПорокЪ такихЪ чувствій не влагаетЪ. Когда любятЪ чувствами, то не любятЪ умершихЪ. Дядя мой чаялЪ, что подобно прочимЪ женщинамЪ я полЪ твой вЪ тебѣ любила; онЪ, лиша тебя онаго, весьма обманулся, и я отмщаю ему, всю мою нѣжность на тебя изливая.

Довольно тебѣ извѣстно, что вЪ то самое время, какЪ любовь наша могла не быть столь непорочною, я и тогда не полЪ твой

вЪ

въ тебѣ любила; колико я показывала къ браку съ тобою отвращенія? Хотя довольно вѣдала, что названіе супруги важно между человѣками и свято въ законѣ, не смотря на то, пріятнѣе для меня казалось носить названіе твоей любовницы. Увы! супружества дѣлаютъ склонность принужденною и лишаютъ славы любить, которую я сохранить желала. Всѣ сіи нѣжности еще изъ памяти твоей не вышли: я вижу изъ письма твоего, писаннаго къ твоему другу, что еще со удовольствіемъ ты о нихъ воспоминаешь, и что не забылъ ты, колико мнѣ казалися тягостными тѣ обязательства, кои единая смерть разрѣшить можетъ и которыя изъ любви дѣлаютъ принужденіе. Сколько разъ говаривала я тебѣ, что для меня пріятнѣе быть твоею любовницею, нежели Императрицею съ Августомъ,

стомъ, и что я находила болѣе сладости исполнять твои повелѣнія, чѣмъ видѣть подъ моими законами повелителя свѣта! Истинная нѣжность отдѣляетъ отъ любовника все то, что съ онымъ названіемъ ни совокуплено; она не ищетъ ни чиновъ, ни богатства. Я увѣрена, что естьли можно уповать достигнуть въ здѣшнемъ мірѣ блаженства, то не иначе, какъ чрезъ соединеніе двухъ сердецъ, симпатіею совокупленныхъ, которыхъ достоинства и взаимная любовь дѣлаютъ щастливыми. Нѣтъ тогда пустоты въ сердцахъ ихъ, все въ оныхъ спокойно: ибо всемъ они довольны.

Мы были изъ числа оныхъ, прельщенные другъ другомъ; мы провождали жизнь щастливую; слава твоя дѣлала честь моему избранію; не было провинціи, въ которуюбъ тебя не желали; никто

кто не могъ безъ огорченія съ тобою разстаться; за честь почитали сказать: я видѣлъ Абельярда; постояннѣйшія женщины престалибъ быть таковыми, естьлибъ ты восхотѣлъ привесть ихъ въ искушеніе. Было ли средство не быть тронутой твоими взорами, поступками, живостію твоего разума и остротою твоихъ разговоровъ? Все въ тебѣ за тебя ходатайствовало весьма далеко отъ тѣхъ ученыхъ, кои все знаютъ, изключая науку нравиться. Наука въ тебѣ пріятна и понимать себя привлекаетъ. Съ какою легкостію дѣлалъ ты стихи, прелестнѣйшіе въ свѣтѣ! Никто такъ пріятно, какъ ты, шутить не могъ, единъ ты достойно могъ хвалить. Сія прекрасная роза (*) будетъ въ томъ доказательствомъ

 и

(*) Романъ, называемой роза. Сіе написано ошибкою, а сей остроумной романъ сочиненъ Іоанномъ Мегуномъ.

и останется примѣромъ для потомства. Нѣтъ даже до послѣдней изъ пѣсенъ твоихъ, чтобъ не имѣла пріятности. Колико всѣ сіи прелести навлекли мнѣ солюбовницъ! Сколько я ихъ видала, которыхъ самолюбіе увѣрило послѣ одного отъ тебя посѣщенія, что она та Сильвія, кою ты воспѣвалъ въ стихахъ своихъ! Но гдѣ то время, мною воспоминаемое? Я теперь оплакиваю моего любовника и мои прошедшія удовольствія.

Вы, которыя завидовали моему благополучію! познайте, что предметъ вашей зависти ни для меня, ни для васъ болѣе не существуетъ. Любовь моя учинила его преступленіе и наказаніе, а меня въ отчаяніе погрузила. Злоба моихъ родственниковъ возмутила спокойствіе, въ коемъ мы жизнь провождаемъ, ни о чемъ не помышляя, какъ

какъ взаимно любиться и другъ другу нравиться. Естьли такую жизнь можно назвать преступленіемъ, то я люблю сіе преступленіе; а нынѣ невинною противъ воли моей пребываю.

Естьлибъ я тогда была съ тобою, когда ввергали тебя въ сіе горестное состояніе, въ коемъ ты теперь находишься, я бы съ опасностію жизни моей тебя защитила. Но престанемъ о семъ говорить: пріятнѣе молчать, когда нещастія изобразить не можно; но только скажи мнѣ, почто ты меня презрѣлъ съ самаго времени моего посвященія? Ты вѣдаешь, что я въ сіе уединеніе не съ иными мыслями вступила, какъ чтобы сдѣлать тебѣ угодное и избавить тебя отъ горести ни съ другаго чьего согласія, какъ твоего: чтожъ причиною твоей холодности? Или

чрезмѣрная моя любовь, ничего тебѣ желать болѣе не оставя, пламень твой угасила? Чрезъ печальный опытъ познала я, что убѣгаютъ тѣхъ, кѣмъ много одолжены, и что совершенство благодѣяній вмѣсто благодарности платится презрѣніемъ. Я весьма слабо сердце мое защищала, ты безъ труда могъ овладѣть онымъ, неблагодарной, и безъ жалости назадъ мнѣ оное возвращаешь. Но я на то не согласна; и хотя не должно мнѣ здѣсь имѣть желаній, однакожъ я сохранила то, чтобъ быть тобою любимой, и тебя любя, окончить жизнь мою. Произнося мои обѣты, я имѣла при себѣ письмо твое, въ коемъ ты клялся быть вѣчно моимъ. И такъ купно съ моимъ и твое я сердце Богу посвящала и клялася ему лучше умереть, нежели престать любить тебя. Сноси по крайней мѣрѣ страсть мою, какъ та-

такую вещь, отъ коей ты освободиться не можешь. Увы! въ какое преступленіе я словами моими себя ввергаю! Ни о комъ, кромѣ Бога, не надлежитъ мнѣ помышлять, а я о единомъ только смертномъ вѣщаю. Ты меня сказать сіе принуждаешь: жестокой! почто ты меня болѣе не любишь? почто по крайней мѣрѣ ты не льстишь мнѣ тѣмъ? Ты не удостоилъ меня ни единымъ средствомъ къ твоему извиненію. Какъ! можешь ли ты рѣшиться никогда меня не видѣть? Увы! пиши же иногда ко мнѣ; клятвы твои тебя моимъ учинили, и я не знаю для себя другой должности, какъ быть твоею; ничто сердецъ нашихъ разлучать не долженствуетъ. Я для того себя заключила, что ты хотѣлъ онаго. Вотъ таинство моего призыванія, оно тебѣ извѣстно; однакожъ хладное твое безпристрастіе есть

единственный плодъ моего заключенія.

Стыжуся я, будучи обручницею Бога, человѣку повиноваться. Я начальница обители, коей должна собою подавать примѣры, а посвящаю себя единственно Абельярду. Какое чудовище! Боже мой! ты ли меня просвѣщаешь? благодать ли твоя мнѣ вѣщаетъ? или одно только мое отчаяніе сіи размышленія у меня извлекаетъ?

Сквозь пламя, коимъ я сгараю, вижу иногда себя грѣшницею, долженствующею рыдать о грѣхахъ своихъ; коликожъ все сіе ни вижу, но плачу только объ одномъ любовникѣ. Воспоминаніе сихъ грѣховъ безпрестанно привожу себѣ на память; но не о томъ сожалѣю, что ихъ учинила, а о томъ, что уже не могу ихъ болѣе творить.

ВѢ какой безпорядокѢ ты меня приводишь, АбельярдѢ! Я исповѣдую тебѣ мои слабости, упрекаю тебя твоею жестокостью, и сама что говорю, того не понимаю: чрезмѣрность любви моей превозмогаетѢ, я не могу болѣе воздержать себя. АхѢ! колико жестоко, любезной мой АбельярдѢ, всегда сражаться за должность свою противѢ любви, привычкою утвержденной! На одну минуту повинуюсь чувствіямѢ благочестія, кои небо вѢ меня влагаетѢ, чрезѢ минуту потомѢ воображеніе мое исполняется всемѢ тѣмѢ, что любовь пріятнѣйшаго вѢ себѣ имѣетѢ, и я оной предаюся. Я сего дня вѣщаю тебѣ то, чегобѢ вчерась сказать тебѣ не хотѣла; иногда предпринимаю болѣе не любить тебя, но любовь за сіе намѣреніе довольно мнѣ отмщаетѢ, усугубляя любовныя мученія, коими за тебя меня умерщвляетѢ. ИзѢ жалости помоги

мнѣ отъ тебя изцѣлиться, естьли ты мною уже болѣе нестрастенъ, какъ любовникъ мой, какъ мой супругъ, или паче какъ отецъ мой. Утѣшь меня; сіи имена не могутъ ли тебя тронуть для любви, для закона? Пріиди, старайся утушить страсть мою и утвердить мои благія желанія, воспрепятствуй мнѣ долѣе оскверняшь мое призваніе, уничижимъ себя предъ сокровищами провидѣнія Бога моего, которой все въ наше *оправданіе* обращаетъ и чрезъ дѣйствіе своей благодати часто насъ очищаетъ противъ воли нашей, обращая наши очи къ нашимъ злочестіямъ.

Я чаяла симъ окончить письмо мое; но сердце мое еще не довольно. Когда ты меня принудилъ посвятиться Богу, ты съ собою тоже обѣщалъ мнѣ учинить, однакожъ ты слова своего не исполнилъ. Естьли младость моя и полъ

мой наводили тебѣ опасность въ свѣтѣ меня оставить, мое поведеніе, моя вѣрность и мое сердце, кое не льзя было не знать тебѣ, должны были тебя во мнѣ увѣрить. Твое недовѣреніе, признаюсь, меня чувствительно тронуло. Какъ, говорила я, Абельярдъ прежде сего вѣрилъ единому слову моему, а нынѣ къ увѣренію во мнѣ Богъ и клятвы мои ему потребны? Тебѣ толькобъ стоило, не заключая меня, предписать мнѣ законы. Или ты чаялъ быть себя лучшимъ наставникомъ въ порокѣ, нежели въ добродѣтели? Все, что отъ тебя происходитъ, имѣетъ для меня пріятности. При тебѣ и по твоему приказанію никакое исполненіе не казалось мнѣ тягостнымъ, ты болѣе отваживалъ, безъ себя меня оставляя: я весьма слаба, когда одна нахожуся, и люблю тебя теперь еще болѣе, нежели когда прежде.

Сіе доказываетъ тебѣ по крайней мѣрѣ чистоту любви моей; естьлибъ я любила любострастіе, я не болѣе 20 лѣтъ имѣла, когда съ тобою такъ поступили, то естьлибъ могла находить въ чемъ удовольствіе, кромѣ любви твоей, я бы съ другими нашла для себя утѣхи. Съ радостію отреклася я отъ міра, отъ богатствъ, отъ честей, отъ всего, изключая тебя, дражайшій мой Абельярдъ. Оставь хотя нѣкую надежду не быть тобою забытой. Я заклинаю тебя узами, мною здѣсь носимыми, притти облегчить мнѣ тягость оныхъ; они мнѣ легкими покажутся, когда ты ихъ будешь поддерживать; ты въ любви къ Богу меня наставишь; и какъ ты ввелъ меня въ пристанище благодати, то не долженъ ли ты и раздѣлять со мною благополучіе онаго? Не премѣняя сердецъ, премѣнимъ предметы, возвысимъ духъ нашъ къ

Богу, не будемъ имѣть другихъ восторговъ, какъ о славѣ его. Я отъ его милосердія сего ожидаю: онъ особливыя права надъ сердцами великихъ людей имѣетъ; когда онъ ихъ тронетъ, то не оставляетъ до самаго приближенія благодати. Не забывай меня, воспоминай о моей любви и моей вѣрности, люби во мнѣ твою любовницу, люби дочь твою, сестру, твою супругу; подумай, что я люблю тебя страстно, хотя иногда, чтобъ не любить тебя, сама съ собою сражаюся. Какое богохуліе! болѣе не любить тебя! Я трепещу и желала бы истребить оное слово. Я оканчиваю наконецъ длинное письмо мое, дражайшій Абельярдъ, сказавъ тебѣ: прости!

Элоиза.

ОТВѢТЪ

Отъ Абельярда къ Элоизѣ.

Естьлибъ я воображалъ, что письмо, кое не къ тебѣ было писано, могло попасть въ твои руки, я бы весьма остерегался вмѣстить въ оное что либо такое, могущее возобновить на память прошедшія наши удовольствія. Я съ откровенностію разсказывалъ моему другу о моихъ нещастіяхъ, чтобъ умягчить его горести сравненіемъ съ моими. Естьлижъ я огорчилъ тебя, чая оному сдѣлать добро, прошу тебя, прости меня въ томъ. Довольно сего, что я страдать тебя заставилъ, хотя и безъ намѣренія то учинилъ, чтобъ и я страдалъ подобно: ибо знай, любезная Элоиза, что я тебя обожаю еще съ большею горячностію, нежели какъ прежде. Должно предъ тобою открыть мнѣ сердце мое: я въ моемъ уединеніи

скры-

скрывалъ страсть мою отъ свѣта изъ тщеславія, а отъ тебя изъ нѣжности; принужденнымъ моимъ безпристрастіемъ хотѣлъ изцѣлить и избавить жестокихъ мученій безнадежныя любви. Я самъ пытался, будучи не въ состояніи жить съ тобою, истребить тебя изъ сердца моего; искалъ въ Философіи, искалъ въ законѣ орудій къ сраженію сея страсти, кою нещастія наши еще болѣе возпламенили.

Уединеніе, въ коемъ чаялъ я найти отъ тебя себѣ убѣжище, освободя меня отъ попеченій всего міра, единою тобою сердце мое и мысли наполняетъ. Я теперь увѣренъ, что престать тебя любить есть стараніе безплодное. Весьмабъ благоразуменъ я былъ, естьлибъ одной только тебѣ открывалъ безпорядки мои и слабости. Разумъ мой показываетъ

мнѣ все пространство моихъ должностей; всегда наполненъ угрызѣніемъ, или любовію, ни одной минуты спокойной не имѣю; сколь отъ тебя ни удаляюся, но воображеніе о тебѣ и страсть моя всюду за мною послѣдуютъ. Не могу ничего ожидать отъ любви, и безсиленъ обратиться къ добродѣтели!

Колико слабы мы, Элоиза, когда не утверждаемъ себя крестомъ Іисуса Христа. Пустыни безъ благодати не утушаютъ страстей, въ оныя вносимыхъ. Ты называешь меня своимъ наставникомъ? Правда, я училъ тебя любить, а ты научила меня, что болѣзни, отъ тебя мною возчувствованныя, суть болѣзни неизцѣлимыя. Благодарилъ бы я за свирѣпство дядю твоего, естьлибъ, приведя меня въ несостояніе страсть мою удовольствовать, могъ истребить

лю-

любовь мою; но желанія мои, лишась способовъ быть удовольствованы, тѣмъ паче раздражаются. Я гораздо тѣмъ виновнѣе, что горю къ тебѣ подъ пепломъ, посвященнымъ олтарю, нежели какъ я былъ, творя преступленія, низринувшія меня въ бездну нещастій.

Ты зришь, Господи! что чувствую я всю тягость моего злощастія: оставишь ли ты меня подъ бременемъ онаго погибнуть? Я безпрестанно вопію къ тебѣ со С. Августиномъ: пошли мнѣ благодать твою, о Боже! для исполненія твоихъ повелѣній, и потомъ повели мнѣ то, что будетъ волѣ твоей благоугодно. Ничто отъ тебя не сокрыто, ты зришь все, что я претерпѣваю. Позволишь ли ты, чтобъ тварь продолжала оспоривать у тебя сердце, которое чаялъ я тебѣ единому посвятить?

Ты увѣдомляешь меня, Элоиза, что показывая провождать жизнь для единаго Бога, живешь единственно для меня, и что не дѣлала другихъ обѣтовъ, какъ быть моею и умереть, меня обожая? Почто предпринимаешь ты раздражать сего страшнаго повелителя, сего сильнаго и ревностнаго Бога, которой уже давно подъ рукою своею насъ угнѣтаетъ? Страшись его ради твоей и моей пользы. Естьли изъ любви къ нему *ты* сего еще учинить не можешь, и не дѣлай его подлогомъ, какъ ты дѣлаешь сей славѣ о твоей премудрости, которую пріобрѣла ты лицемѣріемъ. Но увы! я самъ чувствую, Элоиза, колико трудно то исполнять, чему наставляютъ. Чего не дѣлалъ я, чтобъ забыть тебя, когда ты себя заключила? Искалъ вертеповъ во внутренности Бретаніи, положилъ море между мною и тобою препятствіемъ, и почти

въ отчаяніи предпріялъ противопоставить пламени, пылающему изъ очей твоихъ, сей нечувствительный ледъ, которой разстояніе мѣстъ въ сердца влагаетъ.

Я на двѣсти миль отъ тебя удалился, но разлука, удаленіе, посты, молитвы, безмолвіе, все къ тому единственно служило, чтобъ съ удовольствіемъ вкушалъ мое мученіе, искалъ помощи въ совѣтахъ вѣрнаго друга. Но надлежало говорить о тебѣ, а сіе было новымъ орудіемъ къ моему воспаленію. Постоянность твоя есть ядъ для души моей, питающей въ себѣ любовь мою; холодность твоя была бы можетъ быть болѣе средствомъ къ моему спасенію, нежели должности мои и разумъ могутъ къ оному споспѣшествовать; за благодѣяніе бы отъ тебя должно мнѣ щитать оную, но нѣжность моей любви отъ тебя требовать

 того

того не позволяетъ. Я воспламеняюсь, говоря тебѣ о любви моей, и не могу теперь понять, какъ я могъ завидовать безчувственному спокойствію тѣхъ, кои никогда не любятъ.

Ты упрекаешь меня моимъ бѣгствомъ и молчаніемъ, возобновляешь нѣжное воспоминаніе нашихъ любовныхъ свиданій и ничего того не оставляешь, чѣмъ бы можно было оживить ту страсть, которая уже не можетъ быть удовольствована.

Не довольноль я имѣю моихъ болѣзней и любви моей, чтобъ вскорѣ могли онѣ окончить жизнь мою?

Но естьли должно умереть, о Боже мой! для чегожъ не умереть ради тебя? Толикія мученія будутъ ли потеряны для времени и вѣчно-

вѢчности? Заставь меня возчувствовать, Господи, вЪ горести душя моей сію спасительную сладость, которую кающіеся грѢшники вЪ оплакиваніи грѢховЪ своихЪ находятЪ. УпоенЪ моею любовію, я до сего времени одну только любовницу мою оплакивалЪ, и прельщенЪ наружнымЪ видомЪ кающіяся жизни, ласкалЪ себя, что чрезЪ то загладилЪ мои прегрѢшенія. Иногда примѢрЪ монаховЪ, коими я повелѢваю, приводитЪ меня вЪ умиленіе и замѢшательство; но часто любовь моя раздражается противЪ ужаснаго ихЪ хладнокровія. Я презираю всѢ сердца, не познавающія любви, и чаю вЪ сіи минуты долженствовать все то возвратить любви, вЪ чемЪ ей отрицался. Я довольно вѢдаю, что сіе описаніе моихЪ тебѢ слабостей есть преступно; желалЪ бы я вооружить тебя добродѢтелію, или досадою, но страсть моя по-

бѣждать меня обыкла. Сіи двѣ воли, о коихъ говоритъ С. Павелъ, раздираютъ душу мою; а любить Бога есть всегда изъ нихъ слабѣйшею. Естьлибъ можно было извинить преступленіе, то въ извиненіе мое ничего другаго не надобно, какъ увидѣть тебя, Элоиза; но чувствую, что я погибаю и не хочу искать моего спасенія. Изгнанъ изъ сего свѣта, люблю безъ плода то, чего никогда не увижу, и теряю всѣ заслуги жизни, которая увѣряла меня въ полученіи неба, естьлибъ предпочелъ тебѣ оное. Вѣрю Евангелію, не исполняя онаго предписаній. Се вѣра осужденныхъ безъ любви къ добродѣтели, безъ вниманія къ моему состоянію, безъ уваженія къ обѣтамъ, мною учиненнымъ! Я терплю всю тягость порока и добродѣтели безъ упованія имѣть награды ни отъ сей, ни отъ другаго. Не щитай же меня болѣе великимъ человѣкомъ:

я похвалы сей недостоинЪ, слабость моя меня уничтожаетЪ. Я тебя всегда нахожу между БогомЪ и мною, какое препятствіе кЪ достиженію его! Скрывай отЪ меня любовь твою, оставь меня забыть то, чѣмЪ ты вЪ отсутствіи моемЪ страдаешь, посвяти себя Богу, употреби свободу твою и наше разлученіе себѣ вЪ пользу. Чаша СвятыхЪ сначала сЪ горестію испивается, но терпѣніе оную услаждаетЪ. Любовь твоя употребляетЪ благочестіе кЪ привлеченію меня кЪ тебѣ. Элоиза! не вѣрь сему желэнію, оно мнѣ подозрительно; убѣгай, вѣщаетЪ АпостолЪ. КакЪ я могу истребить тебя изЪ мыслей, на тебя взирая, когда и вЪ отсутствіи о тебѣ помышляю?

Ты спрашиваешь меня, почто я принуждалЪ тебя учинить обѣты прежде моего посвященія? Я ни-

ничего не могу скрыть отъ тебя, Элоиза, вотъ таинство онаго:

Когда твой дядя сдѣлалъ изъ меня примѣръ дерзновеннымъ любовникамъ, слабость моя учинила меня ревнивымъ. Я думалъ, что не находя во мнѣ ничего, кромѣ желаній, ты будешь искать другаго любовника. Любовь тому вѣритъ, чего страшится; я желалъ быть безопаснымъ, и принуждая тебя принести обѣты, хотѣлъ лучше тебя лишиться, нежели отважить раздѣлить тебя съ другимъ, и отложилъ мое посвященіе до того времени, какъ ты не учинищь того съ собою, дабы имѣть свободу. Естьлибъ ты упорствовала принесть сіи обѣты, повсюду за тобою послѣдовалъ бы для составленія щастія жизни твоей, или былъ бы твоимъ мучителемъ, когдабъ ты стала мнѣ невѣрною. Сія любовь

да-

далеко требованія свои простираетъ. Я признаюся; но какая любовь оныхъ не имѣетъ? Любятъ ли для того только, чтобъ любить заставить? Я самъ давно по себѣ испытую, что можно любить и безъ услажденія; но не во власти сердца долго любить, не будучи любимымъ, и я къ стыду страсти моей чувствую, что узы мои твоими укрѣпляются. Будемъ помогать другъ другу въ изцѣленіи; ты супруга Іисуса Христа; достоинство твоего сана долженствуетъ влiять въ тебя бодрость исполнять онаго уставы. Я спорилъ бы о тебѣ съ человѣкомъ, но Богу долженъ тебя уступить, коему ты принадлежишь, и сдѣлать чрезъ сіе усиліе жесточайшую жертву, какую нѣжное сердце принесть ему можетъ.

Ты была жертвою моей любви, а теперь будь тою моего благо-

 честія.

честія. Внемли, чего Богъ отъ тебя требуетъ: слава его требуетъ не находить въ человѣкѣ другаго основанія его милосердія, какъ слабость человѣческую; возплачемъ о нашей у подножія его жертвенниковъ; онъ не ожидаетъ другаго отъ насъ къ окончанію нашихъ бѣдствій, какъ увидѣть сердца наши сокрушенными и покорными. Да покаяніе наше толикожъ будетъ явнымъ, колико были наши преступленія; мы были примѣромъ и извиненіемъ дурнаго поведенія юности. Дадимъ знать вѣку нашему и потомству, что заслуживаніе нашихъ заблужденій было достойно прощенія, и заставимъ въ себѣ удивляться чудесамъ благодати, восторжествовавшей надъ любовію; не позволяй возвращаться въ тебя нѣжности: побѣдить оную есть заслуга предъ Богомъ; научись изъ твоей горести сносить погрѣшности сестръ твоихъ; вообра-

жай

жай къ приведенію меня тебѣ въ ненависть, что я прельстилъ твою невинность, что я помрачилъ славу твою, и что я препятствовалъ твоему спасенію.

Не извиняй меня болѣе для любви, прибѣгни къ Христіянству для забвенія причиненныхъ мною тебѣ болѣзней. Провидѣніе хощетъ спасти насъ, не будемъ опровергать онаго. Элоиза! не пиши ко мнѣ болѣе, се послѣднее письмо отъ меня къ тебѣ. Но въ какомъ бы мѣстѣ я жизнь мою ни окончилъ, велю тѣло мое предать землѣ у созданной мною часовни. Тогда уже въ молитвахъ, а не слезахъ я буду имѣть нужду. Плачь нынѣ для утушенія нашего пламени, а естьли твой и по смерти моей не угаснетъ, то смерть моя можетъ быть краснорѣчивѣе меня возможетъ научить тебя, что та едина вещь достойна быть любимою, которую можно любить вѣчно.

Абельярдъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Послѣдующаго письма.

Элоиза кажется болѣе терзаема своею страстію, нежели когда прежде. Съ начала заключенія ея въ монастырѣ торжественые обѣты, ею тамъ принесенные, высокія стѣны, решетки неприступнаго монастыря, удаленіе отъ Абельярда, а наипаче свирѣпость Фульберта, угнѣтая оную, заставили любовь ея умолкнуть. Она получаетъ Абельярдово письмо. Пламень сей дѣлается сильнѣйшимъ прежняго. Раздраженная препятствіями, которыя судьба положила ея благополучію, она никакихъ воздержностей въ семъ второмъ письмѣ не наблюдаетъ, и жалуется на нещастное состояніе, въ коемъ находится: она уже не та робкая монахиня, противоборствующая и опасной склонности, а нѣжная любовница, воспламененная и вѣщающая все то, что сильная любовь внушить можетъ. Она предается своимъ восторгамъ и иногда сама къ себѣ обращается.

ПИСЬ-

ПИСЬМО

Отъ Элоизы къ Абельярду.

Я съ жадностію читала письмо, отъ тебя мнѣ врученное, и уповала, не взирая на всѣ мои нещастія, найти въ ономъ для себя утѣшеніе. Но колико любовниковъ всякая малость огорчить удобна! Суди о нѣжности и силѣ любви моей по сему, что могло возмутить и огорчить мою душу. Надпись письма твоего меня встревожила: почто было, надписывая его ко мнѣ, поставить имя Элоизы прежде Абельярдова? къ чему сія жестокая и несправедливая отмѣна? Твоего имени, названія отца и супруга любопытные мои взоры найти желали, а не свое видѣть имя, которое, какъ причину твоего нещастія, я совсѣмъ забыть хотѣла. Правила благопристойности, званіе учителя и начальника, такимъ твоимъ со мною по-

почтительнымъ изъясненіямъ сопротивляются, и любовь ихъ истребить тебѣ повелѣваетъ. Ахъ! сіе довольно тебѣ извѣстно. Такъ ли ты ко мнѣ писывалъ, когда завистная фортуна еще не опровергнула моего благополучія? Я вижу, что сердце твое отъ меня убѣгаетъ, ты ускоряешь по пути благочестія болѣе, нежели какъ бы я того желала; ты великія пріобрѣтаешь утѣхи, а я, увы! весьма слаба за тобою послѣдовать, удостой меня по крайней мѣрѣ твоимъ ожиданіемъ и ободри твоими совѣтами; будешь ли ты толико жестокосердъ, чтобъ меня оставить? Сіе опасеніе сердце мое проницаетъ; а ужасныя предвѣщанія, которыя кажется о смерти своей ты мнѣ дѣлаешь, и описаніе твое при окончаніи письма, совсѣмъ внѣ себя меня приводятъ. Ахъ жестокой Абельярдъ! тебѣ бы должно отереть

слезы мои, а ты ихъ течь принуждаешь; ты долженствовалъ смущеніе сердца моего успокоить, а ты въ отчаяніе его ввергаешь; ты желаешь, чтобъ я по смерти твоей пеклася о прахѣ твоемъ и отдалабъ тебѣ послѣдній долгъ. Увы! какой духъ внушилъ тебѣ сіи печальныя размышленія и какъ ты могъ мнѣ изобразить ихъ? Опасеніе ими умертвить меня не изторгало ли пера изъ руки твоей? Ты безъ сомнѣнія не воображалъ тѣхъ мученій, въ которыя меня чрезъ сіе ты ввергнулъ. Небо колико ни было противъ меня жестоко, однакожъ не столь меня ненавидитъ, чтобъ оставило жить, хотя одну минуту тебя лишившись. Восхощетъ ли оно, сохраня жизнь мою, заставить меня тысячу кратъ смерть претерпѣвать? Одинъ день безъ дражайшаго моего Абельярда кажется мнѣ несноснымъ наказаніемъ,

а

а смерть щитаю я благомъ, когда чрезъ нее могу съ нимъ соединиться. Естьли небо внемлетъ обѣты, за тебя нами безпрестанно приносимые, то дни твои будутъ безопасны, и ты во гробъ насъ проводишь. Какъ! не ты ли долженъ пріуготовить насъ чувствительными твоими увѣщаніями къ сему великому и трудному пути, которой и самую твердую неустрашимость въ ужасъ приводитъ? Не ты ли долженъ принять послѣднія наши воздыханія, имѣть попеченіе о нашемъ погребеніи и дать отчетъ въ нашихъ нравахъ и нашей вѣрѣ? Кто другой, кромѣ тебя, можетъ достойно представить насъ Богу и проводить къ нему чрезъ усердіе и теплыя молитвы сіи души, присоединенныя тобою къ его служенію торжественными узами? Мы отъ твоей отчей благости сея благочестивыя должности ожидаемъ,

послѣ сего ты будешь свободенъ отъ безпокойствъ, нами тебѣ причиняемыхъ, и оставишь жизнь съ меньшимъ прискорбіемъ. Когда Господу призвать тебя къ себѣ покажется за благо, то, будучи доволенъ трудомъ своимъ и увѣренъ о нашемъ блаженствѣ, можешь за нами послѣдовать. Но до того времени престань, прошу тебя, писать къ намъ о вещахъ, толико ужасныхъ, или мы не довольно еще нещастливы? и должно ли, чтобъ ты еще умножалъ наше злощастіе? Жизнь наша есть ничто иное, какъ медлительное томленіе: восхощешь ли ты лишить насъ и оной? Настоящія наши бѣдствія безпрестанно насъ занимаютъ, такъ нужно ли еще въ предъидущемъ времени искать причинъ къ нашему огорченію? Колико люди, говоритъ Сенека, суть малоразумны, отдаленныя бѣд-

ствія

ствія представляя своему воображенію, и чрезъ то стараясь прежде самой смерти погублять жизнь свою! Когда въ здѣшней юдоли окончишь ты свое теченіе, желаешь, чтобъ тѣло твое пренесено было въ нашу обитель, дабы, всегда пребывая предъ нашими очами, никогда не могъ выпти изъ нашей памяти, и чтобъ прахъ твой укрѣплялъ наше благочестіе и возбуждалъ наши молитвы: или ты щитаешь насъ удобными истребить тѣ черты, коими ты изображенъ въ сердцахъ нашихъ, и забыть твои благодѣянія? Какое мы изберемъ время къ принесенію молитвъ, коихъ ты отъ насъ требуешь? Увы! я буду тогда жертвою другихъ попеченій. Толико злобное нещастіе позволитъ ли мнѣ хотя на одну минуту спокойствіе имѣть? Удрученный мой разумъ возможетъ ли сопротивляться толь сильнымъ нападе-

деніямЪ? Тогда, вЪ ужасЪ приведенная, огорченная и имѣя разумЪ возмущенной, естьли смѣю такЪ сказать противЪ самаго Бога, не столь буду способна приносить ему молитвы, какЪ раздражать его моими криками и укоризнами. Но какіе крики? увы! Могу ли я нещастная кЪ пренесенію сей горести имѣть столько крѣпости? Я болѣе спѣшить буду за тобою послѣдовать, нежели воздать тебѣ печальныя почести погребенія. Се для тебя, для моего Абельярда, предпріяла я продолжать жизнь мою! ЕжелижЪ тебя отЪ меня похитятЪ, кЪ чему тогда сіи злощастные дни мнѣ будутЪ потребны? АхЪ! коликой жалости я буду достойна, естьли небо изЪ жестокаго сожалѣнія сохранитЪ жизнь мою до сей бѣдственной минуты! Только что представлю себѣ сіе разлученіе, то всю жестокость смерти ощущаю; чтожЪ

тогда со мною будетъ, великій Боже? И такъ престань влагать въ душу мою толь горестныя впечатлѣнія, естьли не для любви ко мнѣ, то хотя изъ жалости. Ты хочешь, чтобъ я посвятила себя моей должности, и увѣщаваешь меня совершенно предаться Богу, но какъ могу я сіе исполнить въ то время, какъ ты увѣдомляешь меня о такихъ вещахъ, кои и денно и нощно всѣ мысли мои занимаютъ? Когда нещастіе намъ угрожаетъ и отвратить онаго не возможно, почто предавать себя прежде времени безполезному и жесточайшему страху самыхъ тѣхъ бѣдствій, коихъ мы страшимся? почто не подражаемъ мы славному стихотворцу, приносящему сію молитву богамъ своимъ:

Естьли какими нещастіями жизнь моя (угрожаема,
Великіе Боги, не отлагая вдаль, заставьте (меня ихъ возчувствовать.

Чтобъ жить щастливо, должно изгнать
(изъ своихъ мыслей
Тѣ бѣдствія, отъ коихъ тщетно хотѣ-
(либъ защититься.
Будущихъ досадъ печальное предвидѣніе
Прежде времени даетъ намъ чувство-
(вать ихъ жестокость.
Да будетъ мнѣ позволено жить безъ
(боязни,
Ласкаяся всегда сладкою надеждою.

Какою же надеждою я могу ласкаться, тебя лишася? Что можетъ удержать меня въ мірѣ, когда смерть похититъ у меня то, что меня къ оному привязывало? Я безъ труда отреклася отъ всѣхъ прелестей въ жизни, одну только мою любовь сохранила и тайное удовольствіе помышлять безпрестанно о тебѣ и знать, что ты еще живъ, хотя, увы! живешь ты уже не для меня, и я не смѣю уже ласкать себя твоимъ образомъ усладить моихъ взоровъ. Ахъ! безъ сомнѣнія сіе-то есть главнѣйшее изъ моихъ зло-

щастій. Безжалостная фортуна! не довольно ли ты меня гнала? ты истощила на меня всѣ твои стрѣлы, не осталось у тебя оныхъ столько, чѣмъ бы могла ужасать прочихъ человѣковъ; моими мученіями ты утомилась и другіе гнѣва твоего не должны уже страшиться: то на что теперь тебѣ противъ меня оружіе? Многочисленныя язвы, коими ты меня покрыла, еще прибавить мнѣ оныхъ тебѣ воспрещаютъ. Почто я не могу принудить тебя предать меня смерти? Ты боишься, жестокая, не взирая на всѣ мученія, коими меня обременяешь; ты боишься, чтобъ скорая смерть отъ оныхъ меня не освободила; ты, сохраняя жизнь мою, каждую минуту меня умерщвляешь. Дражайшій Абельярдъ! жалѣй о моемъ отчаяніи. Видалъ ли кто кого злощастнѣе меня? Чѣмъ болѣе ты меня предпочелъ прочимъ жен-

щинамъ, завидующимъ мнѣ въ твоей любви, тѣмъ болѣе трата сердца твоего мнѣ чувствительна. Я для того достигла до верьху благополучія, чтобъ паденіе мое было жесточае. Какъ прежде ничто не могло сравняться съ моими удовольствіями, такъ теперь ничто же не можетъ уподобиться моимъ горестямъ. Слава моя навлекла мнѣ тысячу завиствующихъ, и нещастіе мое приводитъ въ сострадание всѣхъ, кто меня увидитъ. Фортуна меня всегда изъ одной чрезвычайности въ другую ввергала; она на то наградила меня пріятнѣйшими изъ своихъ благодѣяній, дабы обременить меня ужаснѣйшими злощастіями. Хитрая изобрѣтательница моихъ мученій хотѣла, чтобъ воспоминаніе о прежнемъ моемъ благополучіи къ пролитію слезъ было неизчерпаемымъ источникомъ; чтобъ любовь, лишась предмета, къ коему ее пи-

 тала,

тала, въ жесточайшее огорченіе для меня превратилась; наконецъ она въ томъ весьма успѣла. Печаль, меня снѣдающая, толикожъ для меня несносна, колико были мнѣ пріятны плѣняющіе меня восторги. То меня болѣе всего раздражаетъ, что нещастіе наше началось въ то самое время, когда мы наименѣе то заслуживали; тогда, какъ оба мы предавались стремленію преступныя любви; ничто беззаконнымъ нашимъ забавамъ не сопротивлялося. Естьли иногда опасность отъ ревнующихъ намъ и возмущала любовныя наши украдки, то оной страхъ еще новыя придавалъ пріятности нашимъ утѣхамъ; а едва только отвергли мы то, что въ страсти нашей было непозволеннаго, и нашли въ супружествѣ убѣжище отъ угрызѣній совѣсти, какъ вся ярость неба на насъ излилася, и какоежъ наказаніе надъ тобою свершилося?

Одно воспоминаніе онаго трепетать заставляетъ. Огорченной и правамъ своимъ ревнующій супругъ можетъ ли изобрѣсть жесточае сего наказаніе дерзновенному, разрушившему вѣрность брака? Но свирѣпой дядя какое могъ имѣть право надъ тобою? Мы другъ другу были обязаны предъ престоломъ Господнимъ, и сіе одно долженствовало тебя отъ свирѣпости враговъ нашихъ дѣлать безопаснымъ. Должно ли было, чтобъ супруга навлекла на тебя наказаніе, не долженствующее упасть, какъ на беззаконнаго развратителя? Еще и не разлучены ли мы были? Ты, будучи занятъ твоимъ упражненіемъ, открывалъ ученымъ людямъ и любопытствующимъ внимать твоихъ наставленій такія тайны, коихъ высокіе умы не могли проникнуть; а я, съ удовольствіемъ повинуясь твоему желанію, удалясь въ монастырь, про-

вождала цѣлые дни, помышляя о тебѣ, а иногда размышляя надъ священнымъ писаніемъ. Въ сіе-то самое время сталъ ты жертвою нещастнѣйшія любви; ты загладилъ собою порокъ, бывшій намъ общимъ, одинъ наказанъ ты, а оба мы были виновны. Ктожъ наименѣе въ ономъ былъ участникомъ, тотъ предметомъ всего мщенія варварскаго учинился; но почто мнѣ противъ убійцъ твоихъ ожесточаться? Я нещастная, я тебя погубила, я источникъ всѣхъ твоихъ бѣдствій. Ахъ, Боже мой! на то ли я родилася, чтобъ быть причиною толико печальнаго произшествія? Колико опасно великому человѣку попустить себя прельститься нашимъ поломъ! Съ самаго младенчества должно ему стараться учинить сердце свое противъ погибельныхъ нашихъ прелестей нечувствительнымъ. Внемли, сынъ мой, (вѣщалъ нѣкогда пре-

премудрѣйшій изъ человѣковъ) внемли и сохраняй мои наставленія: естьли какая красота взорами своими прельстить тебя восхощетъ, не давай надъ собою власти склонности, весьма зловредной, отвергни ядъ, ею тебѣ подносимый, и не слѣдуй по стезямъ, ею тебѣ предложеннымъ: домъ ея есть врата погибели и смерти. Я долгое время всѣ вещи испытывалъ и нашелъ, что самая смерть есть зло меньше опасное, нежели красота женская. Се камень, вольность твою сокрушающій! се бѣдственныя оковы, насъ обременяющія, отъ коихъ никогда не можно освободиться! Женщина низвергнула перваго человѣка изъ славнаго состоянія, въ каковомъ Богомъ онъ сотворенъ былъ. Та, которая на тотъ конецъ была сотворена, дабы раздѣлять его благополучіе, стала единственною причиною всей его погибели. Сампсонъ! коликобъ слава твоя

была блистательна, естьлибъ сердце твое толикожъ было крѣпко противъ прелестей Далиды, каково оное было противъ оружія Филистимлянъ. Многочисленныхъ воинствъ ихъ побѣдитель! женщина, тебя обезоружа, тебѣ измѣняетъ; ты видишь себя преданнымъ въ руки твоихъ злодѣевъ, лишенъ тѣхъ очей, кои попустили любовь въ душу твою проникнуть, смущенъ и безъ всякія надежды умираешь съ единственнымъ утѣшеніемъ, что купно съ собою могъ погубить враговъ твоихъ. Въ угодность женамъ Соломонъ оставилъ тщаніе угождать Богу. Сей Царь, коего премудрости со всѣхъ странъ стекались удивляться, котораго Господь избралъ создать храмъ себѣ, оставляетъ богослуженіе, коего казался быть защитникомъ, и даже до воскуренія истуканамъ простираетъ свое безуміе. Іовъ не имѣлъ жесточайшаго

го врага себѣ, какъ собственную жену свою: какихъ напастей онъ не претерпѣлъ? Духъ искуситель, учинившійся его гонителемъ, употребилъ жену къ поколебанію его постоянства. И сей-то самой духъ употребляетъ Элоизу къ погубленію Абельярда! Одно только слабое утѣшеніе мнѣ остается, что я не самопроизвольною была причиною твоихъ злощастій, не измѣна моя, а вѣрность и любовь моя тебя погубили. Естьли то причтено мнѣ въ преступленіе, что весьма постоянно тебя любила, такъ нѣтъ надежды раскаяться мнѣ въ моемъ преступленіи. Правда, я слишкомъ предавалась сладкимъ заблужденіямъ, кои раждающаяся моя страсть въ меня влагала, со вредомъ моей добродѣтели искала быть тебѣ пріятною, чрезъ то умножила наказаніе, которое теперь претерпѣваю. Преступныя мои восхищенія не могли

ли имѣть инаго окончанія, кромѣ бѣдственнаго и печальнаго. Лишь только я увѣрилась въ любви твоей, увы! я тогда ни малаго не хотѣла въ клятвахъ твоихъ имѣть сомнѣнія. Весьма лестно для меня казалося быть любимою Абельярдомъ, и весьма нетерпѣливо желая сего преимущества, ни на одну минуту сомнѣніе не могло мыслей моихъ встревожить, а того единственно искала, чтобъ увѣрить тебя во всей моей нѣжности. Я не противопоставляла тебѣ въ защищеніе себя строгія гордости и не повиновалася скучнымъ представленіямъ разума. Сіи тиранны забавъ нашихъ, владычествующіе надъ нашимъ поломъ, противъ тебя весьма слабое и тщетное дѣлали сопротивленіе. Я все посвятила любви моей и принудила ихъ уступить желанію учинить щастливымъ любезнѣйшаго и ученѣйшаго изъ всѣхъ чело-

вѣ-

вѣковъ; а естьли какія размышленія и могли остановить меня, ахъ! безъ сомнѣнія не иныя, какъ тѣ, чтобъ не лишиться любви твоей. Страшилась я, чтобъ получа всѣ свои желанія, страсть твоя не ослабѣла, и чтобъ не сталъ ты искать индѣ того удовольствія, которое приноситъ полученіе новой побѣды. Но тебѣ не трудно было изцѣлить меня отъ моихъ подозрѣній, которыя противъ воли моей меня возмущали. Я должна была предвидѣть вѣрнѣйшія сего нещастія, предвидѣть то, что оставшееся воображеніе о моихъ утѣхахъ будетъ вредно спокойствію жизни моей. Коликобъ щастлива я была, естьлибъ могла слезами моими истребить воспоминовеніе, оставшееся о прошедшихъ удовольствіяхъ, и которое сохранять толико мнѣ пріятно! Я хочу по крайней мѣрѣ употребить противъ себя нѣкое великодушное уси-

усиліе, хочу, угнѣтя въ сердцѣ моемъ желанія, которыя тлѣнная природа въ ономъ возраждаетъ, употребить надъ собою тѣ же самыя мученія, какія враги твои тебя претерпѣть заставили. Постараюсь тѣмъ тебя удовольствовать, естьли раздраженному Богу сіе не будетъ угодно: ибо наконецъ открою тебѣ жалостное мое состояніе. Мое раскаяніе не можетъ гнѣва его утишить, я ежеминутно дерзаю обвинять его свирѣпостію, что предалъ тебя на жертву врагамъ твоимъ, и вмѣсто того, чтобъ должна была помышлять угасить огнь ярости его, я роптаніями моими болѣе оной на себя возжигаю. Претерпѣваемое наказаніе не довольно для заглажденія преступленія, естьли страсти еще не погасли и естьли сердце тѣми же еще желаніями пылаетъ. Не трудно признавать свои слабости и наказывать себя за оныя; но ко-

ликое

ликое должно употребить противъ себя насиліе, чтобъ забыть тѣ удовольствія, которыя чрезъ пріятную привычку совершенными обладателями разума нашего учинились! Сколько видимъ мы людей, дѣлающихъ откровенное признаніе въ своихъ погрѣшностяхъ! Но вмѣсто того, чтобъ оныя оплакивать, они новое находятъ удовольствіе о нихъ повторять. За изустнымъ признаніемъ должно послѣдовать и сердечное сокрушеніе. Но сіе-то весьма рѣдко случается. А я, находившая толико удовольствій въ любви съ тобою, довольно чувствую, что не могу вѣчно въ томъ раскаяться, ниже престать тѣмъ столько восхищаться, сколько возможно мнѣ. Возобновляя оныя въ моемъ воображеніи, коликія ни дѣлаю усилія, въ которую страну ни обращаюся, дражайшая мысль за мною повсюду слѣдуетъ, все представляетъ очамъ моимъ и мыслямъ тотъ образъ, ко-

которой должна я забыть. Во время тишины нощныя, когда сердце мое должно успокоиться посреди глубокаго сна, которой величайшія безпокойства прерываетъ, не могу избѣжать мечтаній, отъ смущеннаго сердца моего раждающихся: воображаю, будто я еще съ дражайшимъ моимъ Абельярдомъ, вижу его, внимаю его рѣчи и сама говорю съ нимъ; прельщенные другъ другомъ, оставляемъ ученіе Философіи, пріятнѣйшіе разговоры о нашей страсти ея мѣсто заступаютъ; иногда также мечтаю себя быть свидѣтельницею кроваваго предпріятія твоихъ злодѣевъ, сопротивляюсь ихъ свирѣпости, наполняю весь домъ ужасными криками. Сонъ мой прерывается и вижу себя въ слезахъ моихъ утопающею. Въ мѣста священнѣйшія, къ самому олтарю Господню приношу съ собою преступное воспоминовеніе прошедшихъ забавъ нашихъ. Въ

томъ состоитъ все мое упражненіе, и вмѣсто того, чтобы стенать мнѣ о томъ, что допустила прельстить себя, я воздыхаю, что всего онаго лишилася. Привожу себѣ на память (можетъ ли любовниками что быть забыто?) ту минуту и мѣсто, гдѣ въ первой разъ ты объявилъ мнѣ любовь свою и клялся мнѣ любить меня до конца жизни твоей. Твои слова и твои клятвы всѣ изображены на сердцѣ моемъ; примѣтно изъ рѣчей моихъ смущеніе, меня терзающее, вздохи мои мнѣ измѣняютъ и имя твое каждую минуту изъ устъ моихъ излетаетъ. Въ семъ состояніи, о Боже мой! почто не сжалишься ты надъ моею слабостію? почто благодатію твоею меня не укрѣпляешь? Щастливъ ты, Абельярдъ: благодать сія тебя предупредила, нещастіе твое доставило тебѣ спокойствіе, раны, на тѣлѣ твоемъ претерпѣнныя,

ныя, смертельныя язвы души твоей изцѣлили, буря ввела тебя въ пристанище, и Богъ, которой, казалося, отягощалъ руку свою надъ тобою, чрезъ то искалъ твоего спасенія; онъ есть наказующій отецъ, а не врагъ отмщающій; онъ есть премудрый врачь, заставившій тебя для того претерпѣть, дабы сохранить жизнь твою. Участь моя болѣе твоей жалости достойна; я имѣю тысячу страстей, должна побѣждать и сопротивляться сему пламени, которой любовь въ юномъ сердцѣ возжигаетъ. Полъ нашъ есть ничто иное, какъ слабость, а тѣмъ паче трудно мнѣ себя защитить, что люблю врага, на меня нападающаго, и погибель, мнѣ угрожающая, мнѣ пріятна. Какъ же могу я въ оной не погибнуть? Однакожъ между всѣхъ сихъ противоборствій стараюсь по крайней мѣрѣ скрывать мое порабощеніе отъ дѣвъ,

ввѣ-

ввѣренныхъ тобою моимъ попеченіямъ. Всѣ, меня окружающія, удивляются моей добродѣтели; но естьлибъ взоры ихъ могли проникнуть во глубину сердца моего, чтобъ они тамъ увидѣли? Волнованіе страстей моихъ. Я повелѣваю другими, а сама собою не могу управлять; имѣю одну ложную наружность, и сія внѣшняя добродѣтель есть дѣйствительной порокъ. Люди меня находятъ достойною похвалъ, а проницательнымъ очамъ Бога кажуся достойною осужденія: отъ него нѣтъ ничего сокрытаго, сокровеннѣйшія мѣста души нашей предъ нимъ суть отверсты, не могу утаиться отъ его познанія, довольно для меня и того, что покрываю мои слабости наружнымъ благочестіемъ. Сіе трудное притворство нѣкоторымъ образомъ похвально: ибо чрезъ то не дѣлаю соблазна людямъ вѣка, толико

 склон-

склоннаго послѣдовать худымъ примѣрамъ, и не возмущаю добродѣтели сихъ слабыхъ горлицъ, ввѣренныхъ моему предводительству; имѣя сердце, наполненное любовію земною, по крайней мѣрѣ ихъ увѣщаваю любить единаго Бога; прельщеннымъ пышностію и забавами свѣта стараюсь открывать, что оныя ничто иное суть, какъ обманъ и суета. Я довольно имѣю крѣпости, чтобъ скрывать отъ нихъ склонность мою, и сіе щитаю въ себѣ сильнымъ дѣйствіемъ благодати, которая естьли не влечетъ меня обратиться къ добродѣтели, по крайней мѣрѣ она не допускаетъ меня зла сотворить. Однакожъ тщетно бы хотѣла сіи двѣ вещи раздѣлить. Виновенъ тотъ, кто недостоинъ оной, и удалишься отъ добродѣтели, естьли престанешь оной искать, и притомъ желать сего должно не для другой какой при-

причины, какъ изъ единственныя любви къ Богу. Увы! чегожъ мнѣ надѣяться? Признаюся къ стыду моему, что болѣе страшуся раздражить смертнаго, нежели раздражить Бога. Не имѣю другаго попеченія, какъ только чтобъ тебѣ быть угодною. Такъ, твое повелѣніе, а не искреннее обращеніе, какъ то думаютъ другіе, заключило меня въ сіе обиталище покаянія. Я чрезъ то не спасенія своего искала, а чтобъ доставить тебѣ спокойствіе. Какое мое нещастіе! Лишаю себя всего, что могло меня утѣшать, живую себя погребаю, наблюдаю посты и всѣ жестокости, которыя строгія правила на меня налагаютъ; питаюсь слезами и безпокойствами, и при всемъ томъ не заслуживаю ни единаго награжденія за всѣ скорби, мною претерпѣваемыя. Ложное мое благочестіе долго и тебя, также какъ другихъ, обманывало.

Ты чаялъ меня быть спокойною, а я еще болѣе была смущенна, нежели прежде ты былъ увѣренъ, что я прилѣжу къ исполненію моихъ должностей, а я, кромѣ любви, ничѣмъ не занималася. Въ семъ заблужденіи ты требовалъ отъ меня, чтобъ я о тебѣ молилася? Я отъ тебя сего должна ожидать; не полагайся много на мою добродѣтель и изцѣленіе; я колеблюсь, тебѣ должно утвердить меня твоими молитвами; я еще слаба, и ты долженъ укрѣпить меня и возставить на путь твоими совѣтами. Что тебѣ вздумалося меня выхвалять? Похвалы часто бываютъ вредны тѣмъ, кому оныя приносятся: отъ нихъ раждается въ сердцѣ потаенное тщеславіе, которое, затмѣвая наше зрѣніе, скрываетъ отъ насъ язвы, мало еще изцѣленныя. Прелестникъ льститъ намъ, и въ то же самое время ищетъ нашей погибели; истин-

тинной же другъ ничего отъ насъ не скрываетъ; онъ вмѣсто того, чтобъ легкимъ образомъ до страждущаго члена коснуться, приложа цѣлительныя мази, заставитъ насъ живо оныя возчувствовать. Почто же ты не такъ со мною поступаешь? Развѣ ты хочешь прослыть несправедливымъ и опаснымъ ласкателемъ? или, естьли ты примѣчаешь во мнѣ нѣчто похвалы достойное, то не страшишься ли ты, чтобъ тщеславіе, толико свойственное всѣмъ человѣкамъ, онаго не истребило? Не будемъ судить о добродѣтели по одной суетной наружности; ибо оная столь же часто находится въ отверженныхъ, какъ и избранныхъ. Искусство проворнаго обманщика часто въ оную облекается, и болѣе еще иногда привлекаетъ къ себѣ удивленія, нежели истинная ревность величайшихъ праведниковъ. Человѣческое сердце

 есть

есть точной лавиринтъ, котораго всѣхъ сокровенныхъ путей никакъ не можно открыть. Твои же похвалы тѣмъ болѣе для меня опасны, что люблю того, отъ кого онѣ происходятъ. Чѣмъ болѣе желаю быть тобой любимою, тѣмъ паче влечетъ меня вѣрить всему тому, что ты мнѣ приписываешь. Ахъ! старайся лучше воздерживать мои слабости спасительными убѣжденіями, имѣй болѣе опасенія, нежели увѣренія о моемъ спасеніи, и не говори болѣе, что добродѣтель, кромѣ нашей слабости, не имѣетъ другаго основанія, и что вѣнецъ получаетъ тотъ, кто болѣе имѣлъ труда побѣдить оныя. Я не ищу вѣнца сей побѣды, а желаю только избѣжать погибели. Гораздо надежнѣе защищать себя, нежели вдаваться въ сраженіе. Слава на многія степени раздѣляется; я не желаю въ ней превосходнѣйшихъ,

а

а оставляю ихъ тѣмъ великимъ духамъ, которые много разъ были побѣдителями. Я не льщуся побѣждать, опасаясь лишиться побѣды. Щасливабъ я была, естьлибъ могла избѣжать кораблекрушенія и наконецъ въ пристанище достигнуть. Небо повелѣваетъ мнѣ отрещися бѣдственной страсти, къ тебѣ меня привлекающей, ахъ! но сердце мое не можетъ вѣчно на то склониться. Прощай!

Элоиза.

СОДЕРЖАНІЕ
Нижеслѣдующщаго письма.

Абельярдъ, творящій истинное покаяніе въ своемъ уединеніи и помышляющій единственно о своемъ спасеніи, не желаетъ болѣе получать писемъ отъ Элоизы, описываетъ ей опасность, въ которую чтеніемъ ихъ себя ввергаетъ, и старается увѣрить ее, что они должны забыть другъ друга. Увѣщаваетъ ее одержать надъ собою сію важную побѣду; и какъ сопротивникъ никогда столь не блистаетъ, какъ возраженіемъ на мнѣнія своего сопротивника, то онъ, представя ей безпокойства сердца, смущаемаго преступною любовію, представляетъ ей выгоды души спокойныя и повинующейся божественнымъ уставамъ. Будучижъ онъ человѣкъ весьма разумной, не могъ не вѣдать, что предлагаетъ Элоизѣ вещи, весьма трудныя къ исполненію, и зналъ, что не легко истребить изъ сердца страсть, глубоко въономъ вкоренившуюся. И для того онъ, научая ее средствамъ онаго достигнуть, обнадеживаетъ ее, что теплыми своими молитвами будетъ вспомоществовать ея усиліямъ.

ПИСЬ-

ПИСЬМО
Отъ Абельярда къ Элоизѣ,

Служащее отвѣтомъ на предъидущее письмо.

Не пиши ко мнѣ, Элоиза, не пиши болѣе, время намъ прервать переписку, дѣлающую раскаянія наши безплодными, не будемъ болѣе себя обманывать. Доколѣ не престанемъ мы забавлять себя воображеніемъ прошедшихъ нашихъ удовольствій, дотолѣ жизнь наша все будетъ смущаема и сладости уединенія не вкусимъ. И такъ начнемъ употреблять во благо наше раскаяніе и не будемъ болѣе въ строгомъ покаяніи о преступныхъ предметахъ воспоминать Да умерщвленіе тѣла и духа, строгой постъ, безпрестанное и ничѣмъ непрерываемое уединеніе, глубокія и священныя размышленія, искренняя любовь къ Богу, да все сіе, говорю я, возможетъ послѣдовать за нашими безпорядками! Устре-

Устремимся возвысить духовное совершенство до такого пункта, до коего трудно достигнуть. Славно, чтобъ были въ Христіянствѣ нѣкоторыя души, толико отрекшіяся свѣта, всея твари и самихъ себя, которыя кажутся быть не зависящими отъ тѣла, въ коемъ заключены, и имъ, какъ рабомъ своимъ, повелѣваютъ. Кромѣ же сего нѣтъ другаго способа, чрезъ которой бы можно было толь высоко вознестися до самаго Бога. Коль бы великія старанія къ сему ни прилагали, всегда найдутъ себя весьма отдаленными отъ сего высочайшаго Божества, до коего самые взоры наши не могутъ достигнуть. Будемъ трудиться ради Бога, не завися отъ его творенія, и самихъ себя, не будемъ болѣе уважать наши желанія и мнѣнія другихъ. Когдабъ мы уже въ такомъ состояніи находилися, Элоиза, я бы съ охотою пришелъ прово-

вождать жизнь мою въ Параклѣ. Тамо бы мои горячія и неутомимыя старанія для общества, мною основаннаго, привлекали на оное тысячу особливыхъ пріятностей; я наставлялъ бы васъ моими словами и поощрялъ моимъ примѣромъ; я бы повелѣвалъ, или, паче сказать, бдѣлъ о жизни сестръ твоихъ, заставлялъ бы васъ молиться, размышлять, трудиться и безмолвствовать, и самъ бы съ вами молился, размышлялъ, трудился и сохранялъ бы безмолвіе.

Однакожъ иногда и говорилъ бы съ вами, но сіе было бы для возстановленія васъ отъ вашего паденія, для укрѣпленія васъ въ слабостяхъ и для просвѣщенія васъ во тьмѣ и мракѣ, которой иногда можетъ нечаянно васъ постигнуть. Я утѣшалъ бы васъ въ сихъ горестяхъ, которыя толико добродѣтельнымъ людямъ и отличи-

чившимся своею ревностію суть извѣстны; также удерживалъ бы стремленіе вашего усердія и благочестія и положилъ бы справедливую умѣренность вашему духовному пламени, научалъ бы васъ правиламъ, которымъ вы должны послѣдовать, и объяснялъ бы ваши сомнѣнія, отъ слабости разсудка вашего произойти могущія; я бы былъ вашимъ наставникомъ и отцомъ, и чрезъ мое дарованіе дѣлалъ бы себя или скорымъ, либо медлительнымъ, кроткимъ, или строгимъ, смотря по различнымъ характерамъ тѣхъ, коихъ старался бы я поставить на трудной путь совершенства Христіянскаго.

Куда влечетъ меня суетное воображеніе? Ахъ, Элоиза! коль далеки мы отъ сего щастливаго положенія! Сердце твое еще находится жертвою бѣдственнаго пламени, которой угасить ты безсиль-

сильна, а въ моемъ я чувствую смущеніе и безпокойство. Не думай, чтобы я здѣсь глубокою тишиною наслаждался. Элоиза! должно, чтобъ въ послѣдній разъ я открылъ тебѣ состояніе души моей: я отъ тебя еще несвободенъ, тщетно сражаюся съ чувствами, весьма нѣжными. Не смотря на всѣ мои принужденія, чувствую, что остатокъ любви дѣлаетъ меня чувствительнымъ къ твоимъ безпокойствамъ, и раздѣлять съ тобою меня ихъ принуждаетъ. Письма твои, признаюся, меня тронули, я не могъ безъ движенія читать слова, начертанныя толико любезною рукою; я испускаю вздохи, слезы текутъ изъ очей моихъ и весь мой разсудокъ едва успѣваетъ сокрыть мою слабость отъ взоровъ учениковъ моихъ. Такъ, нещастная Элоиза, въ такомъ-то состояніи находится нещастной Абельярдъ! Свѣтъ, почти всегда обма-

обманывающійся въ своихъ разсужденіяхъ, чаетъ меня быть спокойнымъ, и какъ будто я любилъ въ тебѣ одни только чувственныя удовольствія, и воображаетъ, что ты мною забыта. Колико грубо сіе заблужденіе! Я увѣренъ, что люди воображали, когда мы съ тобою разлучилися, что стыдъ и отчаяніе, видя съ собою толь жестокой поступокъ, принудили меня разстаться съ свѣтомъ, какъ будто бы любовь моя не могла изобрѣсть тысячу удовольствій, толикожъ чувствительныхъ, какъ и то, коего лишенъ я отъ Фульберта. Истиннаяжъ сего причина тебѣ извѣстна. Справедливое раскаяніе въ раздраженіи Бога внушило мнѣ намѣреніе удалиться. Я понималъ приключеніе, случившееся съ нами, за тайное повелѣніе неба, наказующаго наши преступленія. Я уже не иначе почиталъ жестокаго Фульберта, какъ исполнителемъ

Го-

Господняго мщенія. Единая благодать ввела меня въ убѣжище, въ коемъ я пребывалъ бы и по нынѣ, естьлибъ враги мои меня изъ онаго не изгнали. Я всѣ ихъ гоненія сносилъ терпѣливо, ни мало не сомнѣваясь, чтобъ не самъ Богъ насылалъ на меня оныя для моего очищенія.

Когдажъ онъ меня увидѣлъ святымъ его произволеніямъ совершенно покорнымъ, то позволилъ мнѣ оправдать мое ученіе. Я всенародно учинилъ оное, и наконецъ доказалъ, что вѣра моя была не только что православная, но и отъ всякаго подозрѣнія введенія новости свободна.

Коль бы щастливъ я былъ, естьлибъ однихъ только враговъ моихъ имѣлъ опасаться, и естьлибъ кромѣ клеветы ихъ не было другаго препятствія къ моему спасе-

нію! Но ты меня, Элоиза, ты трепетать заставляешь, твои письма даютъ мнѣ знать, что ты все еще бѣдственной страсти подвластна; и естьли ты оной не преодолѣешь, должно отрещися твоего спасенія, а мнѣ что велишь ты предпріять? Или ты хочешь, чтобъ сдѣлавшись возмутителемъ противъ Святаго Духа, истребилъ его вдохновенія и въ угодность тебѣ шелъ бы осушить слезы, кои діяволъ течь понуждаетъ? Такой ли будетъ плодъ всѣхъ моихъ размышленій? Ахъ! будемъ твердѣйшими въ нашихъ предпріятіяхъ; мы не для инаго чего себя заключили, какъ чтобы оплакивать наши прегрѣшенія и стараться своими заслугами быть включенными въ число избранныхъ. И такъ начнемъ отъ всего нашего сердца предавать себя Богу.

Я знаю, что при начинаніи каждой вещи встрѣчаются трудности,

ности, но славно предпріять и начать великое дѣло, и слава сія прибавляется по мѣрѣ находящихся въ исполненіи онаго затрудненій, почему и мы должны мужественно побѣдить всѣ предстоящія намъ препятствія въ обращеніи къ Христіянской добродѣтели. Въ монастыряхъ-то люди испытуются, подобно какъ злато въ горящей пещи; въ оныхъ-то никто долго не можетъ пробыть, естьли не носитъ достойно ига Господня.

Сколь бы совершенъ кто ни былъ, и тотъ бываетъ иногда искушаемъ, нѣкоторыяжъ искушенія полезны, и не должно тому удивляться, что человѣкъ не можетъ быть свободенъ отъ искушенія, понеже онъ въ самомъ себѣ источникъ онаго сохраняетъ, то есть сладострастіе. Едва мы отъ одного искушенія освобождаемся, другое тотчасъ за нимъ послѣ-

дуетъ. Се участь потомства Адамова, чтобъ всегда имѣть нѣчто претерпѣвать! ибо первобытное свое блаженство утратили. Да не ласкаемъ себя, чтобы бѣгствомъ могли восторжествовать надъ искушеніемъ, къ которому естьли не присовокупимъ терпѣнія и Христіанскія кротости, то страданіе наше будетъ безполезно; вѣрнѣе же можно оное побѣдить, прося помощи отъ Бога, нежели оружіемъ, которое собственныя наши мысли намъ представляютъ.

Будь твердою, Элоиза, имѣй надежду на Господа, тогда менѣе будешь имѣть искушеній, тебя возмущающихъ; а естьли они придутъ овладѣть тобою, угнѣтай ихъ при самомъ ихъ рожденіи, не попускай онымъ въ сердцѣ твоемъ утвердиться. Врачуй болѣзнь при самомъ ея началѣ, вѣщалъ нѣкто изъ древнихъ: ибо естьли попу-

стишь

стишь оной возрасти, то никогда уже не возможешь изцѣлѣть дѣйствительно. Искушеніе по степенямъ приближается: сначала оно кажется простою только мыслію, ни мало не опасною; воображеніе безъ страха оное пріемлетъ, въ которомъ изъ него составляется лестное для насъ удовольствіе; мы при немъ остановляемся и наконецъ во власть онаго совсѣмъ предаемся.

Я не сомнѣваюсь, Элоиза, чтобъ ты не помышляла о своемъ спасеніи: оно есть единственной предметъ, долженствующій сердце твое занимать, а меня истреби навсегда изъ онаго. Се наилучшій совѣтъ, которой я могу тебѣ подать! ибо воспоминовеніе о человѣкѣ, котораго преступно любили, не можетъ быть безвредно, коликіебъ ни имѣли на пути спасенія успѣхи. Когда же истребишь

ты бѣдственную склонность, которую ко мнѣ имѣешь, тогда исполненіе всѣхъ добродѣтелей, приличествующихъ твоему состоянію, будетъ для тебя нетрудно, душа твоя съ радостію оставитъ сіе бѣдное тѣло, въ которомъ она заключена, и къ небесамъ свой полетъ направитъ; тогда съ надеждою ты предъ Господа предстанешь и не увидишь въ книгѣ животной словъ, воспрещающихъ тебя пріять. Самъ Господь тогда речетъ тебѣ: гряди, дщерь моя, гряди раздѣлять славу мою, наслаждайся вѣчною наградою, уготовленною мною добродѣтелямъ, тобою исполняемымъ.

Прощай, Элоиза! вотъ послѣдніе совѣты твоего любезнаго Абельярда. Въ послѣдній разъ почто я не могу тебя утвердить въ святѣйшихъ правилахъ Евангелія? Да благоволитъ небо, чтобъ сер-

сердце твое, бывшее нѣкогда толико чувствительнымъ къ любви моей, склонилося теперь повиноваться моему усердію! да образъ влюбленнаго Абельярда, всегда въ мысляхъ твоихъ обращающійся, воспріиметъ съ сего времени видъ Абельярда, истинное покаяніе приносящаго, и да возможешь ты толикожъ пролить слезъ о твоемъ спасеніи, колико пролила оныхъ во время продолженія нашихъ злощастій!

Абельярдъ.

ПИСЬМО
Отъ Элоизы къ Абельярду.

Любезной Абельярдъ! ты, можетъ быть, ожидаешь отъ меня упрековъ за твое нераченіе, по которому ты на послѣднее письмо мое не отвѣтствовалъ; но я то щитаю за особливое милосердіе, низпосланное отъ Бога. Въ нынѣшнемъ моемъ состояніи должна я почитать за щастіе, что вижу тебя къ бѣдственной моей страсти нечувствительнымъ: ибо наконецъ, любезной Абельярдъ, ты потерялъ уже навсегда твою Элоизу; не взирая на всѣ клятвы, коими заклинала себя никого, кромѣ тебя, не любить и ни о комъ, кромѣ тебя, не помышлять, я тебя изъ мыслей моихъ истребила, я тебя забыла. Сладостныя воображенія о любовникѣ, мною обожаемомъ! вы не будете болѣе составлять моего удовольствія. Дражайшій образъ Абельярдовъ, повсю-

всюду за мною послѣдовавшій! я не хочу болѣе о тебѣ воспоминать. Блестящія достоинства человѣка, которой, не взирая на злость враговъ своихъ, былъ удивленіемъ своего вѣка! прелестныя удовольствія, которымъ Элоиза безъ разсужденія предавалася! вы терзаете мое воображеніе. Абельярдъ! я безъ стыда признаюся тебѣ въ моей невѣрности, непостоянство мое да научитъ міръ, что не должно полагаться на обѣщанія человѣковъ: они всѣ подвержены премѣнѣ. Ты смущаешься, Абельярдъ? Сія новость безъ сомнѣнія тебя удивляетъ: ты не можешь вообразить, чтобъ Элоиза учинилась невѣрною, которая толь сильною страстію къ тебѣ пылала; что ты понять того не можешь, какъ бы время могло истребить оную. Выйди изъ твоего заблужденія; я открою тебѣ мою невѣрность, и вмѣсто того, чтобъ сталъ ты упрекать мнѣ за оную,

я увѣрена, что слезы радости потекутъ изъ очей твоихъ. Когда нареку тебѣ солюбовника, сердце мое у тебя похитившаго, ты похвалишь мое непостоянство и будешь еще молить сего солюбовника, чтобъ утвердилъ меня въ ономъ. По симъ словамъ долженъ ты судить, что не иной кто, какъ Богъ, лишаетъ тебя Элоизы. Такъ, дражайшій мой Абельярдъ; онъ-то возвращаетъ душѣ моей спокойствіе, котораго воспоминовеніе прошедшихъ нашихъ злощастій вкушать мнѣ не позволяло. Праведное небо! кто другой солюбовникъ отъ тебя отвлечь меня возможетъ? Не уже ли ты подозрѣвалъ, чтобъ смертной могъ тебя изъ сердца моего истребить? Могъ ли ты быть столь несправедливъ, чтобъ почесть меня удобною пожертвовать добродѣтельнымъ и ученымъ Абельярдомъ другому кому, кромѣ Бога? Нѣтъ,

нѣтъ, я ласкаю себя, что ты отдавалъ мнѣ справедливость. Безъ сомнѣнія желаешь ты вѣдать, какое средство употребилъ Богъ меня тронуть? Тотчасъ ты оное услышишь. Удивляйся сокровеннымъ способамъ Провидѣнія: чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я послала къ тебѣ послѣднее письмо мое, я впала въ опасную болѣзнь; врачи меня оставили и я смерть мою уже щитала непремѣнною. Тогда, сказать ли тебѣ, страсть моя, которую щитала я невинною, показалася мнѣ преступною. Воображеніе мое мнѣ вѣрно представило всѣ дѣла жизни моей, и признаюся тебѣ, что любовь моя въ сіи послѣднія минуты болѣе всего меня терзала. Смерть, которую я никогда къ себѣ толь близкою еще не видала, представилась моему воображенію въ таковомъ видѣ, въ какомъ она является грѣшникамъ. Я начина-

ла страшиться гнѣва Божія: ибо испытать оной уже приготовлялася, и раскаявалася, что не употребила въ пользу моихъ нещастій при концѣ жизни моей. Нѣжныя письма, мною къ тебѣ писанныя, и страстные мои съ тобою разговоры толикожъ въ сію минуту меня терзали, сколь прежде они мнѣ удовольствія приносили. Ахъ, нещастная Элоиза, говорила я сама себѣ! естьли предаваться пріятнымъ восторгамъ есть преступленіе, и естьли по смерти непреложное наказаніе за оными последуетъ, то почто не сопротивлялася ты склонности, толико опасной? Зри мученія, тебѣ предопредѣленныя, разсматривай съ ужасомъ сіе ужасное пріуготовленіе истязаній, и воспомяни тогда тѣ забавы, которыя обольщенная душа твоя находила толико пріятными. И такъ, продолжала я, не терзаетъ ли тебя отчаяніе, что

сими

сими ложными веселіями упоевалася? Какое безуміе жить такимъ образомъ, какъ я до сего времени жизнь мою провождала! Наконецъ, Абельярдъ, вообрази, естьли можешь, всѣ угрызѣнія, коихъ я была добычею, и тогда перемѣна моя не будетъ болѣе тебѣ казаться удивительною.

Уединеніе несносно сердцу, которое неспокойно: тоска его въ безмолвіи возрастаетъ. Съ самаго того времени, какъ я заключена въ сіи стѣны, не было у меня инаго упражненія, какъ проливать слезы о нашихъ злощастіяхъ. Обитель наполнялася моими стенаніями и подобно невольницѣ, въ вѣчное рабство осужденной, испускала вздохи и провождала дни мои въ горести. Вмѣсто исполненія намѣренія, которое Богъ о мнѣ предпріялъ, я его прогнѣвляла; сіе священное убѣжище почитала ужаснѣйшею темницею и

иго

иго Господне носила съ принужденіемъ; вмѣсто освященія себя кающеюся жизнію, мною провождаемою, я утверждала мое отверженіе. Какое заблужденіе! Но оное миновалось, Абельярдъ: я разторгла завѣсу, зрѣніе мое помрачающую; и естьли можно мнѣ увѣряться новымъ движеніямъ, которыя во мнѣ происходятъ, то скоро учинюсь достойною твоего почитанія. Ты уже не тотъ болѣе влюбленной Абельярдъ, которой для доставленія себѣ нощію потаеннаго со мною разговора вымышлялъ каждой день новыя средства обмануть осторожность тѣхъ, кои надъ нами надсматривали. Приключившееся тебѣ нещастіе послѣ толь щастливыхъ минутъ заставило тебя возчувствовать къ пороку отвращеніе. Съ того времени ты посвятилъ остатокъ дней твоихъ добродѣтели, и казалося безъ принужденія сей необходимости

стми

сти покарялся; а я, будучи болѣе тебя нѣжною и болѣе кѣ нѣжнымѣ утѣхамѣ чувствительною, сѣ нетерпѣніемѣ сносила сіе злощастіе. Ты слышишь мои жалобы, произносимыя противѣ нашихѣ гонителей; ты видѣлѣ изѣ моихѣ кѣ тебѣ писемѣ всѣ мои противѣ ихѣ чувствованія. Сіе - то безѣ сомнѣнія и лишило меня почтенія Абельярдова. Моя запальчивость тебя возмущала, и естьли согласишься признаться, то можетѣ быть ты уже отчаявался вѣ моемѣ спасеніи. Ты не могѣ предвидѣть, чтобѣ Элоиза могла преодолѣть страсть, толико сильную; но ты обманываешься, Абельярдѣ: слабость моя, подкрѣпляемая благодатію, не могла воспрепятствовать мнѣ получить совершенныя побѣды. Возврати мнѣ твое почтеніе, я о томѣ прошу тебя, и благочестіе твое должно за меня втайнѣ о семѣ у тебя ходатайствовать.

Но

Но какое тайное смущеніе возстаетъ въ душѣ моей! какія непонятныя мнѣ движенія сопротивляются моему предпріятію, не воздыхать болѣе о Абельярдѣ! Праведное небо! иль я еще любви моей не побѣдила? Нещастная Элоиза! доколѣ дыханіе жизни въ тебѣ пребудетъ, участь твоя есть любить Абельярда. Плачь, ты никогда не имѣла справедливѣйшей сего причины къ твоему огорченію. Теперь-то должна я умереть отъ горести, благодать меня исполнила, я обѣщалась быть вѣрною благодати; а днесь, клятву мою наруша, благодатію жертвую Абельярду. Сія святотатственная жертва дѣлаетъ верьхъ моимъ злодѣяніямъ. Послѣ сего могу ли я еще надѣяться, что Богъ отверзетъ мнѣ сокровища своего милосердія? Не утомила ли я его благости? Съ самаго того времени начала прогнѣвлять его, какъ

стала

стала знать Абельярда; бѣдственная симпатія вовлекла обоихъ насъ въ преступное обхожденіе. Богъ употребилъ непріятельскую руку къ нашему разлученію; я о томъ сокрушаюсь, проклинаю наше злощастіе и обожаю оное на насъ низпославшаго. Ахъ! мнѣ должно было принять сіе злощастное приключеніе за тайное повелѣніе небесъ, отвергающихъ наше совокупленіе, и съ того же времени стараться истребить страсть мою. Ахъ! колико бы полезнѣе было забыть навсегда предметъ, коимъ мысли мои были объяты, нежели сохранять воспоминовеніе, толь бѣдственное спокойствію дней моихъ и моему спасенію! Великій Боже! всегда ли мысли мои будутъ наполнены однимъ только Абельярдомъ, или уже никогда не могу освободиться отъ узъ, меня къ нему присоединяющихъ? Но можетъ быть напрасно я возмущаюся: всѣ мои

движенія учреждаетъ добродѣтель и всѣ они покорены благодати. Не опасайся ничего, любезной Абельярдъ: во мнѣ нѣтъ уже болѣе сихъ чувствій, кои, изображенныя въ моихъ письмахъ, толико горести тебѣ причиняли. Я не буду болѣе стараться о повѣствованіи тѣхъ удовольствій, которыя раждающаяся наша любовь вкушать насъ заставляла, воспламенять преступную сію нѣжность, которую ты имѣлъ ко мнѣ и которая тебѣ толь была пріятна. Я тебя отъ всѣхъ клятвъ твоихъ разрѣшаю; забудь имена любовника и супруга, но сохраняй навсегда названіе отца. Я болѣе не ожидаю отъ тебя сихъ нѣжныхъ увѣреній и писемъ, толико способныхъ любовь утверждать, а требую отъ тебя единыхъ набожныхъ увѣщаній и спасительныхъ наставленій. Путь ко спасенію колико бы ни былъ терніемъ исполненъ, но слѣдуя по стопамъ твоимъ, оной мнѣ казаться будетъ

прі-

пріятнымъ; ты найдешь меня всегда готовою за тобою послѣдовать. Я съ большимъ удовольствіемъ читать буду твои письма, въ которыхъ ты будешь мнѣ доказывать преимущесшва добродѣтели, нежели тѣ, въ коихъ съ толикою хитростію ты скрывалъ пагубную отраву страстей, которыя влагалъ въ меня. Тебѣ съ сего времени не должно болѣе сохранять молчаніе, не сдѣлавшись чрезъ то виновнымъ. Въ то время, будучи вся исполненна жестокою страстію, я тебя принуждала съ толикимъ жаромъ писать ко мнѣ, но и тогда коликимъ множествомъ писемъ надлежало мнѣ обременить тебя, чтобъ отъ тебя возмочь хотя единое изторгнуть! Ты лишалъ меня въ моемъ нещастіи единственнаго оставшагося мнѣ утѣшенія, ты почиталъ оное для меня опаснымъ и хотѣлъ твоею жестокостію принудить меня забыть тебя. Тогда мнѣ не льзя бы-

ло за сіе на тебя негодовать, но теперь уже нечего опасаться: щасшливая болѣзнь, которую Провидѣніе кажется для моего исправленія послало, сдѣлала то, что всѣ человѣческія усилія и твоя жестокость учинить были безсильны. Я вижу теперь суетность сего тлѣннаго благополучія, коимъ мы такъ восхищалися, какъ будто бы никогда не могли онаго утратить. Колико смущеній, коль много безпокойствъ для него претерпѣвать мы долженствовали! Нѣтъ, Господи, нѣтъ истиннаго блаженства на земли, кромѣ добродѣтели. Сердце посреди мірскихъ удовольствій чувствуетъ нѣкую горесть; оно пребываетъ смущеннымъ и неспокойнымъ до того времени, доколѣ въ тебѣ не найдетъ своего спокойствія. Чего я тогда, Абельярдъ, не претерпѣла, когда въ моемъ уединеніи сохраняла еще пламя, коимъ, будучи въ мірѣ, я пылала? Я не могла безъ ужаса видѣть стѣны,

меня

меня въ себѣ заключающія; часы казалися мнѣ медлительными годами, въ одинъ день стократно раскаявалася, что живую себя погребла. Съ того же времени, какъ благодать очи мои просвѣтила, все перемѣнилося: уединеніе мое кажется мнѣ пріятнымъ, спокойствіе, въ ономъ мною видимое, до глубины сердца моего проницаетъ, довольна исполненіемъ моихъ должностей, ощущаю въ себѣ такую сладость, каковой ни богатства, ни знатность, ни свѣтскія веселости, не могли никогда мнѣ даровать. Коль же дорого сіе спокойствіе мнѣ стоило! колико я имѣла труда пріобрѣсть его! Я купила оное цѣною моей любви, и принесла оному жесточайшую жертву, которая, казалося, силы мои превышала. Тебя истребила изъ сердца моего, но не воспламеняйся ревностію: я Богу мѣсто въ ономъ опредѣлила, которой долженствовалъ всегда совершенно онымъ

обладать, а будь доволенъ пребываніемъ въ мысляхъ моихъ, изъ которыхъ никогда не выдешь. Помышлять о тебѣ будетъ для меня сокровеннымъ удовольствіемъ, и за честь себѣ почитать буду исполнять тѣ правила благочестія, которыя рука твоя начертаетъ.

Сію минуту мнѣ принесли письмо твое, я тотчасъ его читаю и пишу къ тебѣ отвѣтъ на оное. Ты узнаешь по крайней мѣрѣ изъ моей нетерпѣливости къ тебѣ писать, что ты все еще мнѣ дорогъ. . . . . Ты дѣлаешь мнѣ учтивые выговоры, что я давно не увѣдомляла тебя о моемъ состояніи. Болѣзнь моя въ томъ должна меня оправдать; я не пропускаю ни одного случая, чтобъ не доказать тебѣ, что я тебя помню. Я благодарю тебя за безпокойствія, которыя, говоришь, причиняетъ тебѣ мое молчаніе, и за обязательное опасеніе, какъ ты увѣряешь, о состояніи моего здоровья;

ровья; твое же, сказываешь ты, весьма слабо и что на сихъ дняхъ чаялъ ты окончить жизнь твою. Съ какимъ хладнокровіемъ, жестокой, уведомляешь ты меня о томъ, что всего удобнѣе огорчить меня! Я описала тебѣ въ послѣднемъ письмѣ моемъ то состояніе, въ кое я буду приведена, естьли жизнь твоя пресѣчется, и естьлибъ ты любилъ меня, то бы умѣрялъ жестокости строгія твоея жизни. Я представлю тебѣ, коль нужны намъ твои совѣты, и необходимую надобность, чтобъ ты сохранялъ жизнь твою. Я не буду объ одинакихъ вещахъ тебѣ повторять, опасаясь тебѣ онымъ наскучить. Ты просишь насъ не забывать о тебѣ въ нашихъ молитвахъ? Ахъ, дражайшій мой Абельярдъ! ты долженъ полагаться на усердіе къ тебѣ нашего общества, которое совершенно тебѣ предано. Не льзя по справедливости обвинить онаго, чтобъ предало тебя забвенію: ты отецъ

нашъ, мы дщери твои; ты нашъ путеводитель, мы съ увѣреніемъ предаемся твоему благочестію; ты нами повелѣваешь, мы тебѣ повинуемся; рачительны въ исполненіи нашихъ должностей мы вѣрно исполняемъ то, что благоразуміе твое намъ предписало; безъ согласія твоего не налагаемъ на себя покаянія, дабы чрезъ то не послѣдовать болѣе безразсудному усердію, нежели твердой добродѣтели. Однимъ словомъ, все, что мы ни дѣлаемъ, кажется намъ нехорошо, естьли Абельярдъ не аппробовалъ того. Еще ты увѣдомляешь меня объ одной вещи, которая меня безпокоитъ: сказывали тебѣ, что нѣкоторыя изъ сестръ нашихъ подаютъ худые примѣры и что правилъ своихъ не наблюдаютъ. Сіе можетъ ли удивлять тебя, которой чрезъ опыты довольно знаешь, какимъ образомъ нынѣ обители наполняются? Отцы нынѣ разсматриваютъ ли склон-

ности

ности дѣтей своихъ, чтобъ избрать имъ родъ жизни по расположенію оныхъ? Политика и интересъ по большой части нынѣ всѣми учрежденіями управляютъ. Вотъ отъ чего бываютъ иногда въ монастыряхъ монахини, дѣлающія сану своему посрамленіе! Но я прошу тебя меня увѣдомить, что сказано тебѣ о нашей обители, и наставить меня въ способѣ къ возстановленію въ оной порядка. Пренебреженіе правилъ, о которыхъ ты говоришь, еще взоровъ моихъ не поражало; а естьлибъ я оное усмотрѣла, то сдѣлала бы противъ сего порядочное учрежденіе. Я каждую ночь хожу сама дозоромъ и строго повелѣваю входить въ кельи сестрамъ, коихъ нахожу прохлаждающихся свѣжимъ воздухомъ. Я помню еще всѣ приключенія, случившіяся въ монастыряхъ, находящихся по близости Парижа. Ты окончаваешь письмо твое обыкновенными жалобами противъ фортуны

туны и призываешь смерть, какъ окончаніе жизни, толико скучной и бѣдственной. Возможно ли это, чтобъ разумъ, толико просвѣщенной, не могъ никогда утѣшить себя въ прошедшихъ нещастіяхъ? Чтобъ сказалъ свѣтъ, естьлибъ оной, такъ какъ я, читалъ письма твои? Оной бы подумалъ, что ты для того единственно заключилъ себя, чтобы оплакивать немощь твою; оной бы почелъ, что единственная причина, понудившая тебя жить въ уединеніи, есть стыдъ видѣть себя въ ужасномъ состояніи, въ которое злость родственниковъ моихъ тебя ввергнула. Чтобъ сказала о тебѣ сія толпа младыхъ людей, изъ отдаленныхъ странъ сбѣгающихся внимать твоихъ наставленій, которые предпочитаютъ строгія твои поученія пріятностямъ свѣтскія жизни, естьлибъ они видѣли тебя втайнѣ невольникомъ страстей твоихъ и почувствовалибъ всѣ слабости,

отъ

отъ коихъ поученія твои ихъ защищаютъ? Безъ сомнѣнія сей Абельярдъ, которому они удивляются, сей рѣдкой человѣкъ, которой ими предводительствуетъ, лишился бы славы своей и былъ бы презираемъ отъ учениковъ своихъ. Естьли сіи причины не могутъ укрѣпить тебя противъ твоихъ злощастій, то обрати на меня твои взоры, удивляйся намѣренію, принятому мною заключить себя по твоему примѣру: я была въ молодыхъ еще лѣтахъ, когда насъ разлучили, и естьли должно вѣрить словамъ твоимъ, коими ежедневно ты увѣрялъ меня, то не недостойна была склонности честнаго человѣка; когдажъ бы я любила въ Абельярдѣ одни только чувственныя удовольствія, тысячабъ младыхъ любви достойныхъ юношей могли меня въ потеряніи тебя утѣшить. Ты вѣдаешь, что я учинила; избавь меня отъ повторенія онаго. Помнишь

мнишь ли тѣ увѣренія, коими я клялась тебѣ любить тебя всегда съ одинакою нѣжностію? Я поцѣлуями моими отирала слезы твои, и какъ ты сталъ менѣе для меня опаснымъ, я гораздо менѣе тогда воздерживалася. Ахъ! естьлибъ ты нѣжно любилъ меня, то бы клятвы мои, восторги, ихъ сопровождающіе, и невинныя ласки, которыми я тебя осыпала, все сіе не долженствовало ли бы тебя утѣшить? Когда бы ты видѣлъ меня дѣлающеюся нечувствительно къ тебѣ холодною, тогдабъ ты имѣлъ причину предавать себя отчаянію. Но нѣтъ, никогда ты не получалъ болѣе, какъ въ то время, увѣреній въ страсти моей. Чтобъ не видала я болѣе въ письмахъ твоихъ, любезной мой Абельярдъ, сихъ роптаній противъ фортуны! не одного тебя она гонитъ, ты долженъ забыть ея гоненія. Какой стыдъ для Философа быть безутѣшнымъ въ неща-

щастіи, могущемъ случиться со всякимъ человѣкомъ! Подражай моему примѣру. Я родилася съ горячими склонностями, каждой день сражаюся съ весьма нѣжными движеніями, славно для меня восторжествовать надъ оными и покорить ихъ подъ власть моего разсудка. Должно ли, чтобъ слабая душа укрѣпляла духъ твердой и здравое разсужденіе? Но куда влечетъ меня слѣпое заблужденіе? Къ тебѣ ли, дражайшій Абельярдъ, простирается рѣчь моя? Я забыла, что вѣщаю сіе новому отцу пустынножителю. Ты исполняешь тѣ добродѣтели, въ которыхъ другихъ наставляешь; а естьли жалуешься на нещастіе, то не для того, что чувствуешь онаго удары, но что не въ силахъ показать врагамъ твоимъ, что они безвинно помышляютъ вредить тебѣ. Оставь ихъ, Абельярдъ, оставь ихъ истощить стрѣлы ихъ и продолжай прельщать

всѣхъ

всѣхъ тѣхъ, которые тебѣ внимаютъ, открывай сіи драгоцѣнныя сокровища, которыя небо, казалося, для тебя единственно сохраняло. Враги твои, будучи тронуты блистаніемъ твоего просвѣщенія, отдадутъ тебѣ справедливость. Коль я возрадуюся, когда увижу весь свѣтъ въ честности твоей столькожъ увѣреннымъ, какъ я. Достоинства твои во всей вселенной уже извѣстны, и величайшіе враги твои соглашаются, что нѣтъ ничего такого, чегобъ не зналъ ты изъ всего, что человѣческой разумъ можетъ постигнуть. Ахъ дражайшій мой супругъ! уже въ послѣдній разъ сіе наименованіе я употребляю; или уже никогда я тебя не увижу? Буду ли я имѣть хотя одинъ еще разъ прежде смерти моей удовольствіе прижать тебя въ моихъ объятіяхъ? Что говорю я нещастная! Вѣдаешь ли, Элоиза, чего желаешь? Возможешь ли ты

ви-

видѣть сіи пронзительныя очи, не вспомня тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, которыя толико были для тебя бѣдственны? Можешь ли ты взирать на сей величественной видъ Абельярдовъ, не почувствуя ревности ко всѣмъ тѣмъ, кои, также какъ и ты, его увидятъ? Сіи уста, которыя не можно видѣть, не возчувствуя желаній, сіи руки, толь удобныя къ собиранію сокровищъ любви, однимъ словомъ, не можно Абельярда видѣть женщинѣ безъ опасности. Не желай же, Элоиза, не желай болѣе видѣть Абельярда: ибо когда одно воображеніе и воспоминаніе о немъ тебя возмущаютъ, то чего уже не сдѣлаетъ его присутствіе? какихъ не произведетъ оно въ душѣ твоей желаній? Какъ возможешь ты пребыть обладательницею чувствъ твоихъ при воззрѣніи на человѣка, толико любезнаго? Должно мнѣ признаться предъ тобою, Абельярдъ, въ томъ, что чувствительнѣйшее

нѣйшее удовольствіе въ уединеніи для меня составляетъ. Провождая каждой день въ помышленіи о тебѣ, наполненная сими прелестными воображеніями, по наступленіи ночи сну я предаюся. Тогда-то Элоиза, которая днемъ съ трепетомъ дерзаетъ о тебѣ помышлять, предается удовольствію говорить съ тобою и тебѣ внимать. Я тебя вижу, Абельярдъ, и наслаждаю мои взоры толь пріятнымъ воззрѣніемъ. Иногда вѣщаешь ты мнѣ о тайныхъ твоихъ печаляхъ и тѣмъ меня огорчаешь, иногда, также забывая вѣчное препятствіе, противоположенное нашимъ желаніямъ, ты просишь меня учинить тебя щастливымъ, и я безъ сопротивленія уступаю твоимъ восторгамъ. Пріятныя мечтанія! сладостныя заблужденія! колико скоро вы проходите! Пробуждаюся, открываю глаза мои и не вижу болѣе Абельярда; простираю руки мои, чтобы удержать его, онъ утекаетъ; зову

его,

его, онъ меня не слышитъ. Колико я безумна, разсказывая тебѣ сіи сонныя мечтанія, тебѣ, которой къ симъ удовольствіямъ уже нечувствителенъ! Не обманываюсь ли я, Абельярдъ? Видишь ли и ты также иногда во снѣ Элоизу? Въ какомъ состояніи она тебѣ представляется? Такія ли нѣжныя слова ты съ нею употребляешь, какія говаривалъ тогда, какъ Фульбертъ ввѣрилъ ее твоимъ попеченіямъ? По пробужденіи твоемъ сіе мечтаніе радуетъ тебя, или огорчаетъ? Извини, Абельярдъ, извини заблуждающуюся любовницу Я не должна отъ тебя ожидать болѣе сей живости, которая возбуждала твои о мнѣ старанія. Уже не время требовать отъ тебя совершеннаго соотвѣтствія желаніямъ: мы теперь подвержены строгимъ правиламъ и должны имъ послѣдовать, чего бы намъ то ни стоило. Разсмотримъ наши должно-

сти во всей ихъ строгости и сдѣлаемъ, естьли возможно, доброе употребленіе сей необходимости, которая содержитъ насъ въ отдаленіи одного отъ другаго. Ты, Абельярдъ, благополучно совершишь свое теченіе: желанія твои и движенія души твоей къ твоему спасенію препятствія не полагаютъ. Одна Элоиза жалости достойна: всегда печальная Элоиза будетъ проливать источники слезъ безъ надежды, чтобъ оныя были *орудіемъ* къ ея спасенію.

Я было окончила письмо мое, не увѣдомя тебя о томъ, что на сихъ дняхъ здѣсь случилося: младая монахиня изъ числа тѣхъ, коихъ заключаютъ въ монастырь, не разсматривая, свойственна ли имъ такая жизнь, или нѣтъ, чрезъ неизвѣстную мнѣ хитрость нашла случай уйти, и слухъ несется, что она съ однимъ молодымъ

человѣкомъ, котораго любила, переѣхала въ Англію. Я приказала всѣмъ монахинямъ содержать сіе приключеніе втайнѣ. И такъ, Абельярдъ, естьлибъ тебѣ было позволено жить съ нами, ты бы предупредилъ сіи безпорядки: всѣ бы сестры наши, прельстяся твоимъ видомъ и вниманіемъ твоихъ наставленій, ни о чемъ бы не помышляли, какъ слѣдовать твоимъ примѣрамъ и исполнять твои наставленія. Младая монахиня, нарушившая свои обѣты, не предпріяла бы толь преступнаго намѣренія. Почто ты не начальствуешь надъ нами для увѣщанія насъ провождать жизнь святую? Естьлибъ мы имѣли очи твои свидѣтелями дѣлъ нашихъ, оныя бы всѣ были невинными; когдабъ мы упадали, ты бы возставлялъ насъ, и укрѣпляемыя твоими совѣтами, мы бы твердыми шли стопами по стезѣ строгія добродѣтели. Я начинаю усма-

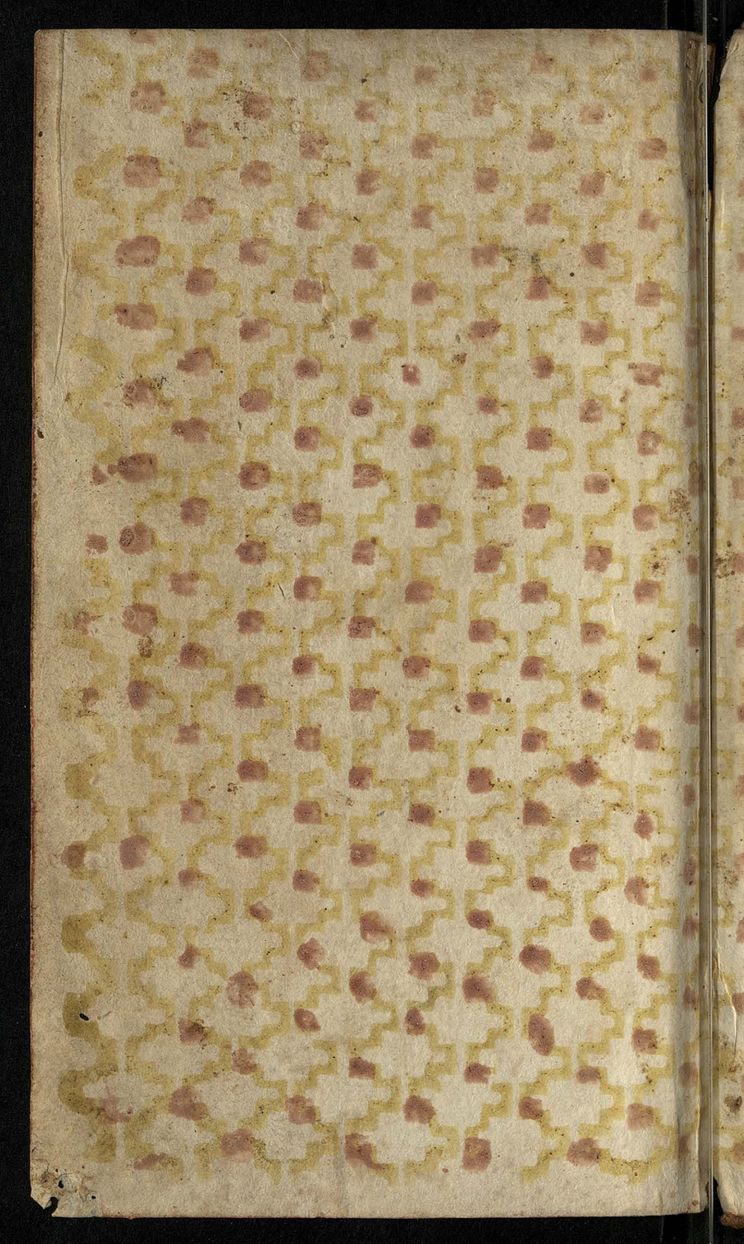
 три-

тривать, о Абельярдѣ! что слишкомѣ насладилася удовольствіемѣ вѣ писаніи кѣ тебѣ. Я бы долженствовала сжечь письмо мое: оное покажетѣ тебѣ, что я все еще наполнена кѣ тебѣ страстію, нещастнѣйшею вѣ свѣтѣ; а при начинаніи письма имѣла намѣреніе увѣрить тебя вѣ противномѣ. Я безпрестанно движеніями благодати и движеніями страсти моей колеблема и попеременно имѣ повинуюся. Сжалься, Абельярдѣ, надѣ состояніемѣ, вѣ которое ты меня приводишь, и сдѣлай такѣ, чтобѣ послѣдніе дни жизни моей были толикожѣ спокойны, колико первые были смущаемы.

Элоиза.

Конецѣ.

22
/52

